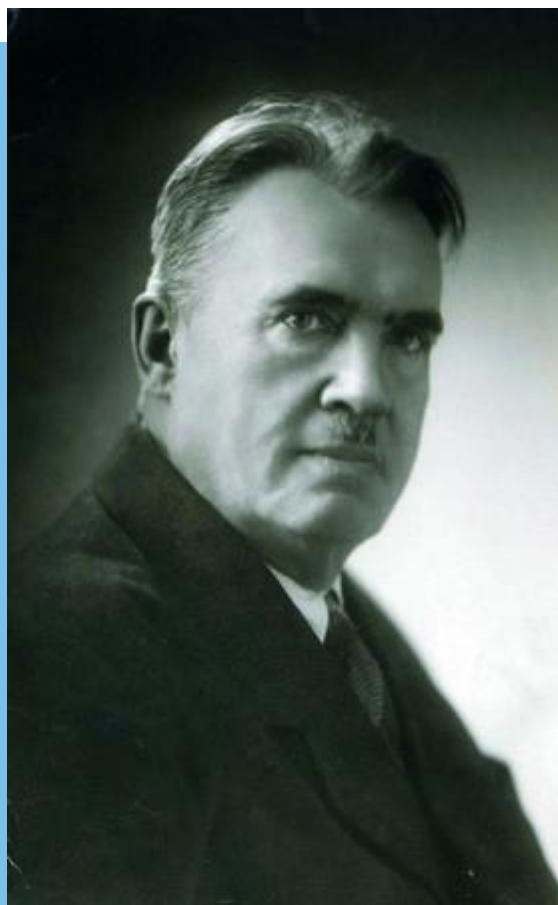

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тихоокеанский государственный университет»

С. И. Якимова

***Всеволод Никанорович Иванов:
писатель, мыслитель, журналист***

Вс. Н. Иванов

Хабаровск
Издательство ТОГУ
2013

УДК 82 – 1/- 9 : 070
ББК Ш 5(2)6+Ч 612г
Я453

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы
Амурского гуманитарно-педагогического университета *О.А. Бузуев*;
кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Хабаровского
государственного института искусств и культуры *С.И. Красноштанов*

Я453 **Якимова, С.И.**

Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. –
Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 216 с.

ISBN 978 – 5 – 7389 – 1110 – 1

Монография С.И. Якимовой посвящена научной разработке актуального, не изученного в полном объеме историками отечественной литературы и журналистики богатого, универсального в жанрово-тематическом отношении наследия крупного и самобытного русского писателя, мыслителя и журналиста XX века, в творческой и человеческой судьбе которого масштабно и многогранно отразились многие из сложных процессов русской истории XX века, истории культуры, литературы и журналистики.

В своем научном исследовании, используя биографический, историко- и теоретико-литературный методы анализа, автор работы опирается на достоверные, богатейшие материалы архивов, литературных музеев, воспоминания современников, новейшие исследования литературы русской эмиграции как отечественных, так и зарубежных ученых. Настоящая работа является научным исследованием проблем универсального творческого наследия Вс. Н. Иванова в широком контексте историко-литературных явлений XX столетия. В монографии полно и многоаспектно отражен большой, заметный вклад писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова в отечественный историко-литературный и медийный процесс XX столетия.

Издание адресовано исследователям теории, истории отечественной литературы и журналистики, преподавателям средней и высшей школы.

УДК 82 – 1/- 9 : 070
ББК Ш 5(2)6+Ч 612г

ISBN 978 – 5 – 7389 – 1110 - 1

© Тихоокеанский государственный
университет, 2013
© Якимова С.И., 2013

ВВЕДЕНИЕ

XX век стал особым периодом как в русской истории в целом, так и в истории русской культуры и литературы. Еще долгое время события и явления культурной и литературной жизни XX столетия будут приковывать к себе внимание исследователей различных областей науки. Только к концу века стала вырисовываться объективная картина жизни всей русской литературы XX века, вобравшей в себя как единое целое две ее неразрывные части, русскую советскую литературу, официально признанную в России, и литературу, искусственно изъятую из историко-литературного процесса, вобравшую в себя литературу Русского зарубежья и литературу, официально не признанную в свое время, хотя и созданную в метрополии и отдельными своими произведениями прорвавшуюся к читателю. Органическое единство отечественного историко-литературного процесса обусловлено общей историко-культурной основой, гуманистическими традициями русской классики и тем мощным творческим импульсом, который был заложен модернистскими течениями и школами начала XX века. С точки зрения истории и теории литературы все пласты русской литературы заслуживают равно глубокого изучения как неотъемлемые части единой русской литературы.

Современное литературоведение решает задачу построения интегральной картины новой русской литературы, составные части которой в настоящее время могут быть представлены в динамических отношениях системного взаимодействия как в синхронном срезе, так и в диахронном. Изменившаяся историко-культурная ситуация поставила перед исследователями теории и истории литературы большие и сложные задачи восполнения обозначившихся в науке пробелов.

Актуальность темы исследования обусловлена комплексом факторов философско-исторического, историко-культурного, историко-литературного и литературоведческого характера. К концу XX века системность и многоаспектность в подходе к анализу явлений науки стали определяющими. Произошедшие в обществе и сознании перемены предопределили возросшее внимание к большим и неизученным пластам наследия словесной культуры, философской мысли, литературы и журналистики XX века. Современная филологическая наука испытывает потребность в детализации и конкретизации историко-литературных разысканий, раскрывающих ментальность эпохи, теоретической

интерпретации вводимых в науку новых, неизученных явлений. Все это призвано способствовать воссозданию многоуровневой и объемной картины историко-культурного и литературного процесса XX столетия. На рубеже XX – XXI веков процесс обращения к духовно-нравственным, художественным ценностям литературы русского зарубежья и литературе изъятый пережил буквальный бум. Освоение этих пластов словесной культуры приобретает глубокий, научный характер. От отдельных литературно-критических обзоров наблюдается переход к исследованиям глубинного, монографического характера с высвечиванием философско-исторических, историко-культурных, историко-литературных и литературоведческих аспектов: Соколов А.Г., «Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов» (М., 1991); Раев М., «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции /1919 – 1939/» (М., 1994); Агеносов В.В., «Литература русского зарубежья» (М., 1998).

Одной из первых о дальневосточном зарубежье в России стала «вспоминательная», автобиографическая книга Наталии Ильиной «Дороги и судьбы», переиздававшаяся с дополнениями в 80 – 90-е годы ¹. Но еще прежде исследователь литературы Дальнего Востока В.П. Трушкин в своей диссертации «Пути развития литературного движения Сибири (1900 – 1932 гг.)» на соискание ученой степени доктора филологических наук первым приоткрыл завесу над этим пластом русской литературы, рассмотрев в своей работе историко-литературные процессы, предшествовавшие явлению дальневосточной эмиграции. Повесть Вс.Н. Иванова «Дочь маршала», вышедшая в 1969 году в журнале «Молодая гвардия», стала первым художественным произведением внутрироссийской литературы, обратившим свой взор к теме русской эмиграции на Востоке. В начале 1990-х годов к российскому читателю пришли новые произведения о жизни дальневосточной эмиграции: повесть И.А. Абросимова «Под чужим небом» и роман Н. Федоровой «Семья» ², первые литературно-критические статьи на эту тему. Их авторами были В. Шевченко ³, Ю. Иванов ⁴, Е. Таскина ⁵, Е. Витковский ⁶, С. Якимова ⁷.

¹ Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Моск. рабочий, 1991.

² Абросимов И.А. Под чужим небом: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1990; Федорова Н. Семья: Роман. // Роман-газета. 1992. № 10.

³ Шевченко В.С. Верность России: К 100-летию со дня рождения Вс.Н. Иванова // Дальний Восток. 1988. № 11; Шевченко В.С. Возвращение к народу и к себе // Дальний Восток. 1987. № 7.

⁴ Иванов Ю. Близость к человеку (Художественная проза Арсения Несмелова) // Дальний Восток. 1992. № 1.

Тогда же в печати появились первые публикации произведений писателей дальневосточной эмиграции: А. Несмелова ⁸, Вс.Н. Иванова ⁹. В 1989 – 1991 годах автором этой монографии были осуществлены в центральных периодических изданиях (газете «Московский литератор» и журнале «Молодая гвардия») первые в российской прессе публикации эмигрантских очерков Вс.Н. Иванова: «Шульгин на аэроплане», «Столыпин», «Власть земли», «Финал русской интеллигенции».

К середине 1990-х годов отечественное литературоведение заговорило о дальневосточной литературной эмиграции как о важной составляющей истории русской литературы XX века, имена писателей Дальневосточного зарубежья стали включаться в антологии Русского зарубежья, творчество некоторых из них привлекло внимание новых исследователей: Алексеевой Л.Ф., Гребенюковой Н.П., Мелихова Г.В., Печерицы В.Ф., Мышаловой Д.В. и других. В 1997 году автором настоящей работы в научно-популярном альманахе «Белая армия. Белое дело» (Екатеринбург) были опубликованы фрагменты эмигрантского поэтического наследия Вс.Н. Иванова, некоторые из его сонетов. Первые кандидатские диссертации российских и китайских исследователей Лю Хао, Сюй Гохун, Трусовой И.С., Цзяо Чень о Дальневосточном зарубежье как своеобразном культурном и литературном феномене, сыгравшем важную роль в процессах сохранения традиций русской классики, культурной и литературной интеграции, стали свидетельством серьезного внимания науки к данной странице истории отечественной словесной культуры.

⁵ Таскина Е. Неизвестный Харбин. М., 1994; Таскина Е. Поэтическая волна «Русского Харбина» (20 – 40-е годы) // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1994. № 24; Таскина Е. Харбин – продукт контактов стран-соседей // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4.

⁶ Витковский Е.В. На сопках Маньчжурии: Предисловие// Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990.

⁷ Якимова С.И. Прозаические жанры в творчестве Вс.Н. Иванова 20-30-х годов // Размышления о жанре: Межвуз сб. научн. тр. М.: МПУ, 1992; Якимова С.И. Из России – с Россией: Заметки о творчестве Вс.Н. Иванова периода эмиграции // Дальний Восток. 1992. №7; Якимова С.И. Историческая проза Вс.Н. Иванова/ Дис. ... канд. филол. наук. - М.: МПУ, 1992.

⁸ Несмелов А. Без Москвы, без России... Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990.

⁹ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991; Иванов Вс.Н. Из неопубликованного. Л., 1991.

Большой вклад в изучение литературы русского зарубежья внесли сами литераторы-эмигранты. Воспоминания писателей дальневосточного зарубежья: М. Волина, Н. Резниковой, В. Перелешина, Л. Андерсен, Ю. Крузенштерн-Петерс – являются важной источниковедческой базой современных научных исследований.

Изучение русской зарубежной литературы давно стало предметом изучения в работах зарубежных ученых, славистов: Г. Адамовича, Ю. Айхенвальда, Л.А. Фостер, П. Бицилли, Дяо Шаохуа, Жао Лянглун, В. Казак, Б. Кодзис, Н. Лидина, Ли Мэн, М. Слонима, Г. Струве, Э. Штейна. «Уважение к русской литературе и ее вкладу в мировую культуру заставляло западных филологов сохранять то, что десятилетия назад в Советском Союзе было приговорено к забвению...», – так один из зарубежных ученых сформулировал причины пристального и давнего интереса к русской зарубежной литературе и литературе изъятой¹⁰. Первенство научного интереса к этому пласту русской литературы принадлежит Г. Струве, чьи работы стали методологической основой в изучении литературы русского зарубежья.

Литературное творчество русской эмиграции, будучи глубоко национальным, в силу своего высокого идейно-художественного уровня оказывало влияние на литературы стран расселения и, в свою очередь, испытывало влияние культуры и литературы зарубежных стран. Процессы взаимовлияния разнонациональных культур и литератур выдвигаются на авансцену современной науки. Особенно заметными и явными проявлениями этих взаимовлияний были на стыке разных культур, западной и восточной. Одной из подвижнических миссий русской литературной эмиграции было сближение, через узнавание и понимание, народов, сформировавшихся в лоне разных культур. Это сближение несло и несет обогащение каждой из культур. Русская литературная эмиграция способствовала продвижению человечества к идее общечеловеческого дома, в котором каждый человек может быть уважаем и духовно свободен в своих культурных приоритетах.

Монографические исследования, связанные с полным и объективным изучением жизни и творчества отдельных писателей XX века, волею судьбы и объективных обстоятельств оказавшихся на периферии науки, но в полной мере отразивших в своем творчестве все главные и узловые моменты истории русской литературы XX века, представляются одним из

¹⁰ Казак В. Зарубежные публикации русской литературы. Пер. с нем. // Вопросы литературы. 1998. № 3.

продуктивных подходов к восполнению и восстановлению целостной картины жизни русской литературы в XX веке. В универсальном творческом наследии таких писателей и мыслителей, почти не изученных наукой, максимально и уникально концентрированно, концептуально отразилась вся масштабная амплитуда жизни русской культуры и литературы XX столетия.

Изучение творческого наследия Вс.Н. Иванова соприкасается с еще одной важной литературоведческой проблемой, обозначенной в XIX веке В.Г. Белинским. Во Вступлении к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, Белинский писал: «Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но не богата и литература, в которой все – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы. <...> Художественно второстепенное является самоценным литературным явлением»¹¹. Своим поистине универсальным творчеством Вс.Н. Иванов выходит далеко за пределы регионального масштаба и действительно требует многоаспектного рассмотрения. Как одно из крупных явлений русской культуры XX века, являясь талантом обыкновенным (в хорошем смысле этого слова), Вс.Н. Иванов оставил потомкам произведения, представляющие собой уникальное пространство научной и художественной мысли, где в историко-культурном контексте XX века личность писателя нашла свое амбивалентное воплощение. В атмосфере культурного и литературного многоголосия первых двух десятилетий XX века, на которые пришлись годы его становления как писателя и мыслителя, Вс.Н. Иванов настойчиво, самостоятельно и мощно искал свой путь, который не повторял бы чей-то, уже пройденный. Соприкосновение художественных и научных воззрений писателя-мыслителя с опытом предшествующей и современной ему классики, осознанная опора на этот опыт не ослабили художественного новаторства писателя.

Творческое наследие Вс. Н. Иванова, взятое во всей комплексности и полноте, представляет собой индивидуальный и уникально универсальный отклик на фундаментальные динамические процессы в социокультурной жизни России, ее метрополии и диаспоры, в первой половине XX столетия. Творчество писателя Всеволода Никаноровича Иванова, объективно и полно отражая многие из граней отечественного историко-культурного и литературного процессов XX века, в том числе явления дальневосточной

¹¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. – М., 1955. – Т. 1. - С. 379.

эмиграции, будучи в необходимом объеме не изученным, представляет несомненный интерес для науки.

На фоне сложного процесса обретения русской культурой и литературой XX века своей полной и подлинной истории творчество Вс.Н. Иванова, самобытного русского писателя, мыслителя и публициста, из пятидесяти пяти лет творческой жизни двадцать два года находившегося в эмиграции в Китае, не воспринимается как феномен. Скорее, это явление достаточно типичное, из разряда неудобных для советской идеологической системы, замалчиваемых продолжительное время и в полном объеме не изученных. В его творчестве естественно и органично воссоединились, переплелись внутренними связями два искусственно разделенных потока русской культуры и литературы XX века, нашли научное объяснение и художественно-публицистическое воплощение интеграционные процессы межкультурной коммуникации, взаимного влияния культур Запада и Востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВС.Н. ИВАНОВА КАК ВРЕМЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПОИСКОВ

Всеволод Никанорович Иванов (1888 – 1971) – самобитный русский писатель, мыслитель, журналист XX века. В его личной судьбе и многогранном творчестве отразились драматические события отечественной истории первой половины XX века. Его большая, богатая событиями жизнь – это путь неустанных поисков исторической истины, поисков смелых, порой отчаянно бескомпромиссных.

«Нельзя жить глухим обывателем. Нужно иметь за собой происхождение, историческое хотя бы. А главное, нужно иметь и уметь давать чувствовать, что ты не обыватель, что ты нужен Родине и даже после смерти нужен ей твой дух»¹². Эти слова – из «Записных книжек» Вс.Н. Иванова, опубликованных через двадцать лет после его смерти. Более полувека писатель одухотворял своим могучим деятельным присутствием жизнь российской провинции, ее дальневосточной окраины и дальневосточного зарубежья. Книги Вс.Н. Иванова способствовали одухотворению жизни россиян и еще долго будут делать это. Сам писатель глубоко верил в целесообразность, необходимость и важность своего труда для настоящего и будущих поколений. Уже зрелым мастером на исходе жизни, подводя ее итоги, Иванов записал в тех же «Записных книжках»: «В основном моя работа кончена, то есть оборвана. Предо мной - обрыв, куда надо прыгать. Однако важно и то, что та работа, которую я делал, будет продолжаться!»¹³. Реальность подтвердила правоту этих слов, его провидческий дар писателя и мыслителя.

Духовно-нравственным, эстетическим кредо Вс.Н. Иванова было его особое, родственное пушкинскому, отношение к истории, к прошлому: «Только зная прошлое, помня о нем, мы познаем, увидим, сделаем новое... Нам так надо знать старое, чтобы увидеть новое, чтобы принять его. Только благодаря памяти мы личности, а не Иваны, не помнящие родства»¹⁴. Во всех своих научно-художественных произведениях Иванов в центр

¹² Иванов Вс.Н. Из записных книжек // Дальний Восток. 1988. № 11. С. 120.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 114.

повествования ставил Россию, ее историю в неперенной связи с историей культуры. Поиск исторической истины, важной самой по себе, но более значимой для последующих поколений, был направляющей линией в его творчестве. Прошлое для писателя – это ключ к пониманию современности и ориентир на будущее. Творчество Иванова дает истинное понимание прошлого, тех ценностей, которые всегда помогали народу выстоять, выйти из испытаний обновленным. Как справедливо заметил В.С. Шевченко, редактор целого ряда произведений Иванова, «читая его (Вс.Н. Иванова - С.Я.) книги, мы ощущаем себя <...> причастными к великой истории, которая светит нам сегодня своими манящими огнями. Они – наши ориентиры, и, размышляя о своем будущем, мы обязаны иметь в виду только эти огни, которые светят здесь нам, дома, а не на Западе или Востоке»¹⁵. У России есть своя история, богатая и трудная. И, прозревая дорогу в будущее, необходимо Свои шаги сверять со Своей историей, историей Своей культуры, считал Вс.Н. Иванов.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОКИ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ВС. Н. ИВАНОВА

Вс.Н. Иванов родился 19 ноября 1888 года в городе Волковыск Гродненской губернии в семье уроженца г. Москвы, учителя чистописания и рисования. Дед его, Лаврентий Иванович Иванов, был «из Оренбургской губернии, из крепостных мужиков господ Лапиных. Верой и правдой служил царю и отечеству, солдатом ходил с фельдмаршалом графом И.Ф. Паскевичем в 1849 году в Венгрию, наводил там «порядок». Раненый, уволенный «вчистую», определился кондуктором на только что открытую Николаевскую железную дорогу, где попал в крушение между Москвой и Петербургом, и после чего, уже как «двойной» инвалид, работал до конца жизни в Московском окружном суде швейцаром»¹⁶. Женился дед, уже служа в Кремле, на дочери смотрителя воспитательного дома Насте Козырьковой, девушке общительной и жизнелюбивой. «У них в том кремлевском подвале родился прошенный и моленый сынок Никанорушка,

¹⁵ Шевченко В.С. Час молчания: Диалоги о времени // Газета «Тихоокеанская звезда». Хабаровск. 1995. 15 марта. С. 2.

¹⁶ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 9.

мой отец», – напишет Всеволод Никанорович на исходе жизни в своих «Воспоминаниях»¹⁷. Отец стал хорошим графиком, владел искусством старинных приказных уставных и скорописных почерков. Окончив Строгановское училище, отец уехал в Волковск и поступил на должность учителя чистописания в уездное училище. «Красивый, веселый москвич, художник, певец, гитарист, – так пишет Иванов о своем отце, – вскоре женился на дочери чиновника из владимирских поповичей, посланного «русифицировать» «Царство Польское», Доброхотовой Ольге Николаевне»¹⁸.

Всеволод рос отзывчивым, чутким ребенком, накапливая и синтезируя в себе впечатления детства. Из детства он вынес и многие хитросплетения человеческого бытия. В семье Всеволод был старшим из детей, позднее у него появились братья Константин, Евгений и сестренка Людмила, которая умерла в раннем детстве от простуды. Через несколько лет семья Ивановых переселилась из маленького городка Волковск в Ржев Тверской губернии, поближе к родине отца, откуда в 1897 году переехала в Кострому. В Костроме Всеволод получил начальное образование и поступил в Костромскую гимназию. Дети подолгу жили в Волковске у дедушки Дмитрия Францевича и бабушки Александры Ивановны Доброхотовых. Когда Всеволоду было 10 лет, родители разошлись, мать уехала от семьи. После развода семья Ивановых в составе отца, Никанора Лаврентьевича, бабушки Насти и сыновей поселилась на улице Нижняя Дебря, где отец нанял новую квартиру. Много позднее, уже вернувшись из эмиграции и проживая в Хабаровске, Иванов напишет об этой поре своего детства и ранней юности историко-революционный роман-хронику «На Нижней Дебре» (Хабаровск, 1958). Всеволоду Иванову довелось стать свидетелем и непосредственным участником многих общественно-политических событий, происходивших в самом начале XX века в провинциальной Костроме. В романе писатель покажет, как в атмосфере быстро меняющихся общественно-политических обстоятельств происходило духовное развитие главного героя романа, юноши-гимназиста Николая Прокшина, образ которого во многом автобиографичен.

Восемь лет учебы в Костромской классической гимназии с преподаванием греческого и латинского языков стали годами приобщения

¹⁷ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 10.

¹⁸ Там же.

будущего писателя-историка, мыслителя к непрерывной культурной национальной традиции, идущей от Царскосельского лицея, от Пушкина, от славного 1812 года, когда Россия впервые явилась в Европу не только могучей, но талантливой и великодушной. Чтение открыло перед мальчиком новые миры, оно способствовало рождению новых впечатлений, обогащая и развивая душу. Романы Жюль Верна, «Князь Серебряный» А.К. Толстого – вот только некоторые из ярких впечатлений детства, ощутимые «исторические туманы» от которых он помнил всю жизнь.

Изучение древних языков, приобщение к культуре далеких предков стали важными предпосылками впоследствии сформировавшегося у него высокого уровня интеллекта и широкой эрудиции. Через всю жизнь Всеволод Никанорович пронес теплую память о гимназии и глубокую признательность преподавателю истории, сумевшему пробудить в подростке интерес к истории России и ее народа, интерес, которому писатель оставался верен всю жизнь. Почти через 70 лет он вспоминал: «В том же 1899 году надвинулось на меня еще одно событие, сыгравшее немалую роль в дальнейшей моей жизни»¹⁹. Это была встреча с Пушкиным, который, по воспоминаниям Вс.Н. Иванова, «словно морская волна, подхватил меня и швырнул в поток жизни моего народа. Предомной вставал ощутимо, воочию процесс истории человечества не как механическое следование одного факта за другим, а как его нарастающее развитие через рождение новых форм бытия»²⁰. Тема Пушкина станет одной из самых притягательных для писателя Иванова в его художественно-историческом творчестве.

О своем юношеском мировосприятии зрелый Иванов напишет в «Воспоминаниях»: «Вокруг нас шевелился, рос, строился целый мир, такой чертовски интересный! Мы росли и учились больше в этом мире, чем в гимназии. Впечатления нас заваливали, увлекали, вдохновляли, а гимназия вводила, устанавливала в них порядок, что сводилось к усвоению некоего упрощенного минимума знаний, раскладывала их по ящикам, расталкивала по полкам. Жизнь учила нас, и к жизни тянулись мы, и, надо сказать, гимназия очень умно не мешала нам в этом. Она давала нам

¹⁹ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

именно направление в жизнь, а что мы встретим на этом пути, никто не знал.

Но впечатлений становилось столько, что все труднее было оформить, принять их. Ведь они могли захлестнуть нас, увлечь с собой. Кроме школы, кроме учебы, кроме науки нам нужна была еще мысль, чтобы разбираться в этой разрастающейся радости жизни, мысль, сконцентрированная в великих образах. И на помощь к нам шла удивительная русская литература, широкая, как наши просторы, глубокая, как наши моря. В моем познании я уже не был наедине с миром, рядом со мной оказывался автор. Авторы же были истолкователями, а очки-то у них бывали разные: и розовые, и черные...»²¹.

Иванов воссоздает трудный процесс зарождения и развития в молодом человеке аналитического, критического подхода к жизни и искусству. Это не в малой степени способствовало формированию в нем самостоятельно мыслящей творческой личности.

Тогда же, в детстве, в сознании мальчика сложились первые представления о таких далеких географических понятиях, как Китай, Пекин. Узнать их поближе Иванову будет суждено много позднее и с горечью для себя осознать глубокую ошибочность детских впечатлений. «Китайцы – варвары! – кричали газеты. – Убийцы! Дикий народ! Убивают миссионеров! Язычники, не знающие Христа! О, бедный Христос!» И когда я теперь, 65 лет спустя, вспоминаю весь этот вздор, у меня от стыда спазмы сжимают горло... Какой злобный, какой невежественный вздор! <...> Китайский дракон, у которого «голова быка, глаза рака, оленьи рога, морда льва, крысы зубы, когти орла, чешуя рыбы и тело змеи», разбуженный этими событиями, поднял свою голову»²². Иванов, проживший с народом Китая бок о бок более двух десятков лет, без сомнения, хорошо его узнал. Поэтому гневные обвинения он обращает Западу, разоблачая антигуманную политику западных держав: «В 1900 году что-то дрогнуло, хрустнуло в мире, какой-то позвонок в его хребте сдвинулся с места. Кровавые пятна появились на белизне плаща европейской цивилизации, и усилия буржуазной публицистики припудрить их оказались столь же безуспешными, как и попытка леди Макбет стереть пятно со своей руки. Экспедиция великих европейских держав в Китай 1900 года,

²¹ Иванов В.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 48.

²² Там же. С. 54.

проведенная с позиции грубой силы, была апофеозом их агрессивной политики в Азии в течение всего XIX века»²³. Вместе с физическим взрослением мужало, росло, выявлялось самосознание, все более активизируя личностное «я» юного Иванова. «Я чувствовал себя уже способным управлять своей волей, поступками, прокладывая свои пути и преследовать свои цели, однако оставаясь прочно связанным с миром. Я всю мою жизнь неизменно чувствовал локоть мира, руку матери-природы. <...> Я никогда не стремился заменять могучую целостность впечатлений, чаяний и чувствований моего растущего «я» теми членораздельными, но жалостно скудными словами, которые нам, людям, удастся в конце концов выделить из океана впечатлений, обрекая себя на общепонятное косноязычие»²⁴.

Овладевая навыками практической работы под руководством Федора Федосеевича Архипкина, мастера столярного цеха, проводившего уроки ручного труда в гимназии, Всеволод впервые задумался над необходимостью конкретного дела. Требованиями дела была пронизана и русская литература начала XX века. «И мы, костромские гимназисты, семинаристы, подстраивались к писателям и поэтам в единый строй. Мы всегда были полны веры в свой народ, всегда гордились им, готовились идти за него в огонь и воду»²⁵.

В XX век Всеволод Иванов вступил человеком, непосредственно вовлеченным в события поистине исторического масштаба: симптомы приближающейся революции, нарастание напряженности на Дальнем Востоке оставили в его душе заметный след. В своих «Воспоминаниях», созданных через полвека, писатель вспомнит об этом времени: «Полет Буревестника над Россией, несомненно, явился предвестником передвижек сил в историческом складе страны»²⁶. На Россию надвигались внутренние и внешние грозы. Ощущение приближающегося пожара носилось в воздухе. Будущий писатель не мог не чувствовать этого. «И я, мужая, чувствовал, как в воздухе начинает потягивать гарью. И пусть все эти тревожные симптомы сверкали, гремели над моей головой или, наоборот, неслышными тенями вставали подле меня, они тонули в моем молодом оптимизме. Мир захватывал меня все больше и больше, казался мне все

²³ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 54.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Там же. С. 59.

более и более прекрасным, беспредельно многообещающим»²⁷. Исторический оптимизм, основанный на молодом здоровом жизнелюбии, побуждал Всеволода искать скрепы жизни, испокон веков соединяющие систему мироздания в один целостный духовно-нравственный организм, которые с приходом нового века начинали ослабевать.

Желание постичь внутренние пружины жизни заставляло юного Иванова искать и находить новые способы и возможности приблизиться к истине. Еще гимназистом Всеволод понял, как важно обладать внутренней свободой, независимостью, в том числе и материальной: «Ох, как важно чувствовать себя независимым, всегда быть в состоянии купить книгу, поехать на каникулы к товарищу, пойти в театр... И это за свой, за собственный счет! Не просить денег у отца, не занимать их и у других, не вымогать их у матери ...»²⁸ На 16-м году жизни, на масленицу 1904 года, Всеволод Иванов смог осуществить свое давнее и заветное желание: побывать в Москве с совершенно определенной целью – посмотреть спектакли московских театров. Память сохранила самые яркие впечатления от той поездки. Ему удалось побывать в нескольких театрах: в Большом театре он смотрел с галерки балет «Конек-Горбунок», в театре Незлобина – историческую пьесу А.Н. Островского «Сон на Волге», а в Художественном театре – «Вишневый сад», не пожалев четырех рублей серебром за место в третьем ряду. Через много лет, вспоминая то время, писатель оценит свое юношеское отношение к жизни и ее приоритетам: «И это был смелый и правильный поступок – нельзя экономить на впечатлениях! Жить надо так, чтобы было что вспомнить, чтобы за спиной был целый рюкзак впечатлений. Для меня до сих пор загадка, как смог А.П. Чехов, выходец из таганрогских мещан, найти такие нежные, и не акварельные, а масляные краски для своих героев-дворян? Он-то, бесконечно умный и чуткий, отлично знал ведь, что дворянство обречено. Я был поражен и потрясен до глубины души»²⁹.

Уже тогда, в ранней юности, у Всеволода Иванова начали складываться свои, вполне определенные, в чем-то полемические, отношения с русскими писателями, с их художественными концепциями. Так, пьеса «Вишневый сад» вызвала бурю мыслей и чувств, дала толчок для возникновения спора с концепцией ее автора. Через четверть века, в

²⁷ Там же. С. 67.

²⁸ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8. С. 15.

²⁹ Там же. С. 17.

1929 году, находясь в эмиграции в Китае, Всеволод Никанорович опубликует в редактируемой им китайско-русской газете «Гун-Бао» («Общественная газета») очерк с концептуальным заголовком «Две борьбы за Вишневый сад», в котором, проявляя свой несомненный талант литературного критика, сопоставит эту драму А.П. Чехова с сюжетно похожей пьесой Дж. Голсуорси «Борьба до шкуры» («The Skin Game»). В своем очерке Иванов на первый план выдвигает сверх актуальный и в начале XXI века нравственно-философский аспект проблемы чеховской драмы: можно ли победить, сражаясь за доброе злым? Иванов не дает готового ответа на вопрос, хотя его позиция представляет собой стремление к «золотой середине» между позициями героев русской и английской драмы. Критик предлагает читателю самостоятельно решить эту нравственную дилемму. Пьеса А.П. Чехова преподавала юному Иванову гуманистический урок большой значимости и весомости, запомнившийся на всю жизнь: «Нельзя сводить счетов с прошлым, иначе не останется сил для постройки будущего. Прошлое – наш главный союзник в постройке будущего»³⁰.

Чувство истории, осознание своей причастности к ней органично возникло из самой толщи жизни, из того окружения событий и обстоятельств, которые формировали мир чувств и мыслей будущего писателя. «История – это не арбуз, – делает запись в своих «Воспоминаниях» Иванов, – нарезанный на столе ученого-статистика ломтями. История вся пронизана артериями и венами и чревата, то есть брюхата, в живом своем творчестве настоящим, уходящим в будущее, и полна еще не умершим прошлым»³¹. Начавшаяся в 1904 году русско-японская война пробудила в молодом поколении острое чувство ответственности за судьбу России, готовность помочь Родине в трудный период отстаивать свои государственные интересы, искренний и глубокий патриотизм. «Я, мальчишка, живу в провинциальной Костроме. Ну что я могу понимать? Что знать? Но, черт возьми, я же если не вижу, то чую, что происходит. В конце-то концов я могу что-то подозревать, могу тревожиться, могу болеть сердцем за свою страну, как когда-то за бедную свою мать, за свою семью», – вспоминает себя подростком Иванов. – Остаться же равнодушным к своим «отеческим гробам, к своему

³⁰ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8. С. 17.

³¹ Там же. С. 32.

пепелищу» я никогда не мог – ведь это же было бы просто изуверством!»³². Русская крепость Порт-Артур, как магнит, не отпускала от себя сердца россиян. Всеволод внимательно следил за всеми событиями, происходившими там, много прочитал тогда и узнал о Дальнем Востоке. Об этом свидетельствуют многие подробности из «Воспоминаний» писателя, прошедшего суровую школу жизни. Драматический, мучительно трудный процесс поисков пытливым мышлением ответов на вопросы времени показан в этом последнем писательском труде Всеволода Иванова во всей сложности подросткового недопонимания происходящего: «Я намеренно здесь усложняю свои воспоминания позднейшими комментариями, а тогда мои мысли, переживания были спутаны. Сколько впечатлений наваливалось со всех сторон, а слов-то, понятий не было! Волнения тех дней подымали душу на дыбы. Все мои представления о мире рушились. На нас бросилась коварно Япония; просыпалась, шевелилась Азия, наша соседка, а мы этого не предвидели, поворот событий застал нас врасплох. Смутным казалось и наше внутреннее положение. С воцарением Николая II резко менялась внешняя политика России, а Европа еще больше распалялась в своих вожделениях»³³. Война внешняя перерастала в войну внутреннюю, обострялись социальные противоречия, приближая революционный взрыв. Пропагандистские выступления революционеров (Я.М. Свердлов, М.В. Фрунзе) с сочувствием слушал и юный Иванов, о чем потом вспоминал с чувством горькой самоиронии: «Восстанавливая теперь в памяти события шестидесятилетней давности, видишь, что мы действительно были собеседниками на пиру тютчевских небожителей, и при скромном участии нашем в бездну помаленьку сдвигались, а потом летели, казалось бы, незыблемые устои»³⁴. Победу царизма 9 января 1905 года (расстрел народа) зрелый Иванов назвал пирровой победой, которая «открыла двери» великому народному сомнению в царе.

Юность брала свое. В жизнь Всеволода вошла первая любовь, таинственное и волнующее чувство. Имя ее – Валя Ртищева. Светлые воспоминания об этой девушке и чувстве, связавшем их, Всеволод пронес через всю жизнь.

Между тем тучи грядущей социальной бури сгущались и опускались все ниже. 1905 год уходил в историю страшными, потрясшими юную душу

³² Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8. С. 35.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 38.

событиями: расстрел часовым сокурсника Василия Усова, разгром российского флота в проливе Цусима, волна забастовок, прокатившаяся по стране. Юный Всеволод не мог оставаться в стороне от всего происходившего, история захватывала и несла его за собой. На этой почве возник конфликт с отцом, который предостерегал сына, всячески стремился уберечь его от участия в социальных бурях и схватках времени. Всеволоду пришлось упорно отстаивать свою внутреннюю свободу, право самому принимать решения и распоряжаться своей жизнью: «Вьюги как не бывало. Вдохнув ядерного воздуха, я всем своим нутром понял: все кончилось! Я оторвался! Я свободен! Побои отца были жертвой, которой я откупился. Что еще мог бы противопоставить мне отец? Ничего! У меня своя дорога! Цепи семьи лопнули сами от собственной тяжести. «Свободен! Свободен!» – пело все во мне. Улитка выползла из своей ракушки. Нет больше улитки!»³⁵.

Чувство Родины, рано сформировавшееся острое ощущение истории, творящейся на глазах, войдя в плоть и кровь молодого человека, побудило его для продолжения образования выбрать историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где он проходил специализацию по кафедре философии и русской истории. Этот университет подарил России начала XX века целую плеяду выдающихся личностей. В 1906 году этот университет окончил Александр Блок, с именем которого глубинно связаны многие страницы творческих исканий Вс.Н. Иванова, а в 1913-м году – Борис Пастернак. В 1906 – 1907 гг. здесь учился Саша Черный, а в 1911-м сюда поступил Осип Мандельштам. Удачно начала складываться научная и творческая биография Вс.Н. Иванова. Он учился в университете в те годы (1906 – 1911), когда в стране царил реакция после поражения первой русской революции. На двух летних семестрах 1909 и 1910 гг. студент Иванов стажировался в Германском университете в Гейдельберге в научных семинарах у известных философов Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. А до этих стажировок студент Иванов сосредоточенно занимался изучением истории и философии истории. Слушая лекции по русской истории у профессора Сергея Федоровича Платонова, Всеволод осознавал, что «те прозрения в отношении нашей истории, которые блеснули у меня в Костроме на выпускном экзамене, обрели могучую опору в его точном

³⁵ Иванов Вс.Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8. С. 96.

слове, художественно излагавшем цепь событий как причинно-следственную связь ряда исторических фактов»³⁶. Изучение русской истории, как основного учебного и научного предмета, сопровождалось работой по философии, самой ее существенной части – по теории познания, гносеологии. Серьезные занятия наукой подвели Иванова к новой исторической концепции, которая рассматривала исторический процесс сквозь призму культуры. Ярким выразителем этой научной концепции начала XX века была Европейская Баденская школа философии истории с ее приоритетом социально-моральных ценностей. Руководители этой школы: профессора Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт – были теми учителями, в научных семинарах которых занимался студент Иванов во время своих стажировок в Гейдельберге. «Главным объектом исторического исследования, – утверждал один из основателей Баденской школы философии истории Г. Риккерт, – является не абстрагированный от него (общества – С. Я.) человек вообще, но человек как социальное существо, и опять-таки лишь постольку, поскольку он участвует в реализации социальных ценностей»³⁷. Проблемы философии истории, моральный, нравственный аспекты деятельности человека стали приоритетными в научной и творческой деятельности Иванова. Этот присущий Вс.Н. Иванову уникальный синтез ученого и художника наложил своеобразную печать на все, что выходило впоследствии из-под его пера.

На склоне лет, во второй половине 1960-х годов, он напишет в «Воспоминаниях» об этом периоде своей жизни с незабываемой радостью: «Я был счастлив, положительно счастлив. Сколько я уже видел. Я добился своего, своей мечты – поехать и поработать в Германском университете, взять науку прямо <...> из первых рук, не взболтанную передачей и переводами»³⁸. А свою глубокую благодарность немецким ученым Всеволод Никанорович выразит много раньше, в эмиграции, когда посвятит свой большой труд философско-культурологического характера «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933) «Почитаемым учителям Вильгельму Виндельбанду и Генриху Риккерту, профессорам в Гейдельберге».

³⁶ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 10. С. 82.

³⁷ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 68.

³⁸ Иванов Вс.Н. Воспоминания. Т. 2 // ГАХК, ф. 1103: Иванов Вс.Н. – писатель (1888 – 1971), оп. 1, ед. хр. № 58, л. 14.

Студенческая петербургская жизнь быстро увлекла Всеволода, хотя разлука с домом переживалась глубоко. Встреча с земляками-костромичами Нагоровыми, Анютой и Михаилом, отчасти восполнила утраченное тепло родного дома. «Все, что нужно, простое, человеческое, мгновенно оказывалось у Анюты – и шутка, и сочувствие, и утешение, а на столе – и барашек с маслом, и свежий хлеб, и стерильное молоко – было и такое! Хозяйка! Как трогал меня всегда в «Одиссее» Гомера образ ключницы Эвриклеи, у которой всякий припас бывал гостям «выдаваем ею охотно» <...> Анюта излучала постоянную мудрую человеческую заботу»³⁹. Так в жизнь молодого Всеволода вошла девушка, которой суждено было стать его первой женой, Анна Владимировна Нагорова. В Литературном отделе Хабаровского краеведческого музея хранятся некоторые из ее личных вещей (вышитая ею скатерть, страницы из церковной книги), искуплено хранимых долгие десятилетия Вс.Н. Ивановым.

Тогда же, в начале студенческой жизни, Всеволод и его друзья впервые услышали имена Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Андрея Белого, Александра Блока, «трубный бронзовый голос мужественного Николая Гумилева»⁴⁰. Но чем-то особенно исключительным поразила тогда молодого Иванова поэзия Сергея Городецкого. «Трудно теперь, – засвидетельствует он, – через столько лет, понять, объяснить, воспроизвести наше потрясение неожиданным появлением поэзии Сергея Городецкого, однако это было именно так. Он явился глашатаем, трубачом эпохи»⁴¹. Восторг от встречи с поэзией С. Городецкого пережили тогда Валерий Брюсов и Александр Блок. Со многими из этих поэтов Вс. Иванова свяжет его личное творчество. Ключевыми поэтическими фигурами для него, как, впрочем, и для многих других русских писателей-эмигрантов, на долгие годы станут А. Блок и Н. Гумилев.

Поэзия начала XX века, пронизанная скепсисом и иронией, многих современников подталкивала к балансированию на грани антиэстетизма и глобального разочарования в жизни. Дисгармоничность мироздания, ощущаемая поэтами 1910-х годов как трагически неотвратимый выход за границы совсем еще близкой цельности XIX века, утверждала традицию художественных исследований неприкаянной, заблудившейся души. В творчестве многих известных современников Вс.Н. Иванова: В.

³⁹ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 10. С. 87.

⁴⁰ Там же. С. 88.

⁴¹ Там же. С. 90.

Ходасевича, С. Есенина, Георгия Иванова, М. Цветаевой, А. Несмелова, Л. Ещина, Г. Адамовича – большое место занимали темы отчаяния, тоски, разочарования в жизни. Это обстоятельство стало причиной трагедии, разыгравшейся в начале 30-х годов в Харбине, когда в результате двойного самоубийства ушли из жизни два поэта дальневосточной эмиграции: Георгий Гранин (Сапрыкин) и Сергей Сергин (Петров). Об опасности «духа отрицанья» перекинуться за недозволенную черту писал в свое время А. Блок (очерк «Русские денди», 1918). Принимая очистительные веяния «духа отрицанья», Блок предостерегал от разрушительного влияния антиэстетического искусства. Гармонизирующим началом для современников А. Блока, в том числе и Вс. Иванова, было жизнеутверждающее творчество А.С. Пушкина, всегда четко проводящее грань между добром и злом. Тем не менее, нотки пессимизма, предостерегающие мотивы были слышны и в поэзии Вс. Иванова. Мироощущение обоих поэтов: и А. Блока, и Вс. Иванова – в своей основе опиралось на учение В. Соловьева о «роковом наследии» темных сил в русской душе и о спасительной роли духовного наследия Христова для всего человечества.

В студенческие же годы произошла встреча с человеком, который позднее станет прототипом героя серии рассказов Вс. Иванова «Любовь и служба Касьянова» и новеллы «Дочь маршала» (Хабаровск, 1973). Сергей Александрович Касьянов, студент, дворянин Ярославской губернии, в котором Иванов увидел «живой еще образ русского молодого барина, такого же, какими были когда-то и декабристы, гулявшие в Париже, а после них Огарев и Герцен, Лермонтов и Пушкин, Толстой и Тютчев. Эта непринужденная, смелая болтовня, эта крестьянская простота и жизнерадостность»⁴².

Холодными зимними петербургскими вечерами Всеволод любил заходить в рестораны, трактиры, бильярдные и по несколько часов наблюдать там жизнь, «энергию пробуждающегося многоликого народа»⁴³.

Учась в университете, Всеволод все глубже погружался в русскую историю. С.Ф. Платонов заканчивал читать студентам свой общий курс истории, у академика А.С. Лаппо-Данилевского он слушал общий курс

⁴² Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 10. С. 93.

⁴³ Там же. С. 105.

методологии истории. Для Иванова становилось все более очевидным, что законы истории принципиально отличаются от законов природы, что «законы растущей, прибывающей истории никак нельзя вывести из обобщения фактов исторического опыта, подобно тому, как мы выводим законы природы на основе наблюдений»⁴⁴. Наблюдая живую историю в ее подъемах и спадах, Иванов все более убеждался, что движение истории – это не однонаправленный к прогрессу процесс, а куда более сложное и многомерное движение.

Сближение с семьей матери, с отчимом Михаилом Александровичем, штабс-капитаном русской армии, стало существенным противовесом в той осязаемой неустойчивости мира, способствовало внутренней гармонизации молодого человека. В то лето 1907 года Всеволод много получил и для развития души, совершенно по-взрослому задумавшись над проблемами женского счастья и судьбы: «... я увидел и осознал внове силу живой материнской любви, обрушившейся на меня именно от полнокровного избытка личного победоносного счастья матери. Я был как бы заряжен на всю дальнейшую мою жизнь обилием доброты, теплоты и ума моей матери, вырвавшейся из узкой ячейки заурядной семьи того времени и самостоятельно создавшей свою личную жизнь в очень трудных условиях»⁴⁵. Семья матери Всеволода Иванова в 1913 году окажется во Владивостоке, на Русском острове. А осенью 1914 года в районе Мазурских озер, под Праснышем, будет убит Михаил Александрович, подымавший свою роту в атаку.

Первая личная драма случилась в жизни Всеволода летом 1907 года, когда он буквально сходил с ума от непереносимой разлуки с любимой Анютой, впадая в отчаяние. Это отчаяние усугублялось только что прочитанным «Поединком» А. Куприна. В один из таких взрывных моментов Всеволод, изорвав в клочки большую фотографию любимой девушки, выскочил через окно из дома матери и бросился в питомник, расположенный поблизости, где он частенько коротал минуты своего одиночества. На этот раз его отчаяние столкнулось с еще большим отчаянием: он увидел в питомнике юного офицера, покончившего с собой. Смерть ошеломила Всеволода, заставила по-настоящему взрослеть, подвела к новым мыслям о жизни: «Такие переживания научили меня

⁴⁴ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 11. С. 78.

⁴⁵ Там же. С. 84.

многому: стало ясно, что с упадническими настроениями жить трудно, что нужно вырабатывать в себе способность не поддаваться внешним, случайным влияниям, сопротивляться им, искать свой курс»⁴⁶. Все осознаннее становилась внутренняя борьба жизнеутверждающего миропонимания с «духом отрицанья».

Первоначальные надежды на науку как уникальное средство, универсальный компас в жизни не оправдывались, потому что «чем глубже я «постигал науку», тем чаще оказывалось, что на каждое научное положение находилось все больше возражений»⁴⁷. При всей внутренней разногласии Иванов оставался уверен в том, что знание должно быть общезначимым, восприниматься всеми умами одинаково. Таким единственно надежным и верным учебником жизни для будущего автора крупных исторических книг становилась история. Учиться у истории – такой выбор сделал Иванов в молодости и оставался ему верен на всем протяжении своей большой и плодотворной деятельности. «И я устремился к историческим проблемам, – или события толкали меня к ним?»⁴⁸.

В многочисленных спорах и столкновениях различных концепций исторического развития Иванов всегда отстаивал свое видение мира и человека, в их тесной связи с главными ценностями жизни и высокими духовно-нравственными идеалами. Особую полемику вызвала вышедшая в те годы книга Б.В. Савинкова «Конь блед», в которой автор выдвинул тезис о позволительности любого политического убийства без суда и следствия и о легкости перевода его из разряда чрезвычайных мер в непосредственную практику. Восприятие этой книги в контексте идейного содержания «Бесов» и «Преступления и наказания», романов одного из самых близких Иванову по духу писателей, Ф.М. Достоевского, обнажало, по мысли Всеволода Иванова, всю глубину упадка общественной морали того времени. Неприятие антигуманной позиции Б.В. Савинкова, а впоследствии и тактики большевизма, за полвека только усилилось: «Книга Савинкова была не просто литературным произведением – она была журналом лабораторных опытов по спуску нашего отечества с рельсов истории»⁴⁹. В философской мысли того времени, несмотря на оппозицию сильной группы профессоров, вперед упорно пробивался марксизм,

⁴⁶ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. №12. С. 86.

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 95.

который представлялся Иванову схоластикой: «Никак я не мог согласиться, что можно перевести все духовное богатство нашей жизни в экономическую обобщенную цифирь, полноту жизни заковать в железные законы – в ней всегда должно быть что-то поразительное, не разгаданное до конца»⁵⁰.

Русская истории никогда не уходила из поля зрения Иванова-ученого и писателя. В учебном курсе академика А.С. Лаппо-Данилевского Всеволода привлекла проблема разницы образования естественнонаучных понятий, подводящих факты под единый закон, и исторических понятий, опирающихся на индивидуальную, творческую причинность. По сути, это была центральная проблема, камень преткновения всех споров между материалистами и идеалистами.

Годы студенчества были временем самых разнообразных встреч и знакомств. Среди них было немало знаменательных, повлиявших на его мирозерцание, запомнившихся на долгие годы. Так, осенью 1909 года в цирке Чинизелли Всеволод раза три смотрел «Царя Эдипа» Софокла, «как-то даже рядом с нахохленным, на сову похожим, писателем А.М. Ремизовым, очкастым, брови с кисточками, с полосатым пледом на плечах...»⁵¹. Пройдет чуть больше полутора десятков лет, и эти люди окажутся в страшной дали от столицы России, на разных концах евразийского материка: Иванов – в Китае, Ремизов – в Париже. Оставаясь близко не знакомыми, эти люди будут все-таки связаны друг с другом глубокой внутренней связью, связью со своей Родиной, Россией, сыновним чувством ответственности за ее судьбу. После выхода в свет философско-публицистической книги Вс.Н. Иванова евразийской направленности «Мы: культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926) именно А.М. Ремизов в русской прессе Парижа вступит в резкую полемику с ее автором.

На одном из вечеров в Петербурге Всеволод познакомился с Федором Сологубом, когда тот читал с эстрады своего «Нюрнбергского палача». В тот же вечер состоялось еще одно знакомство, много определившее в дальнейшей жизни Всеволода Иванова. Это было знакомство с Верой Ивашкевич, ученицей Бестужевских курсов, которая приехала в Петербург из Китая, где ее отец, полковник, служил в Харбине на Китайско-восточной

⁵⁰ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 12. С. 93.

⁵¹ Там же. С. 95.

железной дороге. Мать Веры, Анна Кирилловна, занималась литературой, в 1910 году в издательстве М.О. Вольфа вышла ее книга «Русские дети в Маньчжурии». Сестра матери, Эмилия Кирилловна Пименова, тоже была писательницей и переводчицей. Знакомство с Верой стало своеобразным предощущением будущей и желанной встречи с Востоком.

Интеллектуальная перегруженность, запутанность в сердечных делах привели к ухудшению здоровья: начались головокружения, боли в груди. Необходимым стало изменить образ жизни, вид деятельности, заняться каким-то новым делом, чтобы уйти от раздражения, ядовитой иронии к самому себе. Весной 1910 года Всеволод Иванов предпринял вторую поездку в Германию, на что дед ссудил ему триста рублей. На этот раз Всеволод решил поехать во Фрейбург, где читал свои курсы профессор Генрих Риккерт.

Осенью 1910 года, в последний студенческий год, дотации из дома прекратились, и Всеволод вынужден был начать трудовую деятельность. Непродолжительное время работал корректором отдела переводов немецкого издательства «Деятель», которое являлось филиалом Лейпцигской фирмы Брокгауза и Ефрона. Трудовая деятельность давалась ему непросто: из недоросля, как он сам заметил, стать «прикрепленным» было нелегко. Совмещать работу и учебу продолжительное время он не смог, поэтому экзамены отодвинулись на второй план. В сентябре 1911 года, после известия о покушении на Столыпина, пережив потрясение, Иванов уезжает в Тамбов к матери. Ольга Николаевна, чрезвычайно взволнованная заметно ухудшившимся самочувствием сына, вызвала военного врача, доктора Эванса Антона Антоновича, который предложил все экзамены отодвинуть на год и поступить вольноопределяющимся в полк, чтобы отбыть военную службу и физически окрепнуть. Вскоре Иванов был отправлен для обследования в Москву, где его признали «нервнобольным», как он сам пишет в «Воспоминаниях», и положили в 19-ое отделение военного госпиталя имени Петра Великого в Лефортово, откуда через два месяца его выписали⁵². «Пребывание в военной психбольнице встряхнуло меня. Что меня поразило тогда там, так это необыкновенная нервная чуткость людей, сидевших, как белки, в доме за железными сетками и решетками. Без преувеличения скажу, что, как ни бывали грубы и даже страшны их рассказы о приключившемся с ними,

⁵² Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1989. №12. С.106.

тонкость их понимания житейской правды, быстрота и точность реакции на такого рода рассказы были изумительны...»⁵³. После выписки он продолжил военную службу в Тамбове в Полоцком полку солдатом, даже втянулся в нее. «Удивительное дело! Мои шатания по университетам, тысячи лекций, прослушанных с разных кафедр, не дали мне того, что дала казарма, а именно: массивность, крутость понимания жизни. Нет, не за идеи нужно стоять насмерть, а за живую землю, за живых людей, за живое государство...»⁵⁴. Служба в царской армии стала для Иванова важным этапом в формировании у него чувства гражданской ответственности, государственного подхода к проблемам общества, истинного понимания жизни, ее ценностей и приоритетов. «Я ясно понял, что, несмотря ни на что, должен уметь дать самому себе полный «удерж», отказываясь от всего, что мешает достижению общей цели, как и то, что своеволие – порок, одинаково опасный и для низших, и для высших чинов иерархической лестницы. <...> Одним словом, армия в тот год предо мной вырисовывалась постепенно как институт огромного государственного значения, как костяк государства, как физическая сила единого народа, обуславливающая его прочность. Она являлась воплощением самой истории – не только давней, но и настоящей, и будущей»⁵⁵.

К концу годовой службы главным делом души молодого человека стали мысли о любимых женщинах, «и в самой обостренной форме я с ними <...> переписывался»⁵⁶. Анюта слала ему теплые письма из Костромы, а Вера – из далекой Маньчжурии.

Окончив военную службу осенью 1913 года и сдав экзамены на звание прапорщика, Всеволод Иванов вернулся в Петербург, чтобы держать экзамены за университетский курс. Общественно-политическая обстановка была накалена, шел процесс по делу Бейлиса, и сердце юноши «никак не лежало к тихому формализму учебы», а рвалось в живую жизнь⁵⁷. Работу Всеволод получил в издательстве «Деятель», где ему поручили переводить «Дон Кихота» с немецкого, а не с испанского. В мае 1914 года ему, как прапорщику запаса, было предписано пройти полуторамесячные сборы на Волге. И он отправился в Кострому, поселился в светелке у

⁵³ Иванов Вс.Н. Гул жизни: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1989. № 12. С. 108.

⁵⁴ Там же. С. 110.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 112.

⁵⁷ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 10. С. 67.

Анюты. Томик Гете с его великой человеческой ясностью, сопровождая Всеволода Иванова со времени студенческих стажировок в Германии, лежал на его столе, как и все последующие почти 60 лет, и звал к творчеству. Образ родной Костромы взывал к воссозданию в достойном облике. И он писал:

Церковь пестрая с красным и синим,
Не забыть – с витыми главами, –
И ведут к неземным пустыням
Ворота с золочеными львами ...

Но к каким городам многобашенным,
К каким звездам лежит мой путь?
Что мне делать – идти к разукрашенным
Иль с простыми вспять повернуть?⁵⁸

Вопросы нравственного выбора жизнь ставила перед ним очень часто.

Вернувшись с военных сборов, Иванов почти сразу же получил новую повестку: началась первая мировая война, и его призвали на военную службу. Перед отправлением на военную службу Всеволод Иванов и Анюта Нагорова обвенчались. Службу Иванов проходил в Вятке, откуда откомандировывался ненадолго в Петербург, на более продолжительное время – в Пермь. В Перми он был зачислен в 107-й запасной пехотный полк, где состоял в 5-й, а затем в 8-й роте.

А незадолго до этого перед ним, как и перед многими образованными людьми России, когда все слышнее становился грохот накатывавшихся революционных событий века, время поставило вопрос: Что делать? Остаться в стороне от борьбы, от народа или встать на этот путь, поступившись научной карьерой? «Увлечься ли и мне этим молодым счастьем друзей, углубиться в свои учебные и ученые дела, отойти от созерцания творящейся народом истории, от народа, прекратить искать общий с народом язык?» Такие вопросы задавал себе Иванов в неполных 25 лет. Осмысление истории росло, сами события предопределяли выбор, обостряя интерес будущего писателя и журналиста к творящейся на его глазах истории. В Пермь, город самобытной судьбы, на несколько лет забросило Иванова. «Сюда, – пишет Иванов, – подальше от Москвы, шел еще в XVI веке, растекаясь по речным дорогам, самодвижный, о своей

⁵⁸ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 10. С. 70.

судьбе болеющий люд, энергично взыскующий крепкой доли. Урал – это первый форпост Руси на Востоке в поисках земли, богатств и новых возможностей. Именно здесь начинался тот скачок до Тихого океана, который Москва сделала на рубеже XVII века, чтобы сомкнуть воедино эти лесные, степные, тундровые, горные просторы посевами крестьянской деятельной цивилизации, спаять кольцо единой всечеловеческой культуры»⁵⁹. Иванов быстро и довольно успешно начал продвигаться по службе, вскоре он был назначен начальником учебной команды.

«Я всегда восхищался качествами русского солдата, а теперь был просто счастлив работать в учебной команде... Чудесный материал! Как четко и ясно эти люди, часто малограмотные, усваивали те несложные формулы, которые им давала военная наука ... Как честно, истово они относились к своему учению. Как мало было в них строптивости ...»⁶⁰. Служба заставляла учить добродушных русских людей ненависти, порой ставила трудноразрешимые нравственные вопросы. В поисках ответа на них, Иванов мысленно обращался к опыту жизни своих близких и далеких соотечественников, что способствовало укреплению личностной связи с историей: «Со мною были и Святослав, и Александр Невский, и Иван Грозный, и Петр Великий, и Суворов, и Кутузов, и Скобелев ... И мой дед Лаврентий Иваныч, что лежит под березами Ваганьковского кладбища. Наконец, со мною была вся старая крестьянская Русь, одолевшая и псоврыцарей на Чудском озере, и шведов под Полтавой, и татар на поле Куликовом, и Наполеона на Бородинском поле ...»⁶¹. Осознанно формируя в себе чувство внутренней правды, Всеволод апеллировал к духовному миру своих предков. « Жить, очевидно, надо было так, как жил в Кремле мой дед, николаевский унтер Лаврентий Иваныч, – честно, как свеча горит. Честному человеку не нужно больших рассуждений, чтобы не запутаться ...»⁶².

Известие 1916 года об открытии на Урале, в Перми, отделения Петроградского университета наполнило сердце Вс. Иванова новыми, светлыми надеждами. В Пермь стали съезжаться ученые из Москвы, Петрограда: Н.В. Устрялов, один из кадетских лидеров; Л.В. Успенский – философ, марксист на московский лад; скромный библиотекарь

⁵⁹ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1993. № 10. С. 88.

⁶⁰ Там же. С. 104.

⁶¹ Там же. С. 89.

⁶² Там же. С. 95.

Румянцевской библиотеки, впоследствии крупный философ Н. В. Федоров; профессор Д.В. Болдырев, изумительный стилист и широко мыслящий философ; друг Блока, лигвист и переводчик, поэт Юрий Никандрович Верховский. О близком знакомстве с последним Вс.Н. Иванов напишет в «Воспоминаниях» с чувством глубокой признательности: «Это он щедрою рукою своей рассыпал передо мной великие сокровища А.С. Пушкина, показал мне в легкой, деликатной манере силу русской массовой культуры и укрепил меня в вере в наш великий народ. Этот профессор литературы до известной степени примирил меня с русской интеллигенцией, которая не вся ведь была добролюбовско-угрюмой и волюнтаристического типа ...»⁶³. Тогда же Иванов познакомился с молодым ученым-историком П.С. Богословским, который необыкновенно увлеченно умел говорить об избытии Смутного времени в истории России.

Короткая встреча в Перми с приятелем по Петербургу, прапорщиком-красавцем Сергеем Касьяновым, придала новый импульс их дружбе и начинавшемуся в то время творчеству Вс.Н. Иванова. «С фронта приходили письма от моего друга Касьянова – с описанием его побед над сестрами милосердия, пьянства. Сергей писал мне и о нудном, оцепенелом сиденье в окопах. Я брал эти рассказы-письма на заметку, хранил их, чтобы написать что-нибудь потом ...»⁶⁴. В 1916 году Вс. Иванов начал публикацию серии рассказов «Любовь и служба Касьянова», в которых достоверно и художественно убедительно воссоздал события первой мировой войны и описал чувства служившего в армии молодого человека. Один из этих рассказов, «Первый бой», писатель опубликовал во втором номере альманаха «Понедельник» (Шанхай, 1931). Тогда же в Перми, осенью 1916 года, он написал свое первое литературное произведение «Наставления для борьбы за укрепленную полосу».

Ветер времени нес перемены. В начале января 1917 года профессор Л.В. Успенский сделал Всеволоду Иванову предложение работать у него ассистентом на кафедре энциклопедии права в Пермском отделении Петроградского университета. Новая встреча с Верой Ивашкевич в Перми в канун Нового, 1917-го, года приблизила неизбежное решение личного

⁶³ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1993. № 10. С. 98.

⁶⁴ Там же. С. 104.

вопроса, «впервые мне довелось испытать и медленно, надрывно вести борьбу с самим собой из-за двух женщин»⁶⁵.

Несение государственной службы, мечты о научной деятельности, стремление к личному счастью, зарождающееся творчество – такими складывались главные линии жизни Вс.Н. Иванова в преддверии революций 1917 года.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ ВС. Н. ИВАНОВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ЖУРНАЛИСТИКЕ

В канун революционных событий февраля 1917 года Всеволод Иванов в связи с участвовавшими случаями дезертирства в армии участвовал в облаве в рабочем районе Перми, Егошихе, где заразился натуральной оспой. Поэтому «исторический вечер» конца февраля 1917 года он метался в жару. В 1960-е годы, осмысливая те давно прошедшие события, Вс.Н. Иванов причины революции февраля 1917 года определил однозначно: «Причина ясна: Петроград в феврале 1917 года оказался без хлеба»⁶⁶. После выздоровления, съездив на две недели в Петроград, Иванов вернулся к своей службе в Перми. Но Временному правительству присягать не пошел. Надвигалось что-то новое, неизбежное.

В мае 1917 года в Пермь к Всеволоду из Петрограда, откликнувшись на его телеграмму, приехала Вера Ивашкевич, которая незадолго до этого ушла с военной службы и жила в Петрограде, где устроилась на работу в Министерство земледелия секретарем к известному уже тогда писателю М.М. Пришвину. Образовалась новая семья. А вскоре Иванов был назначен ответственным по доставке украинцев на фронт в украинские части. По пути в Москву, в Ярославле, состоялась его последняя встреча со своей первой женой, Анной Владимировной Нагоровой. И тогда и много десятилетий спустя Вс.Н. Иванов ощущал в себе нелегкий груз ответственности за несложившуюся судьбу Анны Нагоровой, которая «сломала» себя бесповоротно, после разрыва с Ивановым постриглась в монахини. До конца своей жизни чувство вины не оставляло Всеволода

⁶⁵ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 10. С. 112.

⁶⁶ Там же. № 11. С. 3.

Никаноровича: «И неужели все это так и пройдет, без всякого воздаяния мне, замрет в каком-то «прошлом», как замирает эхо?»⁶⁷

После февральской революции Вс.Н. Иванов начал печататься в либеральных газетах Перми («Народная свобода», «Пермские губернские ведомости»), впервые же выступил с корреспонденцией еще из Петербурга в костромском «Поволжском вестнике» летом 1906 года, где описывал, как держал за хвост стрекозу – самолет Блерио – одного из первых русских летчиков Ефимова, пока на ней вручную раскручивали пропеллер. Одновременно с выступлениями в печати проводил общественно-культурную военную работу по организации благотворительных гуляний в пользу своего полка в городском саду у Сибирской заставы. Беспорядки, все более усиливавшиеся в армии, побудили подпоручика Иванова снять погоны. В октябре 1917 года, после драматических событий в Перми на фоне революционного переворота в Петрограде, демобилизовался из армии. С февраля 1918 года начал заниматься преподавательской деятельностью в открывшемся в Перми филиале Петроградского университета, в то же время оставаясь активно и плодотворно работающим журналистом. Об этой своей журналистской работе он вспомнит через полвека довольно самокритично, с чувством легкой самоиронии: «И я стал писать так, как писали тогда молодые люди с «литературной жилкой», – сердечно, гуманно, уютно, с искренней патриотической настроенностью, переливчато и пустовато. Но не национально – национальное было все еще не в моде, подозревалось в «квасном патриотизме». Я с увлечением строчил статьи о «русских людях» или описывал, как красив Нижний Новгород у слияния Волги и Оки <...> Ей-Богу, все это было неплохо, редакция и будущие университетские коллеги одобряли мои писания, и я старался ... Все это легко было читать, как и не читать, а когда читалось, то «ласкало глаз» и иногда вызывало легкий вздох»⁶⁸. Поиск национальной идеи в этот период протекал подспудно.

Революционные события 1917 – 1918 гг., заставшие Вс.Н. Иванова в Перми, стали поворотными в его судьбе. Когда многие сверстники и воспитанники его учебной команды вступили в ряды красной армии, Иванов, в силу своих убеждений не принявший идеалов большевиков,

⁶⁷ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 19.

⁶⁸ Там же. С. 13.

решил остаться «нейтральным», «историком, желающим наблюдать события»⁶⁹. Но принятое им для себя решение: «Нужно сторониться этой несущейся тройки – ведь, того гляди, сшибет... Эпоха, она сшибает» – было опровергнуто жизнью⁷⁰. Остаться «над схваткой» оказалось невозможным. Жизнь подталкивала к практическим, а не отвлеченным решениям. Благодатным для Иванова в этот период оказалось окружение из молодых ученых мужей, представителей московской и петербургской университетских школ, пышно процветавших в начале XX века. Это москвич Н. В. Устрялов, молодой профессор из Петрограда Д. В. Болдырев, Л.В. Успенский, пригласивший Вс. Иванова на должность младшего ассистента по кафедре энциклопедии права в Пермском университете.

Жизнь обострила важные политические вопросы, связанные с принципами государственного устройства, и, прежде всего, проблему монархизма. Вс. Иванов был сторонником конституционной монархии, хотя не абсолютизировал данный тип правления. «Фигурой молчания» назвал он отношение его коллег-ученых, испытывавших чувство неловкости, конфузливости перед этим вопросом. По странному стечению исторических обстоятельств династия Романовых, начавшаяся в 1613 году в Костроме, в Ипатьевском монастыре, в строении татарского мурзы Чета, завершала свой исторический путь в Екатеринбурге, в доме купца-старообрядца Ипатьева, всего в трехстах верстах от Перми, откуда Иванов наблюдал развивавшуюся с необыкновенным ускорением новейшую историю России. Бывшие коллеги-военные приглашали служить в красной армии, откуда он был освобожден по ходатайству Пермского университета. На что Иванов отвечал: «Душа не лежит к военной службе... Теперь я спокойно буду заниматься тем, чем занимался до службы. Историей ...»⁷¹.

Мэтр Иванова, профессор Леонид Васильевич Успенский, в беседах со своим учеником поднимал проблему правости неправого права, очень актуальную для того времени. К этой проблеме относились введенный тогда комендантский час, ограничение частной торговли массовой, социалистической. Из-за навязывания обществу неправого права многие люди тогда, в том числе и преподаватели Пермского университета, вынуждены были совершать так называемые рейды в деревню, чтобы там, претерпевая унижения, купить или выменять на что-нибудь хлеба для себя

⁶⁹ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 44.

⁷⁰ Там же. С. 47.

⁷¹ Там же. С. 63.

и семьи. Семья Ивановых выросла, еще осенью, в ноябре 1917 года, в ней родился сын Григорий.

Весной 1918 года, когда волна красных арестов прокатилась по Перми, в практику жизни вошла «мода» на ночевки на чужих квартирах, где обычно всю ночь не спали, либо играли в карты, либо спорили. На одной из таких ночевок, в университетском окружении, всю ночь обсуждали проблему Софии, Премудрости Божией. Тогда и родился один из сонетов Вс. Иванова, посвященный Д.В. Болдыреву:

Свет электрический, притухший, с краснотой,
И лица бледные – встревожены и строги.
Как будто светлый рай покинувшие боги
Судьбою кинуты здесь в трудный мир земной.
 Табачный сизый дым, качаясь пеленой,
 К повисшей лампочке лениво тянет ноги, –
 Глаголы, падежи, наречия, предлоги
 Звенят под потолком, как мух докучный рой ...
Их звоном заслонив все напасти лихие,
Маячит вдалеке крылатая София,
Над Русью бедною державный правя лет.
 Меж тем как над столом, в уныниях упорный, –
 Спина крутым горбом, огромный, мягкий, черный, –
 Мяучит жалобно зеленоглазый кот ⁷² .

Сонет открывается высоким слогом первого катрена, создающего художественную картину мира, ввергнутого в хаос и разлад. Логическая смена тезиса в первом катрене на антитезис во втором оттеняет композиционную четкость структуры канонического жанра. Резкая антитетичность образов и сравнений («светлый рай», «боги» и «мир земной», «сизый дым», «мух докучный рой») передает атмосферу поисков лирического героя во всей драматической напряженности. Концептуальный смысл обретает развернутая метафора во втором катрене «Табачный сизый дым, качаясь пеленой, // К повисшей лампочке лениво тянет ноги», ассоциативно воссоздающая саркастический по своей сути просторечный афоризм «протягивать ноги». Пелена дыма, олицетворяющая смятенность человеческой души в эпоху крушения гуманизма, вынужденно, сопротивляясь светлой тенденции жизни, все-таки «протягивает» свои

⁷² Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 62.

ноги, признавая свою обреченность. Стоическое, мужественное преодоление мрака жизни рисуется как нескорая, но неизбежная перспектива бытия людей, вечная святость Премудрой Софии утверждается как незыблемое начало жизни. Классическая форма опоясанной рифмовки приближает сонет Иванова к идеальному, итальянскому, петрарковскому виду, усугубляя драматический контекст. Фоника сонета подчинена эстетической задаче – через соответствующие звуковые акценты, ассонансы и аллитерации, эмоционально выразительно воздействовать на читателя.

Лирический герой первых сонетов Вс.Н. Иванова – это духовно, интеллектуально развитая личность с присущими ей высокими идеалами гражданского служения человеческой мудрости и красоте.

Высокая поэзия сурово и мужественно уживалась в нем с печальной прозой жизни, когда Всеволод неделями вынужден был бродить по уральским лесам, «иногда пребывая в поэтическом настроении, ища далеко от города, в лесных пустынях, одиночества как рода некоего освобождения от того, что творилось кругом. Но оказывалось, что и в лесах, по которым я шагал неутомимо, отмеривая «верстушки» по просекам то в продольном, вдоль Камы, то в поперечном направлении, – одиночества не было... Невозможно уйти от общества на земле. От людей и в лесу не уйдешь!»⁷³. Жизнь вносила драматические коррективы в духовные искания писателя. Не страх за свою жизнь гнал Всеволода Никаноровича, и не его одного, из города в укромные места богатой уральской природы, а необходимость разобраться в своем мироощущении и миропонимании, чтобы осознанно сделать свой нравственный выбор, найти свое место в резко меняющемся мире. «Я бродил по уральским лесам, курьям, рекам, кордонам, деревьям, подчас не ведая, где приклонить голову, – писал он, – и думал, к кому примкнуть, с кем работать, кому верить в том грандиозном историческом эксперименте, который поставил в 1917 году наш народ, нащупывая реальные пути в будущее для всего человечества»⁷⁴.

Осенью 1918 года Всеволод Никанорович по делам университета был командирован в Москву, где его поразили произошедшие всего за год перемены. «Ах, Москва моя! Как всегда во время своих приездов, я прежде всего шел на Красную площадь, к собору Василия Блаженного, в Кремль, к

⁷³ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 62.

⁷⁴ Там же. С. 64.

зданию окружного суда, в подвалах которого когда-то бегал балованным ребенком. Все это дышало таким величием, что словно «озноб проходил по коже»...<...> И был я тогда, в те минуты общения с прошлым, несказанно поражен»⁷⁵. В тот приезд в Москву он явственно ощутил вызревающий конфликт между научной и творческой интеллигенцией, с одной стороны, и большевистской властью, с другой, конфликт, завершившийся трагическим разрывом.

Со многими творческими людьми той эпохи Иванову довелось встретиться лично. Так, с поэтом Василием Каменским, которого Всеволод знал по Перми, они побывали в «Кафе поэтов», чтобы повидать Сергея Есенина. С Валерием Брюсовым, который был уполномочен советской властью заведовать огромной библиотекой в особняке Гагариных, Всеволод Иванов решал вопрос обеспечения Пермского университета учебной и научной литературой. Эта встреча для Иванова осталась одной из исторических. «Беседа закончена. Уходя, жму руку Валерию Брюсову, – вспоминал позднее он. – Сундучок памяти щелкает замочком: есть исторический кадрик – «Видел Брюсова и, наверное, больше не увижу». Но и другой кадр – «Дворянки, спасающие остатки своей культуры», – останется в душе навсегда»⁷⁶.

С письмом от своего пермского приятеля, поэта-символиста Ю.Н. Верховского, Всеволод направился к поэту Вячеславу Ивановичу Иванову, который жил на Зубовском бульваре. Хозяин встретил гостя в квартире, промерзшей насквозь, закутанным в длинную кофту и в берете, натянутом на уши. Великий мастер русского сонета Вячеслав Иванов попросил Всеволода почитать что-нибудь свое. И Всеволод читал, много читал. Среди прочитанных тогда вещей был и сонет «Клио», посвященный заветной музе Вс.Н. Иванова, музе истории:

Листы истории хранят в себе былое,
Как блеклые цветы тончайший аромат.
И медные мечи особенно гремят
У врат разрушенной, богам не милой Трои.
На камнях площади, в довольстве и покое
Навек старейшие свой мудрый суд творят.
Пусть в пропасть прошлого все глубже никнет взгляд

⁷⁵ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 70.

⁷⁶ Там же. С. 76.

В обыкновеннейшем там чудятся герои –
Циклопы мощные, их кладка мощных стен,
На стенах красота классических Елен,
И в их любви, открытой нестыдливо,
Все образует длинный коридор,
В конце которого струит безмолвно взор
На вопрошателя изваянная Клио ...⁷⁷

Отзыв Вячеслава Иванова о стихах молодого Всеволода Иванова их автор зафиксировал через несколько десятилетий в своих «Воспоминаниях»: «С гордостью могу сказать, что за этот («Клио» – С. Я) и за другие сонеты я удостоился теплой похвалы великого мастера: он сравнил их с сонетами Жозе Мария де Эредиа»⁷⁸. Эта встреча была не только для Вс. Иванова недостающим глотком воздуха, необходимым противоядием сумятице жизни. Подобные мгновения способствовали жизни поэзии в самых суровых социальных обстоятельствах, развивали жизнелюбие и жизнестойкость. «Пусть вокруг тонула в снегах Москва, темная, алчущая хлеба, счастьем было убедиться, что есть еще в жизни нечто лучезарное, светлое, святое, что-то неприкосновенное»⁷⁹. Эти вечные, немеркнущие ценности жизни лучезарным светом наполняли, казалось бы, беспросветную жизнь. Десять лет спустя, находясь в эмиграции в Китае и работая главным редактором русской газеты «Гун-Бао» («Общественная газета»), Всеволод Никанорович напишет и поместит в своей газете очерк с символическим названием «За зеленой лампой», в котором расскажет о той незабываемой встрече с поэтом в Москве 1918 года. Образ зеленой лампы, пронизывающий этот очерк, символизирует русскую культуру и русскую классику, утверждая их жизнь как жизнь вечную, высокую и прекрасную.

Той же осенью в Москве Всеволод Иванов познакомился с поэмой А. Блока «Двенадцать», величие которой он «ощутил сразу, всей кожей своего тела»⁸⁰. А в 1931 году к исполнявшемуся 7 августа десятилетию смерти поэта Вс.Н. Иванов в харбинском журнале дальневосточной эмиграции «Рубеж» опубликовал очерк «Александр Блок». В этом очерке Иванов, проявляя в себе явный талант литературного критика, отметил исключительность поэтического провидения Блока, который сумел,

⁷⁷ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые»: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1993. № 11. С. 77.

⁷⁸ Там же. С. 78.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 79.

«глубинно прозревая мрачное, темное настоящее, рассмотреть за ним «свет в конце тоннеля»»: Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, - нет, он пережил, почувствовал их... Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примиренные дали»⁸¹. Иванов, встретившись тогда, в 1918 году, на своем извилистом жизненном пути с корифеями русской поэзии, получил уникальную возможность соотнести свои представления о жизни с гуманистическими идеалами лучшей части творческой интеллигенции России. Последнее стихотворение А. Блока «В альбом Пушкинского дома» Иванов трактует как поэтическое духовно-нравственное завещание поэта соотечественникам, современникам и потомкам. Вс. Иванов внял и неотступно следовал этому завещанию на протяжении всей своей жизни и творчества. «Все будет хорошо, – записывает Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..» И великий поэт умер, не дождавшись в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе»⁸². В этом контексте органичным представляется обращение Вс.Н. Иванова в своем зрелом творчестве к личности А.С. Пушкина. Его книга «Александр Пушкин и его время» (Хабаровск, 1970) стала своеобразным завещанием писателя, переданным современникам через опосредование А. Блока.

К концу 1918 года революция ширилась, разрасталась, равно как и сопротивление ей. По возвращении в Пермь Вс. Иванов застал перемену власти: Сибирская армия под командованием адмирала Колчака вступила в Пермь, потеснив большевиков. Иванов был призван на службу и направлен на работу в газету «Сибирские стрелки», где вскоре стал редактором, используя опыт редакторской работы в петербургском издательстве «Деятель» и в пермской газете «Народная свобода». А между тем директория Колчака укреплялась «культурными силами». Для этого сам диктатор вызвал в Омск, тогдашнюю «столицу Сибири», талантливого публициста, профессора Николая Васильевича Устрялова. Через некоторое время после его отъезда в Омск туда были приглашены на работу еще несколько преподавателей Пермского университета, в том числе и Всеволод Иванов. В мае 1919 года Иванов выехал в Омск.

⁸¹ Иванов Вс. Александр Блок // Рубеж. Харбин. 1931. № 35. С. 10.

⁸² Там же.

С обострением социального противостояния в стране начинался грандиозный исход нации. Вот впечатления только одного из непосредственных участников этого исхода: «В те 1917– 1920 годы вся Россия поднялась с веками насиженных мест, встала на колеса, села на сани, вышла на рельсы, на снег и побежала из краев, охваченных огнем кровавой борьбы, стремясь достигнуть тех мест, где еще сохранялся мир, прихватив с собой упрощенные реликты государства, церкви, бытового порядка, свою тишину в душах и ясность ума и даже благодушный юмор. Весь народ – считанными ли, несчитанными массами – в своих извечно мирных и трудовых устремлениях уносил ноги туда, где чудилась возможность мирного существования и труда. Эти исходы были прежде всего отказом от насильственной встречной борьбы, голосованием в пользу мира как главного условия нормальной жизни и работы»⁸³. В этих словах верно и точно раскрывается мирная, созидательная природа русского человека и русского характера, которые стали в высшей степени притягательными для художника Иванова.

По предложению Н.В. Устрялова и под его непосредственным руководством Вс. Иванов в Омске стал работать в Русском бюро печати, пропагандистском органе правительства Колчака. Главным директором русского бюро печати (РБП) был А.К. Клафтон, директорами – Н.В. Устрялов и Д.В. Болдырев. Иванов заведовал сначала печатным, а позднее – газетным отделом. Основным содержанием работы РБП была борьба против стихийно разгоравшейся революции. Но противостояние было неравным. Иванов уже тогда предвидел его исход, когда написал для кадетской газеты «Сибирская речь» фельетон с характерным названием «Вошь», проводя дерзкую аналогию этого заголовка с позицией нерешительности, словоблудия, которую заняла в этом жестком противостоянии красным «белая» интеллигенция. Предательство европейских союзников привело многих из молодого поколения российской интеллигенции к горькому разочарованию в европейцах, как хранителях культурных принципов. Вместе с тем поведение союзников способствовало пробуждению чувства национального самосознания. Иванов и его современники стали невольными свидетелями и участниками того, как развертывался исторический урок колоссальной впечатляющий

⁸³ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1994. № 12. С. 11.

силы: «И все чаще и чаще приходилось отмечать несостоятельность и наивность нас самих. Мы, белые офицеры, политики, культурные работники, деловые люди, верили в Европу, в европейцев тогда так, что просто счастье, что правящие группы европейских государств того времени не воспользовались этим нашим увлечением»⁸⁴.

С целью пропаганды политики Колчака предпринимались масштабные мероприятия, в том числе и Русским бюро печати. Мастер слова, широко известный тогда в нашей западной столице беллетрист и драматург Сергей Ауслендер написал востребованную самим временем биографию этой легендарной исторической личности «Адмирал Колчак», изданную огромными тиражами и переведенную на многие языки мира. Всеволод Иванов был близко знаком с Сергеем Ауслендером, одно время они были вынуждены снимать один номер в омской гостинице «Россия», вместе они позже, 14 ноября 1919 года, отправятся и в ледовый переход из Омска на восток. Вскоре после приезда Всеволода в Омск к нему из Перми приехала жена с сыном, и семье пришлось претерпевать невзгоды и лишения в перенаселенном тогда Омске.

В августе 1919 года Русским бюро печати было решено начать издание газеты типа «вечерки» под названием «Наша газета». Редактировать ее было поручено Вс. Иванову. Работа руководителем в газете, выступавшей против большевизма, стала для Иванова большой и серьезной школой жизни и журналистики, школой творчества. В «Нашей газете» со своими стихами часто выступали друг и товарищ Вс. Иванова Сергей Ауслендер, поэты Георгий Маслов, Георгий Вяткин. В условиях идейного раскола общества редакторская деятельность стала действенным и мощным средством влияния на общественное сознание, оптимальной возможностью самовыражения, глубочайшего раскрытия духовно-нравственной и общественно-политической позиции той части российского общества, которая не приняла революции.

В первом номере «Нашей газеты» от 16 августа 1919 г. в статье «От редакции» были изложены исходные позиции и цели нового издания: «Наша газета» родится в тяжелую, затянувшуюся над Россией ночь. Ночь злодейств, мутящих даже заматерелые души каторжан. Ночь развала по планам немцев тысячелетием созданной русской державы. Ночь

⁸⁴ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1994. № 12. С. 26.

предательства и братоубийства, затмивших Каина и Иуду. Но рассвет неминуем и близок: Народ России прозрел, восстал и освободил уже от советской власти три четверти былого царства»⁸⁵. Таким, жестоко трагическим, виделось настоящее России редактору «Нашей газеты». Но создатели газеты знали путь возрождения своей страны и звали за собой других: «А путь исцеления – через Национальное Учредительное Собрание, которое одно может быстро залечить наши раны, утвердить порядок, дать возможность молиться каждому как хочет и умеет, передать землю нуждающимся в ней земледельцам и утвердить равные для всех законы, обеспечивающие права собственности и труда»⁸⁶. Но идеалы демократии и гуманизма в тех социально-политических обстоятельствах были не достижимы. О недостатках и слабостях позиции «белых» Иванов говорил в полный голос.

Идеалы «Нашей газеты» под редакцией Вс. Иванова касались не только политической и экономической сферы жизни России. Газета много внимания уделяла стороне духовной, культурной. В передовой статье от 30 октября 1919 года под заголовком «Церковь и русский народ» открыто и прямо выражалась позиция создателей «Нашей газеты» по отношению к религии и церкви как непререкаемому авторитету во все времена русской истории: «Русское государство слагалось и создавалось самим народом, правительством, армией и церковью. Церковные знамена и гимны сопутствовали всем важнейшим случаям нашей жизни. В начале XVII века православная церковь помогла вновь собраться государству, рассыпавшемуся во время смуты под влиянием всякого рода государственных «воров»⁸⁷. Отношение Иванова к религии как первооснове духовности нации останется неизменным, несмотря на превратности судьбы писателя. Как ученый-историк, Вс. Иванов события настоящего оценивал исторически, опираясь на идею преемственности и непрерывности исторического развития. «Знамена церковные имеют за собой целые сотни лет истории, они принесли добро родной земле, они собрали ее воедино и защищали ее целость. И в это тяжелое время совесть и разум народа снова обращаются к нашей церкви, к религии – к ее заповедям всего мира, устрояющим правильную жизнь всякого государства. Как и прежде, так и ныне, вновь соберется наше государство,

⁸⁵ Наша газета // Омск. 1919. № 1. С. 1.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Наша газета // Омск. 1919. № 69. С. 1.

вновь наступит мир в стране, когда мы все обратимся к церкви и поймем, что без соблюдения ее предписаний у нас не наступит лучшей жизни»⁸⁸. Вопрос о вере занимает важное место в мировоззренческих и творческих поисках Вс.Н. Иванова.

«Наша газета», проводившая свою политическую и идеологическую линию, не была газетой только идейного содержания. Она в равной мере была газетой духовной, отстаивавшей право на полноту духовно-нравственной жизни и в эпоху социальных потрясений. Начиная с седьмого номера, на третьей странице каждого последующего помещалась рубрика «Мысли мудрых», которая в сжатой, лаконичной форме выражала идею каждого номера и духовно-нравственные приоритеты создателей газеты, в том числе ее главного редактора. Концептуальной мыслью 68-го номера «Нашей газеты» стали слова А.П. Чехова: «Призвание каждого человека – в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни». Высокие идеалы жизни Иванов соотносил со своей эпохой, ее запросами и вызовами. Перекликаясь с философской мыслью А.П. Чехова, очерк-размышление Вс. Иванова «О горькой истине», опубликованный в 1919 году в другой омской газете, «Сибирская Речь», по-новому высвечивает тему гражданственности, социальной миссии в работе журналиста (своеобразный вариант классической темы поэта и поэзии). Автор очерка поднимает важную для журналиста эпохи социальных потрясений нравственную проблему: какой правде должен следовать газетчик, рассказывая читателю о событиях дня сегодняшнего? Он не приемлет отступления от правды, чем бы они ни были обусловлены. Журналист с горечью констатирует, что его современники «позабыли, затеряли где-то ее (истины – С. Я.) огненный облик, облик Огненной Девы»⁸⁹. Истина уходит из сегодняшней прессы, утверждал Иванов. «Я знаю только, – продолжает автор очерка, – что перед нами стоит и холодно смотрит на нас это костистое, сухое существо с бесстрастными, холодными глазами – Горькая Правда»⁹⁰. Грозные, часто небескровные и противоречивые события революции и гражданской войны воспринимаются Ивановым как горькая правда жизни, которую, как считает гражданин и журналист Иванов, газетчик не должен замалчивать или утрировать.

⁸⁸ Наша газета // Омск. 1919. № 69. С. 1.

⁸⁹ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 3.

⁹⁰ Там же. С. 4.

Гражданственность журналистской деятельности Вс.Н. Иванова выразилась в четко обозначенной позиции служения интересам своего Отечества. Достаточно ясной представляется позиция редактора «Нашей газеты» в редакционной статье «Уничтожение интеллигенции», комментирующей вышедшую за два месяца до этого статью М. Горького с таким же названием. «В этой статье пролетарского публициста Пешкова поборол художник М. Горький, который со всей силой своего таланта обрушился на народных комиссаров за примененный ими в России режим кровавого террора, – пишет Иванов. – Максим Горький указывает, что беспощадный и массовый расстрел по преимуществу русской интеллигенции и наиболее грамотных и сознательных рабочих и крестьян может иметь весьма тяжелые последствия для малограмотной России»⁹¹.

Редакторская деятельность требовала от Вс. Иванова больших организаторских способностей, что проявилось в его работе по созданию отделений «Нашей газеты» в Новониколаевске (ныне Новосибирск) и в Томске осенью 1919 года. Иванов сам лично ездил в командировки и в достаточно сложных условиях находил пути решения стоящих перед создателями газеты проблем. Весьма подробно Вс. Иванов рассказал об этом периоде своей жизни и жизни страны в опубликованной в 1921 году в Харбине книге «В гражданской войне: Из записок омского журналиста».

В Омске, тогдашней «столице Сибири», в годы гражданской войны пересеклись судьбы многих русских писателей, деятелей культуры. Здесь выходили десятки газет самых разных политических партий и общественных движений: либерально-буржуазная «Заря», кадетская «Сибирская Речь», демократические «Дело Сибири» и «Путь Сибири», белогвардейские «Вперед!» и уже названная выше «Наша газета», а также газеты «Слово», «Русь» и другие. Фронтovou ежедневную газету «Вперед!» издавал и редактировал журналист В. Янчевецкий, который в конце 1920-х годов пришел в литературу метрополии как талантливый писатель-историк Василий Ян. Его перу принадлежат созданные в 1930 – 1940-е годы широко известные исторические романы о борьбе русского народа с монголо-татарским нашествием («Чингис-хан», «Батый») и другие произведения. А в те годы в его газете публиковали свои стихи Борис Четвериков, Георгий Маслов, Таисия Баженова, Вс. Иванов. После оставления белыми Петропавловска в номере 115 газеты «Вперед!» от 22

⁹¹ Наша газета // Омск. 1919. № 41. С. 2.

августа 1919 года было опубликовано стихотворение в прозе Вс. Иванова «Петропавловск», открывающееся «серыми» строками: «На небе серые тучи, на платье – серая пыль. И ветер серую бороду свою по земле волочет и к низеньким заборикам прижимается – дикий ветер степной»⁹². Эпитет «серый», обретая метафорический смысл и рефреном проходя через все стихотворение, укрупняет и усложняет создаваемую художественную картину мира, передает полноту и глубину драматизма через сопряжение внешнего плана изображения и внутреннего, усиливает художественное впечатление. Серые тучи, серая пыль, серая борода ветра, серые глаза людей – один эпитет «обнимает» целый мир, вбирая его в себя. Мироздание, истинные человеческие ценности заволокло туманом, мглою, покрыло серостью. Люди утратили ориентиры в жизни, духовно-нравственные основы, поскольку миром движет серость и посредственность. И только природа не изменяет себе, законам своего естества, по-прежнему помнит о высоком. Образ дикого ветра степного несет в себе и восточное начало, и вечное, нетленное, ведь именно он шепчет: «Да, залечат...», «О прекрасном не кричат. Молчи...». Спасение мира – в защите от большевизма, несущего в себе угрозу гуманистическому началу в самом человеке и мироздании в целом. Такова позиция лирического героя и автора этого стихотворения. Данное стихотворение в своей главной интонации созвучно чуть позже появившемуся (1920 г.) стихотворению А. Ахматовой «Все расхищено, предано, продано...». Контрастно представленные мир природы и мир людей в стихотворениях обоих поэтов выражают гуманистическую, классическую приверженность поэтов миру природной гармонии, от которой временно отклонилось человечество.

В те годы в Омске жили или бывали проездом Арсений Несмелов, Константин Бальмонт, Давид Бурлюк, много написавший о литераторах Омска этого периода. В демократических газетах Омска тогда печатались Вс. Вяч. Иванов, Л. Мартынов, Н. Иванов (псевдоним – Н. Анов). Большой интерес для современников, как яркое и редкое свидетельство общественной и культурной жизни Омска рубежа 1920-х годов, представляет книга Н. Анова «Интервенция в Омске» (Алма-Ата, 1981). В главе «Литературный двойник» своей книги Н. Анов так характеризует деятельность журналиста Вс. Иванова: «Подающий немалые надежды

⁹² Иванов Вс. Петропавловск: Стихотворение в прозе // Вперед! Омск. 1919. № 115. С. 3.

ученый, талантливый писатель, он превратился в рядового газетчика и здесь, благодаря помощи Николая Васильевича Устрялова, сделал неслыханно быструю карьеру. Удивительного в этом ничего не было. Сам Николай Васильевич был избран председателем Восточного отдела Центрального Комитета кадетской партии. Профессор стал издавать в Омске газету «Русское Дело» и возглавил Русское бюро печати, а Всеволод Никанорович сделался правой рукой Устрялова»⁹³. Важно отметить, что Вс.Н. Иванов всегда дорожил внутренней свободой. Именно на это качество опирался Иванов в периоды идеологических разногласий и противостояний, в частности, со своим бывшим учителем, когда не поддержал «сменовеховства» Н.В. Устрялова в начале 1920-х годов.

Писатели, оказавшиеся в конце 1910-х годов в Омске, несмотря на разницу формировавшихся тогда их общественно-политических позиций, в той или иной мере общались друг с другом: прозаик Ф. Березовский, поэт Николай Феоктистов, писатель Антон Сорокин, начинающий писатель Вс.Вяч. Иванов, журналисты А. Громов, Вс.Н. Иванов, поэты Юрий Сопов, Георгий Маслов, Сергей Ауслендер. Первым из исследователей к вопросам литературной жизни Сибири периода революции и гражданской войны обратился В.П. Трушкин в книге «Литературная Сибирь первых лет революции» (Иркутск, 1967). Центром, вокруг которого собирались литературные силы Омска тех лет, был Антон Семенович Сорокин (1884 – 1928), оригинальный по своему таланту писатель и художник. Вс.Вяч. Иванов в мемуарной повести «История моих книг» и очерке «Антон Сорокин» с большой теплотой отзывался о своем сибирском друге: «Встречи писателей происходили обыкновенно у Антона Сорокина, который умел без изысканной любезности, без натянутости, а с мягкой проницательностью сближать людей искусства. Войдя к нему в комнату, вам хотелось читать красивые рассказы, слушать стихи, говорить о живописи»⁹⁴.

География журналистской деятельности Вс.Н. Иванова ширилась. Журналист Иванов все чаще стал выступать в прессе и как писатель, поэт и публицист. Его публикации стали появляться в конце 1910-х годов не только в газетах Перми и Омска, но и в периодических изданиях Владивостока и Харбина.

⁹³ Анов Н. Выборгская сторона. Интервенция в Омске. Кн. 2. Алма-Ата, 1981. С. 424.

⁹⁴ Иванов Вс.Вяч. Антон Сорокин // Наш современник. Москва. 1957. № 3. С. 128.

Первым значительным итогом журналистской работы Вс.Н. Иванова стала его книга «В гражданской войне: Из записок омского журналиста», которая вышла в 1921 году в Харбине и остается до сих пор трудно доступной даже для исследователей. Книга увидела свет через несколько месяцев после казни адмирала Колчака в Иркутске. Иванов посвятил ее «Светлой памяти адмирала Колчака с великой болью». Автор определил жанр книги как записки журналиста. Но это записки не бесстрастного свидетеля, а активного участника тех грозных событий, который смело и открыто выражает свою личностную позицию и отношение ко всему происходящему. Оригинальная образность создается посредством большого количества литературных реминисценций. Последний, трагический аккорд книги это ярко подтверждает: «Как стая дантовских теней, пронесли эти воспоминания, но не холодных и бестелесных, а схожих с теми тенями, которые вызваны были Одиссеем из Аида, и, толпясь у ямы, жадно пили кровь. Кровь давала им способность речи. Не мертвы и тени наших воспоминаний: слишком много в них крови, они тоже не могут молчать»⁹⁵. В этих воспоминаниях о недавно пережитом личная судьба редактора «Нашей газеты», одного из многих русских интеллигентов, не принявших большевизма, переплетается с судьбами тысяч других людей, с кем ему довелось встретиться на длинном пути от Омска до Читы. Именно этот отрезок своего пути и пути русских беженцев с запада на восток Вс.Н. Иванов показал в реальном свете, без домыслов и прикрас. «И все это двигалось, шло, брело, ехало, туда, на обетованный восток. Что же ждало на этом востоке их, и воинов, и невоинов, но объединенных всех одним – противобольшевизмом?»⁹⁶.

На этом долгом пути зоркий глаз журналиста подметил многое из того, что впоследствии станет объектом его художественного творчества. Эти богатейшие наблюдения над жизнью своих соотечественников, русским характером в разных его проявлениях в период социальных потрясений, государственным устройством страны и целесообразностью этого устройства получают развитие в дальнейших трудах и произведениях Вс.Н. Иванова. Авторские оценки увиденного часто прерывают объективный рассказ. «Есть от чего в отчаянье прийти, от этой мистической русской неумелости организовать!»⁹⁷. Горечь и боль за

⁹⁵ Иванов Вс. В гражданской войне /Из записок омского журналиста. Харбин, 1921. С.128.

⁹⁶ Там же. С. 72.

⁹⁷ Иванов Вс. В гражданской войне /Из записок омского журналиста. Харбин, 1921. С.72.

свою страну и свой народ звучат в этих словах. «О, эти привычки к расписочкам. И ведь воруют при них не меньше ...»⁹⁸ Эта книга – не сухая хроника событий, а горячая публицистика. Сердце автора не ожесточено, оно способно замечать добрые, бескорыстные поступки людей. Так, в г. Верхнеудинске их, оборванных, грязных, дамы-благотворительницы в белых халатах снабжали всем необходимым, нисколько не смущаясь. «О, Дамские Комитеты! Что было бы с Русью, коли не было на Руси дамских комитетов и их микроскопически-великих дел»⁹⁹. Иногда обстоятельства требовали срочного вмешательства. «На небольшой станции я составил телеграмму о потрясающем безобразии этом на имя Верховного»¹⁰⁰. Но частные телеграммы не принимались, и усилия журналиста оказывались тщетными. «Что же тут винить «начальство», запретившее прием телеграмм? – Нет, скорее, тут она – эта неизменная дубоголовость всех наших чиновников, от века не могущих проявить никакой инициативы»¹⁰¹. Гражданственность, чувство высокой ответственности за происходящее вокруг и личной причастности характеризуют духовный и нравственный облик автора записок, выявляя в нем самобытный художественный дар.

В самые тяжелые дни невероятно трудного зимнего перехода на восток будущий писатель не переставал верить в благополучную и счастливую жизнь в мире, созидании и достатке. По дороге в Томск, отмечает Иванов, «ночевали по огромным селениям, где дома, сложенные из темного кондового леса, напоминали собою картины Рериха. Двухэтажные дома чалдонов, сверкающие от масла желтые полы с разноцветными дерюгами, стеклянные горки с золочеными чашками и чайниками, – все это являло вид необыкновенно утробной, сытой, медлительно тяжеловесной жизни»¹⁰². Сама жизнь, которую наблюдал Иванов на всем протяжении своего вынужденного пути, давала основания и укрепляла веру в достойное будущее России. В этой публицистической книге Вс.Н. Иванов впервые заявляет о себе как мастер-пейзажист, умелый бытописатель с его необыкновенной тягой к цветописи. Вот в каких красках увидел Иванов зимний Байкал: «Все это ожерелье, под бледно-зеленым, морозным небом, сияло красными, голубыми, зелеными –

⁹⁸ Иванов Вс. В гражданской войне/Из записок омского журналиста. Харбин,1921. С.125.

⁹⁹ Там же. С. 124.

¹⁰⁰ Там же. С. 52.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. С. 59.

аквамариновыми тонами, огнями такой изумительной тонкости, нежности и прозрачности, что на сияние каких-то сказочных, небывалых, сплошь жемчужных дворцов походило оно»¹⁰³. Эту особую черту художественной, стилистической манеры Вс.Н. Иванова, которая станет определяющей его творческую индивидуальность характеристикой, эмигрантская критика подметила еще в начале 1930-х годов: «И быт и природу он чувствует всей душой и потому умеет находить в них еще невиданные красоты. Вещи и особенно краски привлекают его больше, чем люди и их духовный мир. Благодаря этому, творчество его поразительно вещественно и пластично. Если о чем-то влиянии на Вс.Н. Иванова и можно говорить, то это влияние не писателей, а художников: Сомова и Кустодиева»¹⁰⁴. Вместе с тем очень важно, что духовный мир человека никогда не уходил из поля зрения Вс.Н. Иванова. И здесь прежде всего чувствуется влияние Серебряного века русской литературы, акмеистической школы Н. Гумилева. Их сближало мироощущение эпохи трагического разлома. В 1921 году после жестокой расправы большевиков над поэтом Н. Гумилевым Вс. Иванов выступил с гневной статьей «Расстрелян Н. Гумилев» против террора «хамов с низкими лбами», которая была опубликована в воскресном литературно-художественном Приложении к владивостокской газете «Русский край» (№ 144). Весь материал Приложения был посвящен этой кровавой исторической дате. Эпиграф к своей статье Вс. Иванов взял из антибольшевистской поэмы Г. Маслова «Кольцо»:

Одно понять – права лишь сила –
Так не права в кольце стальном
Хихикающая горилла
За председательским столом ...

Статья Вс.Н. Иванова «Н.С. Гумилев» была впервые после 1921 года опубликована нами в научно-популярном альманахе «Белая армия. Белое дело», что издается в Екатеринбурге (1997, № 3).

При подъезде к Иркутску глазам автора открылась панорама жизни природы и человека в их органическом стремлении к взаимной гармонии, детально выписанная художником. «Солнце уже взошло, и аметистами

¹⁰³ Иванов Вс. В гражданской войне /Из записок омского журналиста. Харбин, 1921. С. 113.

¹⁰⁴ Штейн Э. Поэзия русского рассеяния (1920 - 1977). Нью-Йорк: Изд-во «Ладья», 1978. С. 185.

спокойно сияли окружающие Иркутск сопки. Синью были налиты чаши долин, и на розово-хрустальном снегу такой чистенький, такой близкий, под сияющим золотом колоколен, на берегу лазоревой Ангары, лежал утренний Иркутск. <...> Словно и не было гражданской войны, словно не было невозможности прямо скатиться туда с лесистых склонов, явиться в уют и налаженную жизнь города ...»¹⁰⁵ Стилистика авторской речи передает тоску по изначальному спокойствию и гармонии жизни. Но эти грезы очень далеки от реальной жизни. «Нет, нельзя, – обрывает свои мечтания автор, – и вот свидетели этого. Среди зеленых сосен, на девственном снегу, в только что захваченной в Иноккентьевском желтой теплой одежде раскидано восемь убитых-зарубленных. Один еще дышал и на его раскрытом горле, как безжалостные розы, вскипали огромные пузыри ало-красной крови, чтобы сейчас же лопнуть и мелкими рубинами осыпать сияющий снег»¹⁰⁶. Натуралистические элементы резко контрастны только что прозвучавшей мелодической речи. Умиротворенности природы и чаяниям художника резко контрастен день сегодняшней: «Перед нами воочию вставала Гражданская Война, не война двух фронтов, хотя и русских, а война бродяжническая, сутолокошная, война всех против всех»¹⁰⁷.

Впечатления, чувства, эмоции современника, вызванные картинами и сценами трагического зимнего перехода 1919 – 1920 гг. от Омска до Читы беженской массы и остатков белой армии, Вс.Н. Иванов передал и через особый, в большой степени канонизированный жанр сонета. Традиционно сонет всегда обращался к темам исключительно вечного характера: любви, искусства, природы, философии. Но жизнь любого жанра не может долгое время оставаться замкнутой сама в себе. Рано или поздно, оправдано или не очень, внешняя жизнь «заставляет» жанр реагировать на себя, свои проявления. И тогда происходит нарушение или разрушение канона. Так, украинский поэт Иван Франко в свое время стал создателем новой разновидности сонета, социально-политической, впустив в этот отчасти закрытый жанр социальную действительность. Социально-политические мотивы не исключили из содержания сонета темы вечные, непреходящие. Сонеты Вс.Н. Иванова могут служить ярким тому подтверждением. Один из его сонетов, «Междоусобие», написан в 1919 году под Оханском и

¹⁰⁵ Иванов Вс. В гражданской войне /Из записок омского журналиста. Харбин, 1921. С.109.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 96.

является своеобразным философским, поэтическим свидетельством истории и важным фактом истории отечественной литературы XX века:

Свинцовых низких туч влекутся волосы

Над тусклым заревом осеннего заката.

Нагими трупами земля отцов проклята.

Малиновая их чеканит полоса.

Как капли дождика, всплывают голоса

В великой тишине, которой степь объята.

Дорогой неживой идут два разных брата,

И кровь, как зеркальце, в следах от колеса.

Один кривится весь усмешкой беспримерной,

Жестоко деловит в своей походке нервной

И пальцы в прорези жилета заложив.

Другой, сияющий, нагих благословляя,

Идет, бестрепетный, по времени без края,

Где пулемет храпит в молчанье Божьих нив.

Под Оханском. 1919 год¹⁰⁸

В сонете воплощено трагическое ощущение эпохи. Лирический герой преисполнен чувствами разочарования и обреченности. Грядет конец света, потому что голос Бога заглушен пулеметным «храпом». Социально-политический сонет пронизан мотивами классовой борьбы, социальных битв, но вместе с тем актуализирует социально-политические темы на уровне философского звучания проблемы гуманизма, жизни и смерти. Жанр социально-политического сонета способствовал раскрытию художественного таланта Вс.Н. Иванова с совершенно новой, оригинальной стороны, с какой соотечественники совершенно не знали писателя при его жизни. Как показывают исследования истории и теории жанра сонета, жизнь социально-политической разновидности жанра сонета оказалась недолгой. Но она была востребована в определенный драматический момент истории общества и культуры, а значит, состоялась. Сонеты Вс.Н. Иванова малоизвестны, они публиковались нами в упомянутом выше альманахе «Белая армия. Белое дело» после их появления в 1921 – 1922-х годах в воскресных приложениях к владивостокской газете «Русский край». В сонетах Иванова, рожденных огнем гражданской войны и безусловным талантом поэта, ощущается

¹⁰⁸ Иванов Вс. Междоусобие: Сонет // Русский край. Владивосток. 1921. № 31. С. 3.

присутствие натуралистических элементов, усилившихся в русской литературе вследствие обострения социальных конфликтов и разрушения традиционной системы ценностей. Элементы натурализма заостряют не только социальную, но прежде всего философскую проблематику, присущую природе сонета. Они призваны помочь осознать трагизм настоящего во имя будущего. В другом сонете Вс.Н. Иванова с ярко выраженным натуралистическим названием «Трупы» на материале реально наблюдаемой катастрофической ситуации поднимается проблема философского масштаба, проблема цены и ценности жизни, жизни тленной и вечной:

Их было несколько, погруженных в саны.

В раздробленном лице в крови белели зубы,

И рядом мертвый снег садился прямо в губы,

И звездами сиял на восковых деснах.

Глаза раскрытые коснели в странных снах,

А в уши лили рев изогнутые трубы,

В которые трубят для чувств привычных губы,

Семь грозных ангелов в лазоревых странах.

Одетые тепло, они лежали важно,

На яростном бегу, погибшие отважно,

И гибель их, как жизнь, казалась так проста,

Что взорами судьбы, как пыльца снежных лилий.

Стерта меж нами грань без роковых усилий,

Бессмертье породив из смертного креста ¹⁰⁹.

Сонет существенно дополняет художественную картину мира, созданную писателем в очерковой книге «В гражданской войне», передавая внутреннее течение жизни как трагического, безысходного существования человека. В сонетах Иванова реальная жизнь передается через правдивое, достоверное до натуралистичности изображение, сопрягаемое с внутренним глубоким переживанием увиденного и осмыслением происходящего. Достоверная основа поэзии Иванова делает ее важным художественным документом эпохи.

На пути отступления белой армии, а вместе с ней и огромной волны беженцев на восток были пройдены и оставлены такие города и станции, как Новониколаевск (Новосибирск), ст. Тайга, Томск, Красноярск. В

¹⁰⁹ Иванов Вс. Трупы: Сонет // Русский край. Владивосток. 1922. № 213. С. 2.

Новониколаевске, пережив «дни распада, слабоволия, дикой недисциплинированности, неорганизованных действий», которые «угнетали душу», Иванов закрыл отделение Русского бюро печати и выехал на станцию Тайга ¹¹⁰. Томск продержался в руках белых до середины декабря 1919 года. А 5 января, под Рождество, Всеволод Никанорович попал в Красноярск, уже занятый красной армией. «Красноярск стал той скалой, о которую расшиблась белая армия. Не все прошли мимо него, а те, кто прошел, организовали новую армию, каппелевскую», – свидетельствует очевидец ¹¹¹. В белой армии гражданская война не была нужна никому, но люди понимали, что одним только желанием мира они обречены на гибель. Поэтому армия готова была сражаться и дальше, но генералы, по выражению Вс.Н. Иванова, «выворачивали шубы». И все-таки главной бедой белых оставалось одно: отсутствие четко выработанной идеологии. Близилась к концу военная эпопея адмирала А.В. Колчака. Вместе со своим окружением Колчак был вывезен чехами из-под Красноярска, выдан Политическому центру в Иркутске и казнен.

Через 8 лет после гибели адмирала Колчака Вс.Н. Иванов, уже находясь в эмиграции в Харбине, напишет очерк «Адмирал Колчак», которому предпослет благородный эпитаф из некрасовских строк («От ликующих, праздно болтающих, // Обагряющих руки в крови // Уведи меня в стан погибающих // За великое дело любви») ¹¹². Художественно, через стиль и образность, перекликаясь с поэтическими строками А. Н. Некрасова, автор создает художественно-публицистический очерк. Иванов, высоко оценивая заслуги Колчака перед Россией, не доверяет современникам и их суду над прошлым. «Но не к присутствующей толпе, по большей части азартной, себялюбивой и равнодушной, направляется мой взор. Туда, назад, к бесконечным просторам Сибири, которую мы изошли в Ледяном походе, уходя из России ... Там витают кровавые призраки тех, кто смертью своей запечатлел свой подвиг верности. И среди них обмерзлая, кровавая, спущенная под лед фигура боярина Александра.

¹¹⁰ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1994. № 12. С. 42.

¹¹¹ Там же. С. 50.

¹¹² Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 166.

Эти видения можно видеть только совестью»¹¹³. Здесь очеркист утверждает идею суда истории как суда в высшей степени нравственного: «И во имя этой совести – придет время и будет историей учинено жестокое действие с теми, которые это душевное качество потеряли, предаваясь своим делам и делишкам, предаваясь себялюбивой политике»¹¹⁴.

В период гражданской войны за долгие месяцы собирания сил, скитаний, лишений и отступления на восток Вс.Н. Иванов создал целую серию очерков-портретов своих современников, в том числе политических лидеров и военных деятелей, проявив талант публициста и художника. Эти очерки публиковались в начале 1920-х годов в периодических изданиях Харбина и Владивостока, а позднее были включены Вс.Н. Ивановым в его книгу очерков «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932).

Очерк-портрет «Генерал Пепеляев», опубликованный Вс. Ивановым в 1924 году в харбинской газете «Свет», воссоздает правдивую историю военной карьеры А.Н. Пепеляева, начиная со времени его первых побед в Перми в 1918 году. Внешним поводом к написанию этого очерка послужил переход генерала на сторону красных и известие о вынесенном ему приговоре к расстрелу. Очерк построен на личных воспоминаниях автора, хорошо знавшего А.Н. Пепеляева еще с Перми. Причины перехода Пепеляева к красным после неудач во время отступления на восток объясняются в очерке не только полосой неудачных действий самого генерала, но и характером времени: «Печальное время печальных склизких вождей»¹¹⁵. Автор очерка последовательно переносит акцент с внешнего плана во внутренний, раскрывая характер генерала. «У этих людей – даже ошибки их планетарны. Жажда успеха, как своего успеха, это отсутствие элементарной моральности, веры в святость идеи, веры в долг, отсутствие сознания аскетической необходимости ограничивать себя и свои аппетиты – хотя бы только честолюбие, во имя высшей объединяющей идеи Родины»¹¹⁶. Стремясь к объективности, очеркист отдает должное генералу, отмечая, что он «был хорошим воином».

Запечатлевая образы современных Иванову исторически знаковых персон реалистическими красками, воссоздавая их узнаваемыми, очеркист свою главную задачу видел в исследовании глубин человеческих

¹¹³ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 172.

¹¹⁴ Там же. С. 172.

¹¹⁵ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 72.

¹¹⁶ Там же.

характеров, людских душ, их возможностей и проявлений в критических ситуациях. Используя литературные реминисценции, делая обобщения, автор очерков-портретов создает социальные типы политических лидеров России в период острого классового противостояния. В этом контексте глубоким обобщением завершается очерк «Генерал Пепеляев»: «Перед нами образ человека, крайне активного, и в то же время, совершенно не обладающего организаторскими способностями в политической борьбе, не знающего, за что он дерется в гражданской войне, какой-то наполеонистый Фигаро. Прожил он свой век при монархии, не понимая ее смысла, и в смутную годину оказался таким же темным человеком, руководимым всеми политическими фантазерами и мошенниками. То, что он принес покаяние советской власти, – не значит, что он стал на ее сторону. У таких людей, не привыкших действовать принципиально, – нет сторон; – они листья, облетающие с дерева дореволюционного российского общества, подточенного червем интеллигентщины»¹¹⁷.

Этапной точкой скитаний Иванова, претерпевавшего не только лишения, но и физические страдания из-за обострившегося ревматизма ног, стала Чита. Оттуда он уже на поезде уедет в Харбин в конце февраля 1920 года. А в Чите его ждала встреча с достаточно известным тогда не только в Сибири деятелем истории атаманом Г. Семеновым, который впоследствии станет заметной фигурой в русском Харбине. Об атамане Семенове (1890-1946) и его окружении Вс.Н. Иванов расскажет в очерке «Семеновщина», который впервые будет опубликован в 1921 году во владивостокской газете «Русская армия». В этом очерке автор попытается нарисовать характер человека прямого, предприимчивого и смелого, погубленного, как считает очеркист, своим хитрым и жестоким окружением по имени «семеновщина». «О, мы знаем этих людей, которые – не заботясь о реальном благе родины, создают видимость раскатов грома под землей», – гневно восклицает автор¹¹⁸.

В своих очерках Иванов склонен к обобщениям. Воссоздавая образы реальных исторических лиц, Иванов создает типы исторических деятелей России. Рисуя словесные портреты известных современников, Вс.Н. Иванов часто размышляет над своими и их ошибками, не отрицая достижений, стремясь помочь читателю извлечь уроки из недавней истории.

¹¹⁷ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 76.

¹¹⁸ Там же. С. 82.

Своеобразный урок исторического недопонимания преподает Иванов своим очерком о сподвижнике Дмитрия Васильевича Болдырева в деле создания национальных дружин Красного Креста для борьбы с коммунизмом «Василий Федорович Иванов», который, как и очерк «Проф. Дм.В. Болдырев», впервые был опубликован в 1921 году во владивостокской газете «Русский край». Василий Федорович Иванов, который поначалу воспринимался окружением «как горячий, интересный, но непрактичный чудака», впоследствии стал человеком, который мог способствовать изживанию кровавого зла большевизма изнутри, потому что «он не говорит о служении народу, ибо он сам народ»¹¹⁹. Как считает автор очерка, В.Ф. Иванов был затребован своим временем. «Кого нам надо, каких людей, – спрашивает очеркист, – чтобы избавиться от теоретического кошмара новой аракчеевщины, идеологического коммунизма? Кто должен восстать против этого идиотского утверждения, что социализм, т.е. высшее благо жизни – это учет?» Вопрос не повисает в воздухе, автор сам отвечает на него: «Конечно, те, которые ярко чувствуют богатства бытия в жизни, те, которые, не боясь смерти, ибо чуют изобилие жизни, тратят жизнь огромными мазками, а не отпускают ее позорными карточками»¹²⁰. В.Ф. Иванов вместе с профессором Д.В. Болдыревым возглавили национально-воинствующе-религиозную часть агитационного отдела Русского бюро печати в Омске, способствуя национальному подъему. Неслучайно своему очерку автор предпосылает эпитафию из Маяковского: «Да здравствует новая династия Рабочего Ивана Иванова!», вкладывая в него ироничный смысл¹²¹. Высшей заслугой В.Ф. Иванова Всеволод Никанорович считает его способность выйти к русским рабочим с проповедью, построенной исключительно на здоровом русском смысле и на национальном чувстве. И все это в условиях полного отсутствия лозунга или идеи, способной противостоять разрушительности большевизма.

Извлекая уроки из жизни, Иванов продолжал поиски истины, все более отходя от политических споров, пытаясь найти себя в мирной жизни. Он видел, что «революция продолжала замирать и в тысячах других, таких же, как я, Ивановых»¹²².

¹¹⁹ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 67.

¹²⁰ Там же. С. 68.

¹²¹ Там же. С. 61.

¹²² Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 3.

Так в феврале 1920 года начался новый во многих отношениях период жизни и творчества Вс.Н. Иванова, период эмиграции. Весной 1921 года эмиграция прервется до октября 1922 года, когда Вс.Н. Иванов будет жить и работать во Владивостоке. Эмигрантский период длиною в четверть века начался для Вс.Н. Иванова, как и для многих русских, не принявших большевизма и ушедших на восток, в «той мирной, нейтральной «китайской Женеве», где сидели и разговаривали этакие российские Кальвины, Вольтеры и Руссо, где <...> до 1945 года, на экономической базе КВЖД жила, росла, посильно думала, бедовала и радовалась русская эмиграция», в Харбине¹²³.

Волею судьбы, оказавшись в Харбине, а затем в Шанхае, Вс.Н. Иванов вспоминал свои юношеские мечты о знакомстве с Китаем: «Еще в 1906 году, после окончания гимназии, я думал, не махнуть ли мне туда, на Тихий океан, изучать Китай в Восточном институте?»¹²⁴. Всего в сутках езды на поезде от Харбина был город его юношеской мечты, Владивосток, с которым Всеволода связывало сентиментальное чувство. В этом городе более десяти лет, до самого рокового 1914 года, жила его мать со своей новой семьей. Ее муж служил на Русском острове, в 36-м Восточно-Сибирском стрелковом полку. В Харбине Вс.Н. Иванов подыскивал себе работу в газете, которая кормила его, хотя и оставалась «поденкой», которая рождалась утром, а умирала уже к вечеру. «Работа, – как считал Иванов, – начинается тогда, когда нечто строится, кладется на прочную основу, завершается и прорастает в будущее»¹²⁵. Не сразу, но главной такой работой для Иванова станет художественное творчество, глубоко и философски осмысленное, которое все явственнее прорастало в нем и требовало выхода.

Свои первые впечатления о Харбине Вс.Н. Иванов запечатлел во второй главе своих «Воспоминаний», которую назвал «Особый лад Харбина». Вот как воспринимает и культурологически интерпретирует этот город Всеволод Никанорович: «Харбин был русским жертвенником, за рога которого можно было схватиться, чтобы уцелеть в этих гонениях через весь континент»¹²⁶.

¹²³ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 3.

¹²⁴ Там же. С. 5.

¹²⁵ Там же. С. 4.

¹²⁶ Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала. Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922): Главы из воспоминаний. М.: Худож. литература, 1991. С.495.

Наступало время подведения первых итогов жизни, увиденного и пережитого. Оказавшись на последнем островке бывшей России, в Харбине, Вс.Н. Иванов, как и тысячи других российских беженцев, не мог не задать себе извечного вопроса, всегда встававшего перед российской интеллигенцией в кризисные периоды истории, – что делать? Харбин и Владивосток, между которыми протекала жизнь Иванова с весны 1920-го до середины осени 1922-го, стали местом и временем качественных внутренних перемен в его оценках мира и самого себя. «Тогда во Владивостоке во мне совершился переворот; я увидел жизнь по-другому. <...> Годы 1917-й, 1918-й, 1919-й воистину оказались годами «Моих университетов», выбили из меня всякое мещанство старожильческое, да и интеллигентское»¹²⁷. Это мироощущение личности гонимой, но вместе с тем не прекратившей духовные поиски, переживающей могучее творческое брожение, Иванов поэтически запечатлел в своих «Воспоминаниях»:

Вы помните греков, их горе?
Они и их царь Одиссей
Вот так же сидели у моря,
Как мы – у шумящих зыбей.
Как просты их контуры жизни!
Пшеница, свинина, вино.
И только тоской по отчизне
Их бедное сердце полно!¹²⁸

Здесь, на краю отчизны, на исходе пятнадцатилетних странствований и скитаний по России и Европе Иванов приходит к окончательному избавлению от печальной, глубоко ошибочной констатации, что Россия – нищая, убогая во Христе, юродивая страна. «Зараженный» простым, как черный хлеб, солдатским патриотизмом во время службы в царской армии, когда «слушал рассказы о былых подвигах нашего 28-го пехотного Полоцкого полка в суворовских альпийских походах», когда «забушевало творчество Сергея Городецкого» и «слово «Россия» стало греть сердце», и еще раньше, когда «в пушкинский столетний юбилей в 1899 году <...> слушал со спазмами в горле монолог Пимена в келье Чудова монастыря», Вс.Н. Иванов вплотную подошел к пониманию ответа на вопрос времени

¹²⁷ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 11.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹. Учиться у истории, чтобы руководствоваться ею в созидании настоящего и будущего. Вот такая задача стояла в повестке дня. Решению этой задачи могли способствовать, как полагал Иванов, художественная история или религия. Первого не было, считал Иванов, а второе отвергалось новым обществом.

Все художественное и художественно-публицистическое творчество подлинного патриота и самобытного художника Вс.Н. Иванова было посвящено служению высокой гуманистической задаче провидения будущего России и ее народов, поскольку так или иначе оказывалось связанным с историей, историей России и соседних с ней государств и народов, историей близкой и давно ушедшей в века.

Первым ярким художественным результатом духовных и творческих исканий писателя-историка Иванова стала «Беженская поэма», родившаяся весной 1920 года. «Тогда, в Харбине, попадая в гигантские испытания, переносясь «людно, конно и оружно» через эпохи и континенты, я чувствовал себя где-то в гигантском университете, проходящем курсы истории человечества. Так тогда зародилась во мне «Беженская поэма», <...> вещь, возникшая единым выдохом в моем сознании, как необоримое стремление отобразить, запечатлеть то, что во мне тогда было извержением вулкана, как извержение прошлых прозрений, врывающихся в проявляющееся будущее» ¹³⁰. В посвящении к поэме значатся инициалы «Е.Д.В.» (Екатерине Дмитриевне Воейковой – С. Я.), матери Наталии Ильиной, известной писательницы, долгие годы прожившей в дальневосточной эмиграции. В поэме продолжает художественную жизнь знакомый образ блоковской степной кобылицы, приносящий в поэму близкую обоим поэтам тему Востока:

Лови степную кобылицу,
Поэт, в телегу запрягай!
Вернемся, знаю я, в столицу,
В наш выстраданный сердцем рай ¹³¹.

В этой поэме запечатлено главное прозрение автора, прозрение, похожее на подземный сдвиг, который не мог не произойти. Это прозрение мира как главной ценности жизни и самой главной, гуманной, цели

¹²⁹ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 12.

¹³⁰ Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала. Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922): Главы из воспоминаний. М.: Худож. литература, 1991. С. 513.

¹³¹ Там же. С. 525.

человеческого существования. Поиск национальной идеи соотносится в поэме с идеалом общечеловеческим.

Замысел поэмы возник в результате влияния целого комплекса социально-политических обстоятельств (революция и гражданская война, повлекшие за собой исход из Отечества огромного числа россиян), литературного влияния жизнеутверждающих традиций русской классики (творчество А.С. Пушкина) и современной Иванову художественной интерпретации истории России (поэзия А. Блока). Важной предпосылкой появления поэмы стали также идейные споры со своим недавним патроном, профессором Н.В. Устряловым, который, как известно, был одним из зачинателей «сменовеховства». Сменовеховская декларация Н.В.Устрялова появилась 1 февраля 1920 года, незадолго до встречи Вс.Н. Иванова с Устряловым в Харбине, после которой их идейные пути разошлись. А в конце 1920 года Н.В. Устрялов опубликовал в Харбине сборник своих статей под названием «В борьбе за Россию».

Идея мира, пронизывающая поэму, не означает отказа автора от борьбы с большевизмом, как понимали свои дальнейшие отношения с Россией сменовеховцы. «Мир!» – вот что самое главное. Надо говорить всегда о нем, все усилия со всех сторон должны стремиться к нему... <...> «Мир должен быть всюду миром! – понял я. – Если из-за чего и стоит воевать, так это из-за мира...»¹³².

Пушкинский эпиграф («От потрясенного Кремля// До стен недвижимого Китая...») помогает воссоздать грандиозный масштаб трагедии исхода россиян в эмиграцию, а блоковские строки («Закат в крови. Из сердца кровь струится.// Плачь, сердце, плачь! // Покоя нет... Степная кобылица// Несется вскачь...») передают внутренний драматизм произошедшего с Россией, амбивалентность переживаний поэтов XX века, А. Блока и Вс. Иванова. Близость позиций Блока и Иванова в освещении событий революции и гражданской войны передается через идею возвратного движения времени:

Путем неслышанным и странным

Дала история оборот. <...>

.....

Все знаю... Помню... Было! Было!

¹³² Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 24.

Я видел этот древний сон.
В кумирнях пышные кадила
И лики темные икон. <...>

.....
Не потому ль прозренья ясны,
Мила китайская земля,
Что так же, как и эти, красны
И стены древнего Кремля ? /.../

.....
Давно мы знаем эти страны
И этих вежливых людей:
Ведь в их парчовые кафтаны
Одет наш русский Берендей ¹³³.

В поэме Иванова разворачиваются глубоко личные переживания истории России, начиная с ее тысячелетней древности, через времена татаро-монгольского нашествия, Петровскую и Екатерининскую эпохи, вбирая в себя трагедийные события истории XX века:

Ах, разве мы забыть могли бы,
Как путь прогресса нам остер!
Не засчитать высокой дыбы?
Иль катов позабыть топор?
Когда по окрику капрала
Россия встала в тесный фронт,
В душе кормила и качала
Уже тот страшный русский бунт.
И ты, немой и безызвестный,
Разбойник мертвый на плоту,
Истории продукт чудесный,
Тебя я молча, свято чту.
И пусть теперь я твой противник –
Неизбежимость не тая,
Ты говоришь мне, страшный схимник:
Расколота душа твоя! ¹³⁴

¹³³ Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала. Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922): Главы из воспоминаний. М.: Худож. литература, 1991. С. 525.

¹³⁴ Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала. Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922): Главы из воспоминаний. М.: Худож. литература, 1991. С. 523.

История России представлена в поэме в контексте с историей человечества и её осмыслением. В вопросах национального своеобразия исторического пути России автор тяготеет к идеям В.С. Соловьева, которые разделял и А. Блок. Проблему взаимоотношений интеллигенции и народа на протяжении последних веков российской истории Иванов рассматривает с близких А. Блоку позиций, а его статью «Интеллигенция и революция» Вс.Н. Иванов просто не мог не знать.

Юношеские мысли о Востоке, давняя тяга к изучению Китая, его древней истории и экзотического быта получили благоприятную для Вс.Н. Иванова возможность осуществиться. Объективные и субъективные предпосылки, волею судьбы так неожиданно соединившись в этот период его жизни, в дальнейшем получили масштабную реализацию в универсальном творческом наследии Вс.Н. Иванова.

Тема Востока и его культуры, Китая в частности, станет одной из главных в творчестве Вс.Н. Иванова, причем не только периода эмиграции. Она привлечет к себе внимание и многих других писателей-эмигрантов на Дальнем Востоке: Валерия Перелешина, Арсения Несмелова, Михаила Щербакова и других.

Поистине подвижнической стала работа создателей и участников литературно-художественных альманахов, посвященных изучению Китая российскими исследователями и художниками, которые своей деятельностью способствовали приближению Востока российскому читателю. Установлен факт выпуска в Шанхае в начале 1920-х годов трех российских альманахов: «Дальний Восток» (1920), «Желтый лик» (1921) и «Китай» (1923). Два последних вышли под редакцией издателя Э.Е. Магарам, который открыл эти альманахи публикацией своих обширных и поучительных наблюдений над жизнью и бытом китайцев под названием «Желтый лик (Очерки одного странника)». В одном из очерков, «Смеющийся Будда», автор знакомит читателя со скульптурой Смеющегося Будды, символизирующего благоволение ко всем людям, добрым и злым, без различия.

В статье «От редакции» альманаха «Желтый лик» издатели четко сформулировали свои цели: познакомить русских читателей с Китаем, с его духовной и материальной жизнью, с его своеобразной культурой и искусством. При этом редакцией альманаха верно и точно подмечено, что

русская литература крайне бедна произведениями, рисующими жизнь Китая. Английская, французская и немецкая публика поставлена в более благоприятные условия, чем Россия, хотя она «непосредственно граничит с Китаем на протяжении нескольких тысяч верст». Поэтому редакция включает в свое издание переводы иностранных трудов, «способствующих постичь непонятную нам душу великого народа». Так, в альманахе представлена статья Л. Верлей «Китайское искусство» в переводе с французского И. Евельич. Издатели альманахов осознают и утверждают важность и своевременность своего труда: «Мы верим, мы убеждены, что такое издание полезно и необходимо. Тем более оно необходимо сейчас, когда Русский Дальний Восток переживает трагедию, в которой, – кто знает? – быть может, и Китаю суждено сыграть видную роль...»¹³⁵.

Содержание альманахов и сегодня поражает богатством и разнообразием представленных в нем жанров и тем. Оно включает в себя поэзию и прозу, как русскую, так и переводную с китайского языка. Из поэтического наследия Китая в альманахах опубликованы произведения таких авторов, как Фань-Юнь («Тайна...»), Чан-цзы («Искушение...»), Тан-чу-лунь («В корчме»). В альманахе «Китай» (Шанхай, 1923) размещен большой очерк «Знаменитые китайские наложницы», в который включены стихотворения классиков китайской поэзии, воспевающих женскую красоту: Ли-Тай-По, Лу-Кой-Мон, Чан-Ю, Ван-Чан-линь и других поэтов. Теме Востока и Китая посвящали свои стихи и русские поэты дальневосточной эмиграции. Широко известный в эмигрантских кругах поэт и переводчик с китайского Михаил Щербаков опубликовал в альманахе «Китай» свое стихотворение «Царь-Дракон», написанное в 1921 году в бухте Сидеми, что на границе с Кореей. Его сонет «Жень-шень», созданный во Владивостоке в 1922 году, представляет собой художественную концентрацию философии и культуры китайского народа.

Того, кто волей тверд и помыслами чист,
Проводят гении лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к затерянным полянам,
Сокрывшим зонт цветов и пятипалый лист.

И злобны демоны, слуга их – тигр – когтист:
Не торопись звенеть серебряным даяном

¹³⁵ Желтый лик: Литературно-художественный альманах, посвященный Китаю. Шанхай. 1921. Кн. 1. С. 3.

Под вязью вывески торговца талисманом,
Где тайных зелий дух и прянен, и душист.
Сложив фанзу, постись! Из недр росток Жень-шеня
Сбирает старику любовные томленья
И смертному двоит даренный небом срок.

И в мгlistый час Быка, созвездьям покорен,
С молитвой праотцам бери олений рог
И рой таинственный, подобный людям, Корень¹³⁶.

Сама природа стоит на страже духовности и нравственности человека, утверждает своим сонетом русский поэт, утверждая идею гармонии человека Востока и природы как основополагающую для человеческого бытия вообще.

Проза альманахов представлена китайскими народными сказками («Жертвы солдата», «Лодочник и колдунья», «Злая жена», «Зуб за зуб», «Обжорливый черт», «Поздняя месть» и другие), переведенными с французского текста Э.Е. Нарымским. Общественно-политическим проблемам современного Китая, его истории и истории его культуры посвящены научные, философско-исторические, критические статьи Василия Темного «Международное положение Китая», «Возрождение Китая», Николая Черного «История Китая», Е.А. Федорова «Китайская живопись». Многие тексты содержат историко-культурные комментарии, профессионально иллюстрированы.

Тесно был связан с проблемами Востока и Китая, но в большей степени обращенным к вопросам своего времени, литературно-художественный ежемесячник «Окно», выходивший в эти же годы в Харбине. Ю.В. Крузенштерн-Петерец в своих «Воспоминаниях» отмечает, что журнал «Окно» был создан по инициативе футуристов. Художник Гущин и поэт Сергей Алымов стояли у истоков художественной студии «Кольцо», которая просуществовала недолго. «Кольцо» вскоре распалось, и один его кусок вскочил в «Окно», первый в Харбине большой журнал¹³⁷. За этим журналом стоял Н.В. Устрялов, но издание публике не очень понравилось, и «Окно» захлопнулось. Известны два номера этого уникального издания (за ноябрь и декабрь 1920 года). Именно в этом

¹³⁶ Китай: Литературно-художественный альманах. Шанхай. 1923. С. 7.

¹³⁷ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С. 40.

журнале Вс.Н. Иванов начал свое непосредственное участие в литературно-художественной жизни русского эмигрантского Китая публикацией трех своих знаменитых сонетов, лишь недавно опубликованных в России. Это философские сонеты, рожденные грозным временем революции и гражданской войны: «Видение», «Дьявол», «Финикия»¹³⁸.

Видение

Был виден звездный шар, гирляндой перевитый
Кентавров скачущих, амуров, полных жен,
Где в хмельные моря душою погружен
Метался в пляске бог, в венке румяной свиты.

Его влекли с собой нагие Суламиты
И радугами солнц пылал весь небосклон.
Связуя с воплями в одно небесный звон,
С созвездий благостно взирали еремиты.

Дышала музыкой и восклицаниями плоть,
И пьяный шествовал торжественный Господь,
Рыгая и неся упитанности бремя.

А звездный синий шар, кружась наперекор,
Гармонией небес крепил веселый хор
И звездные лучи указывали время.

Дьявол

Я видел дьявола безрогим, нехвостатым.
Artilex maximus, он строил на песке,
Развертывал миры на грифельной доске,
Не зная удержу ученым цитатам.

В поношенном пальто, с воротником поднятым,
С почтенной сединой на ссохшемся виске,
По мокрой мостовой шагая налегке,
В тумане осени он мне казался братом.

«Чтоб легче было жить – в бессмертие поверь».
«Чтоб не заботиться – забудь о нем теперь»,
«Вступи навек в союз с наукой площадною...»

А город под дождем ворочался как спрут,

¹³⁸ Окно: Литературно-художественный ежемесячник. Харбин. 1920. № 1. С. 12.

В час изумительный, когда огни зажгут,
И тлеют, мутные, подземною игрою.

Финикия

Богослужение таинственным богам
Как все таинственно в тебе, о Финикия!
Падет багряный день в зеркальности морския
И розами костров означен горний храм.
 Прямыми формами подъятое к звездам
 Темнеет капище и тени золотыя
 Порхают по полу, где девушки нагия,
 Закутав голову, несут к твоим ногам,
К колонам тяжким двум, рогатая Кибела.
Ты, в жирной копоти базальтовое тело,
Мечту сладчайшую души глухой своей,
 Пифагореец, жид, торгаш Эллады дальней,
 В одеждах праздничных гулять толпой нахальной,
 Амуры хищные закутанных Психей.

Через образы далекой античности сонеты Иванова передают современное состояние России, хаотическое и глубоко потрясенное. Однако создатели «Окна» уверены, что такое состояние временно и преходяще. «Мы не можем не чувствовать, что момент пожара – очень длительный и затяжной – все же только момент и час железных звучаний уступит свое место годам полнозвучия жизни, которая, подобно гуслиам, состоит из множества больших и меньших струн, лишь вместе дающих великую и мудрую гармонию»¹³⁹. Создатели «Окна», утверждая вечность, высоту искусства, не уходят от жизни с ее проблемами в сладкий мир грез. «Искусство – над пушкой и над лафетом. Оно – небо жизни ...», – считают они¹⁴⁰. Именно искусство должно стать светочем, путеводной звездой, которая призвана помочь миру не упасть в бездну мрака и тьмы. «Мы не уклоняемся от жизни <...> Не закрываем очей на все происходящее. Но в наших душах нет места для ужаса и боязни, потому что в них вливается не только железно-чугунный раскат ломающихся и строящихся дней, – но и вещая песня любви, творчества и покоя, придущих на смену стальному

¹³⁹ Окно: Литературно-художественный ежемесячник. Харбин. 1920. № 1. С. 3.

¹⁴⁰ Окно: Литературно-художественный ежемесячник. Харбин. 1920. № 1. С. 3.

лязгу борьбы»¹⁴¹. Одному только искусству под силу сохранить мир в гармонии и красоте, достучаться до закрытых человеческих душ: «Наши слова и дела – упорный стук в заколоченные ставнями окна разгромленных душ, из которых временно вывезена красота»¹⁴². Это издание стало мощным духовно созидательным фактором жизни. «... на несмолкающие, тоскующие вопросы: «Когда же начнется благоухающая, жизненная весна?..» – мы отвечаем: «Не надо отчаянья. Будьте внимательны к себе и жизни. В дыму пожара и в прозрачном затишье дня; в утренней прохладе и в осыпающемся золоте вечера – таится одна вечная, неизменная, мудрая благодать Смысла и Красоты. Сегодняшний день невиданно-ужасен, но он таит в себе и невиданно-плодородные Нови. <...> нужно только уметь расслышать сквозь шипенье пылающих бревен ликующие свирели Рассвета ... Нужно только быть достаточно зорким и разглядеть в хаосе гроыхающих, железных ног - легкие, торжествующие сандалии розовосвежей зари ...»¹⁴³. Авторам «Окна» присуще ощущение эпохи как трагической, но неизбежной. Они верят в наступление рассвета: «Рассвет поет, приближаясь ... С бодрой уверенностью мы обращаем к нему наши взоры и распахиваем наше «Окно»¹⁴⁴.

Эта редакционная статья «Окна» существенно дополняет очерковую публицистику и мемуаристику российской интеллигенции, живо, чутко и остро отреагировавшей на события революции и гражданской войны. Среди этих свидетельств эпохи – статьи А. Блока («Интеллигенция и революция», «Крушение гуманизма» и др.), очерковая книга М. Горького «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре», горестный дневник И. Бунина «Окаянные дни». В связи с этим неизбежно отметить, что первый номер «Окна» 18 ноября 1920 года был отправлен из Харбина в Москву М. Горькому. Об этом свидетельствует надпись простым карандашом на экземпляре, хранящемся в отделе русского зарубежья Российской государственной библиотеки.

В рассматриваемых номерах «Окна», кроме Вс.Н. Иванова публиковали свои поэтические и прозаические произведения другие русские писатели, впоследствии получившие известность и признание в эмиграции: Сергей Алымов, Федор Камышнюк, Венедикт Март, Сергей Третьяков, Арсений Несмелов, Николай Алл, Леонид Астахов, Михаил

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 4.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

Щербаков и другие. Но был среди них автор, хорошо и давно знакомый читателю России: это позднее ставший широко известным советский поэт Николай Асеев, который приезжал в те годы в Харбин и Владивосток и активно участвовал в литературной и культурной жизни Дальнего Востока. В 1920 – 1921 гг. во Владивостоке и Харбине активно работал кружок поэтов «Железная дорога», примыкавших к футуризму. Членами его были С. Алымов, Н. Асеев, Ф. Камышнюк, С. Третьяков, В. Силлов и другие литераторы.

Другая рубрика журнала, «Хроника искусств и культуры», знакомила читателей Харбина и Владивостока с главными событиями в культурной жизни. Так, в связи с 25-летним юбилеем Д. Бурлюка освещалось открытие Выставки русского искусства в Японии, на которой были представлены работы Д. Бурлюка и В.Н. Пальмова. Из культурных событий Владивостока сообщалось о новых выборах Президиума Литературно-Художественного Общества, председателем которого был избран писатель С.М. Третьяков. Клуб Литературно-Художественного Общества «Балаганчик» готовился осуществить постановку «Мистерии Буфф» В. Маяковского. А в Хабаровске группа художников «Зеленая лампа» выпустила новую книгу стихов Венедикта Марта, правда, всего в 23-х экземплярах. Сам же поэт, В. Март, в это время прибыл в Харбин, где собирался выступить со своим докладом о последней книге стихов С. Алымова «Киоск Нежности». Там же, в Харбине, ожидался приезд поэта-футуриста Н. Асеева. Журнал «Окно» выступил организатором серии вечеров, посвященных обсуждению проблемы искусства и современности. Так, из сообщения этого журнала читатели могли узнать, что 20 октября в зале Коммерческого Собрания состоялся публичный диспут на тему: «Интеллигенция и дух времени», в котором приняли участие профессор Н.В. Устрялов, поэт С. Алымов, писатель Ф. Камышнюк и другие.

Годы революций и гражданской войны стали тем временем, когда с большим размахом, экспериментаторски смело заявило о себе многогранное дарование Вс.Н. Иванова, писателя-публициста, поэта и прозаика. Раннее творчество Вс.Н. Иванова представляет собой синтез художественности и публицистичности, эпоса и лирики. Идеино-эстетические, творческие поиски закономерно привели писателя к полифонии жанров, включающей в себя эпические жанры малой прозы, в основном очеркистики, с ярко выраженными элементами художественности, и лирические жанры большого диапазона: от

социально-политических сонетов до философско-исторических и лиро-эпической поэмы («Беженская поэма»).

Высокая степень автобиографичности творчества писателя данного периода выявила глубокую причастность личной судьбы художника и мыслителя судьбе России. Ярко выраженное личностное, публицистическое начало, скрепляющее все его многожанровое творчество, отражает одну из главных и общих для литературы этого периода тенденций. В кризисные, переломные эпохи поиски нового содержания в искусстве, в том числе литературе и смежной с искусством журналистике, сопряжены с поисками и новой формы. Старые литературные и журналистские формы перестают вмещать новое содержание. И тогда публицистика способствует «прорыву» вперед, в новое качество. Публицистика Вс.Н. Иванова, синтезирующая мысль и образ, стала предтечей последующего универсального и многогранного творчества писателя.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ПЕРИОД КАК ВРЕМЯ ТВОРЧЕСКОГО СОБИРАНИЯ СИЛ И ПРЕДТЕЧА ЭМИГРАЦИИ

Владивосток, Хабаровск и Харбин в начале 20-х годов XX века образовали своеобразный дальневосточный «пятачок», где разыгрались важные политические события 1918 – 1922 годов. По преимуществу во Владивостоке, как портовом и приграничном городе, столкнулись политические интересы многих государств и основных политических сил России. Заметным катализатором, активизировавшим жизнь на Дальнем Востоке, явились остатки золотого запаса России, попавшие в руки представителей местной верхушки. До 22 октября, времени, когда советская власть пришла в Приморье, сообщение между Харбином и Владивостоком было относительно свободным и регулярным, так как оно проходило по территории Дальневосточной республики. И до этого времени Всеволод Никанорович несколько раз менял свое место жительства в пределах Владивосток – Харбин.

С апреля 1920 года Вс.Н. Иванов непродолжительное время жил во Владивостоке, куда приехал по рекомендации своего старого приятеля Н.В. Устрялова, устроившего ему приглашение со стороны ректора Владивостокского университета, профессора-международника Ершова.

Там Иванов окунулся в газетную работу. Благо, что газет во Владивостоке выходило предостаточно: либеральная «Дальневосточная окраина», переименованная в «Голос Родины», газету «Слово» открыла группа правого направления во главе с братьями Меркуловыми, печаталась эсеровская газета «Эхо», бойкий сатирический листок «Блоха» издавался Андрушкевичем.

Владивосток в те годы был крупным политическим и культурным центром России. Так же, как в расположенной на другом конце России Одессе, стоявшей у истоков западного русского зарубежья, возникали и тут же прогорали журналы и газеты. Но особенно процветала поэзия. И Владивосток, и Одесса, несмотря на оккупацию, не хотели умирать. Владивостокские противобольшевистские образования отличались от их южных собратьев, так как не были военными образованиями, а создавались из общественных организаций гражданскими лицами. Одной из таких организаций был Дальневосточный Комитет в Харбине, в работе которого принимал активное участие и Вс.Н. Иванов. Международная обстановка содействовала этому роду гражданских начинаний, потому что все страны Азиатско-Тихоокеанского региона были крайне заинтересованы охранить Азию от разгорающейся на их глазах гражданской войны в России. Соседние державы на востоке долго держали лозунг: «Русский гражданский мир в Азии». Вся буферная политика, которая и привела к образованию с центром в Чите Дальневосточной республики (ДВР), основывалась на принципе сохранения мира на Дальнем Востоке. Этот принцип был положен в основу государственного образования, которое возникло 26-го мая 1921 года во Владивостоке и своим влиянием охватило все Приамурье. Возглавлялось оно Приамурским Временным Правительством во главе с С.Д. Меркуловым. Новое правительство намеревалось использовать то важное обстоятельство, что в 1920 году революция на Дальнем Востоке еще не заявила о себе в полную силу, здесь еще сохранились и могли работать торговые, промышленные и другие организации, даже персонал административного аппарата почти весь состоял из прежних сотрудников. Проходивший в марте 1921-го года во Владивостоке Несоциалистический съезд принял резолюцию о сотрудничестве всех классов по изживанию большевизма. Но эта резолюция не встретила широкого понимания в обществе, которое оказалось не готовым к политическому маневрированию, в то время как международные обстоятельства способствовали этому. Противоречия в

среде русских военных группировок сделали новую власть непрочной, особыми амбициями отличался атаман Семенов, претендовавший на признание всеми политическими силами Дальневосточной окраины. Все это привело к краху белого движения во Владивостоке в октябре 1922 года.

Подробно и обстоятельно об этой политической ситуации на Дальнем Востоке в 1920 – 1922 гг. рассказал Вс.Н. Иванов по прошествии нескольких лет в статье «Владивостокское национальное Государственное Образование», опубликованной в 1927 году в тьянцзинской газете «Наш Путь»¹⁴⁵. В этой статье журналист Иванов проявляет свою гражданскую зрелость, способность мыслить масштабно, по-государственному.

Во Владивостоке, этом так называемом «угловом городе» России, чувствовался довольно крепкий, хотя и умеренный, пульс деловой, торговой, административной, культурной и политической жизни. Работали несколько учебных заведений. Среди них – коммерческое училище, женские и мужские гимназии, Дальневосточный университет с сильной профессурой, выпускавший основательных знатоков китайского и японского языков.

Демократическая жизнь общества испытывала острую необходимость в объективной, исчерпывающей информации. Вс.Н. Иванов, как опытный журналист, одним из первых ощутил потребность в создании единого центра информации на Дальнем Востоке. Поистине самоотверженно, с огромным энтузиазмом он увлекся проблемой создания Дальневосточного Информационного Телеграфного Агентства (ДИТА). Для принципиального решения вопроса необходима была встреча с генералом Хорватом как управляющим Китайско-восточной железной дороги. Только КВЖД в тех социо-культурных обстоятельствах была в состоянии профинансировать создание центра информации. Но Дмитрий Леонидович Хорват в то время жил в Пекине, и на поездку к нему Всеволод Никанорович рискнул просить денег у атамана Семенова, находившего тогда в Чите. Атаман, правда, без особого энтузиазма, но выделил Иванову тысячу рублей, из которых тому удалось получить только пятьсот рублей, так как окружение атамана «своего не упустило» и обмануло газетчика. Тем не менее, поездка в Пекин к генералу Хорвату состоялась и имела очень важные последствия, причем не только деловые, но и творческие.

¹⁴⁵ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 27.

Генерал Хорват отказал Иванову, мотивируя свой отказ отсутствием санкции из Москвы. Суровая правда времени открылась тогда Иванову: «Старое наше государство лежало в параличе, как цикада, которую оса уколола в солнечное сплетение, а вместе с ним в параличе оказались и все мы, офицеры старой армии. <...> О, как она была беззащитна, эта старая власть, даже не помышлявшая о возможности такого афронта»¹⁴⁶.

Вопреки обстоятельствам, Иванову удалось создать ДИТА, столь необходимое для демократического общества. Выживание давалось нелегко, часто приходилось обивать чужие пороги и просительного толочься в харбинских кабинетах и конторах. Иванов, как глава ДИТА, подобрал себе толкового редактора, замечательного, тогда еще молодого человека, бывшего преподавателя английского языка в Хабаровском имени графа Н.Н. Муравьева-Амурского кадетском корпусе, Льва Валентиновича Арнольдова, который стал впоследствии известным журналистом в Дальневосточном зарубежье. Бюллетени ДИТА доставлялись во многие страны мира через консульства, находившиеся в Китае.

В 1920-м году Вс.Н. Иванов был уже хорошо знаком читателю прессы Харбина и Владивостока. Всячески поддерживая «на плаву» существование своего ДИТА, Иванов активно пишет и публикуется в газетах Харбина. А их было уже предостаточно. Однако одной из самых популярных на протяжении нескольких десятилетий стала газета «Заря», созданная московским журналистом М.С. Лембичем и его другом, талантливым журналистом Г.Н. Шипковым. Эти журналисты работали, вспоминает Иванов, «как бешеные»¹⁴⁷. Поначалу «Заря» была вечерней газетой, но Лембич мечтал о втором издании. Огромное желание и предприимчивость увенчались успехом: ему удалось получить заем в 20000 долларов в Русско-Азиатском банке. После чего газетное дело Лембича стало набирать силу. Позднее Лембич открыл еще две «Зари»: в Шанхае и Тяньцзине. Харбинская либерально-белая газета «Рупор» (издатель Е.С. Кауфман) сразу стала конкурентом «Зари». К 1931 году все харбинские газеты, кроме «Гун-Бао», о которой речь пойдет ниже, и японского «Харбинского времени», будут принадлежать М.С. Лембичу, которого Ю.В. Крузенштерн-Петерс в своих «Воспоминаниях» охарактеризовала

¹⁴⁶ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 36.

¹⁴⁷ Там же. С. 25.

«одной из самых ярких фигур во всей дальневосточной эмиграции»¹⁴⁸. Он был прирожденным и потомственным газетчиком. В Харбине выходили и другие газеты: «Советская трибуна», «Русский голос», «Свет». Газету «Свет» вел ее редактор-издатель Г.Г. Сатовский-Ржевский, старый дальневосточник, хороший журналист.

Работая в газетах, печатая свои первые книжки, Вс.Н. Иванов все более внимательно присматривался к окружающей обстановке, предвидя для себя возможность своеобразного отступления – во Владивосток, который оставался Россией, Родиной.

Более двух лет проживая между Харбином и Владивостоком, Всеволод Никанорович осмысливал реальный, богатый опыт от встречи со страной юношеских мечтаний, с Китаем. Особенно сильные впечатления оставила поездка в Пекин в 1920 году к генералу Хорвату. И хотя свой очерк «Пекин» Вс.Н. Иванов напишет и опубликует в 1931 году в журнале «Багульник» (Харбин), свои первые уроки от встречи с Китаем он «прошел» еще в 1920 году. Именно тогда его «привела в себя древняя мудрость Пекина»¹⁴⁹. Вот главные из оставшихся на всю жизнь размышлений Вс.Н. Иванова, навеянных встречей с Пекином: «... у людей революция уже девять лет, но все как будто остается на своих местах – в огромной стране царит осторожное спокойствие умиротворенного труда <...> Все китайцы, приветствуя друг друга, прежде всего спрашивают о состоянии знакомых или друзей. Как мы. Но мы спрашиваем о здоровье как о самом главном, необходимом для нас. Китаец же осведомляется: «Ели ли ты? Здоровье – это от природы, а сытость, так необходимая для всего живого, – от жизненной удачи. <...> Китайцы конкретнее, осторожнее нас и ближе друг к другу, нежели мы. Все их исторические переживания занесены в государственные анналы... Их мудрецы эти народные переживания и испытания закрепляли в точных моральных формулах. Их писатели – на основании точных анналов же – написали исторические романы, где все события до последней степени правдивы. Читая такой исторический роман, китаец не только развлекается, «убивает время», он

¹⁴⁸ Крузенштерн-Петерс Ю.В. Воспоминания //Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.57.

¹⁴⁹ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 37.

сосредоточивается, узнает историю и исторические факты»¹⁵⁰. В этих фундаментальных уроках жизни и размышлений о ней сфокусированы главные узлы художественного творчества Вс.Н. Иванова, его философской и эстетической системы. Проблемы истинного гуманизма, взаимоотношений между людьми, их жизненных ценностей, а также жанровых приоритетов творчества писателя были, безусловно, скорректированы этим долгожданным знакомством с Китаем и жизнью его народа, близкого, по мнению Иванова, русскому народу не только географически. Тема сытости, рассматриваемая как слабая черта менталитета русского человека, справедливо реабилитируется в творчестве Иванова как необходимая основа всего живого, а не просто одна из так называемых «обломовских» черт русского национального характера. Иванов-художник раскрывает эстетический смысл самых естественных человеческих проявлений и потребностей, выявляя свою близость эстетической позиции одного из классиков мировой литературы, Франсуа Рабле. Самым ярким проявлением данной традиции в творчестве Вс.Н. Иванова стала его «Поэма еды» (Харбин, 1928), на которую откликнулся в эмигрантском Париже один из зачинателей изучения литературы русской эмиграции на Западе Глеб Струве¹⁵¹. Мы не останавливаемся на анализе этой поэмы, не издававшейся в России, хотя и имеющейся в нашем рабочем архиве и ожидающей в скором времени своей публикации. Анализ поэмы может стать предметом отдельной работы.

Приверженность историческим жанрам как приоритетным Иванов сохранил на протяжении всей своей жизни. Тема Китая, его истории и истории культуры в творчестве писателя сопряжена с темой России и синхронна с ней. Цикл исторических повестей о Китае, созданных Ивановым в первые послеэмигрантские годы («Тайфун над Янцзы», «Путь к Алмазной горе», «Дочь маршала»), – яркое тому подтверждение.

Владивостокский период занял особое место в жизни и творчестве Вс.Н. Иванова. В 1921 году к нему во Владивосток из Москвы приезжает его семья, жена Вера и сын Григорий.

Волею судьбы в те годы во Владивостоке жили, работали В.К. Арсеньев, Н. Асеев, С. Третьяков, В. Март, А. Несмелов и другие писатели,

¹⁵⁰ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 38.

¹⁵¹ Струве Г. «Поэма еды» Вс. Иванова // Россия и славянство. Париж. 1928. 22 декабря. С. 4.

в разное время потом «воссоединившиеся» с отечественной литературой. Некоторые из них вернулись на Родину только своим творчеством. Так сложилась судьба А. Несмелова. Писатели, которым посчастливилось пережить радость нового обретения Родины, не имели возможности при жизни познакомить российского читателя со своим творчеством. К их числу относятся поэты, прошедшие после возвращения в СССР через лагеря: А. Ачаир и В. Март. Эмигрантское наследие Вс.Н. Иванова, писателя, мыслителя и журналиста, до начала 90-х годов XX века оставалось недоступным для отечественного читателя и исследователя.

За непродолжительный период жизни во Владивостоке Всеволод Никанорович в полный голос заявил о себе как профессиональный журналист, талантливый публицист, оригинальный поэт и видный общественный деятель в области журналистики и газетного дела. В дни каппелевского переворота (26 мая 1921 года) во Владивостоке Вс.Н. Иванов начал выпуск частной, издаваемой товариществом на паях «Вечерней газеты», совмещая должности редактора и издателя. И практически в те же дни он был назначен Уполномоченным по печати Приамурского правительства. Редакция его «Вечерней газеты» размещалась в большом доме на углу Китайской и Пекинской улиц. Буквально через час, вспоминал позднее Иванов, «тираж потоком выскочил на улицу. В первый же день было распродано до двадцати тысяч экземпляров... Должен сказать, – дополняет издатель «Вечерки», – что сколько бы я ни издавал газет, все они всегда отлично шли... Зайдя в «Денни Мотт и Диксон», я нашел там все правительство в сборе и роздал министрам мою газету. Мне тут же налили бокал шампанского, и я получил удостоверение Уполномоченного по печати Приамурского правительства во Владивостоке»¹⁵². В Морском штабе, в Доме правительства, у него появился свой кабинет. Как высокий чиновник, Иванов получил ордер в гостиницу «Версаль» (№ 9) с балконом на Амурский залив, ему был поставлен телефон. Для Иванова началось непростое дело совмещения чиновничьей и журналистской деятельности. Приамурское правительство тем временем издало указ о выпуске «Известий Приамурского правительства», а также новой газеты «Русский край». Чиновничьей работы у Иванова прибавилось. Тем не менее, он много и продуктивно работал в своей «Вечерней газете». Почти в каждом номере можно было

¹⁵² Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 66.

встретить его статью по тем или иным актуальным проблемам экономики, политики, культуры.

27-го июля 1921 года владивостокская газета «Русский край» опубликовала заявление Иванова на имя председателя Временного Приамурского правительства, принципиально повлиявшее на его дальнейшую жизнь. Поводом для этого заявления было письмо председателя Совета управляющих Вс.Н. Иванову с просьбой отказаться от редактирования «Вечерней газеты», сохранив за собой должность Уполномоченного по Информации, так как «такое совместительство», по мнению автора письма, «может вызвать целый ряд недоразумений и дать повод к предположениям, что заметки и статьи «Вечерней газеты» инспирированы правительством и что за содержание редактируемой Вами газеты, прямым или косвенным образом, является ответственным Правительство»¹⁵³. Автор письма отметил высокий профессионализм журналиста Иванова и его особые организаторские способности в деле налаживания работы средств массовой информации: «Ваши организаторские способности, ваша опытность в газетном деле являются настолько несомненными, что у Правительства не может быть другого более подходящего лица, которое с такими же, как Вы, успехами и знанием дела мог бы вести эту трудную и весьма ответственную работу»¹⁵⁴. Такая характеристика дает основание считать Иванова фигурой авторитетной и влиятельной в среде дальневосточной журналистской аудитории. Ответом на это письмо Председателя правительства стало заявление Вс. Иванова с просьбой освободить его от занимаемой должности Уполномоченного по Информации, что, в свою очередь, должно дать ему «большую свободу в действиях, как независимому журналисту»¹⁵⁵. Данное заявление отражает духовно-нравственные, профессиональные приоритеты Вс.Н. Иванова, выявляет его стремление к независимому и свободному творчеству даже в период острых социальных столкновений. И хотя остаться «над схваткой» в тот момент было сверхсложно, гуманистическое, гражданское созидательное начало личности Иванова-журналиста, в будущем крупного писателя и мыслителя, проявилось в этой ситуации открыто и однозначно.

Как редактор «Вечерней газеты», Иванов очень много писал сам. В период с 26-го июня по 29-е сентября 1922 года им было опубликовано в

¹⁵³ Русский край // Владивосток. 1921. № 44. С. 5.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

«Вечерней газете» 29 статей, заметок и очерков. Их тематика обширна. Здесь вопросы внутренней политики («Приамурское Временное Правительство», «Читинский официоз») и международной («Ямакава Кикую» – об отношениях России и Японии, «Советская дипломатия»), экономики («Живая сказка» – о голоде в России, «Собирание Руси» – о необходимости выравнивания экономического базиса страны), проблемы морали и нравственности («Потревоженные цари» – о разграблении царских могил в Петрограде, «Наша речь» и бандиты» – о недопустимости пропаганды преступности в средствах массовой информации). Не обходит Вс.Н. Иванов и острой в те годы, в период идейного раскола России и пересмотра традиционной системы ценностей, проблемы отношения к русской классической литературе. О необходимости сохранения традиций отечественной классики – его статья «Суд русской литературы» (от 12 сентября 1922 года). Редактируя «Вечернюю газету» и активно выступая в ней, Вс.Н. Иванов продолжал публиковаться и в других изданиях. Попыткой внести свой вклад в необходимый, по мнению журналиста, процесс гуманизации общества стала его публицистическая статья за отмену смертной казни «Казнь Египетская», помещенная в газете «Русский край» 17 ноября 1921 года.

Журналистская деятельность в полной мере выявила энциклопедичность знаний, формировавшееся писательское мастерство будущего автора крупной прозы. Во всех его выступлениях главной темой оставалась Россия, ее настоящее и будущее, пропущенные через призму истории, события далекого и недавнего прошлого. Чтобы верно определить и выбрать дорогу в будущее, надо учиться у истории, у прошлого, считал Иванов. «Неотвратимы эти зовы к мудрому, славному и прекрасному прошлому, – а таковое было у нас, – все ярче и ярче звучат они в душах русских людей», – заявляет журналист Иванов в передовой статье «Наш съезд», что была опубликована «Вестником Съезда Несоциалистических Организаций Дальнего Востока» в 1921 году во Владивостоке.

Нелегким представлялся Вс.Н. Иванову путь к разумному будущему России. «Неисчислимы жертвы, уже принесенные нами, неисчислимы и те, которые ждут нас впереди. Но мы верим в эту победу, как верим в творческую силу русского народа, который, освободившись от химер коммунизма, пойдет по дороге к свободе и закону, к благосостоянию и

энергичной работе, к наслаждению бытием в искусстве и т. д. и т. д. и всеми путями – к одной России»¹⁵⁶.

Тема единой России, сложная и многоаспектная, станет проходящей в работах Иванова. Одной из ее граней время обозначит проблему межнациональных отношений в России. Очерки на данную тему: «Тучи над Востоком» (о развитии пантуранского движения в России), «О судьбах еврейства», «Федеративная Россия» – будут опубликованы, в основном, уже в эмигрантской газете «Гун-Бао» («Общественная газета»), где Иванов на рубеже 1920 – 1930-х годов будет редакторствовать.

Стремление автора глубоко исследовать проблему подтолкнет его к поискам в области жанра. Для решения определенной художественной задачи Вс. Н. Иванов создает сначала ряд очерков, объединенных общей темой, затем – цикл очерков, например, исторических («Даниловичи: из цикла исторических»). Это своеобразное движение жанров в сторону концентрации станет одной из предпосылок, обусловивших потребность художника в крупных жанрах в его последующем творчестве. Обратившись к проблеме межнациональных отношений в России, Вс.Н. Иванов верно уловил направление внутренней политики российского государства по данному вопросу, хотя сам к этому времени уже находился в эмиграции. «... национальная политика Кремля в этом направлении развила и укрепила забытое было самосознание тех многочисленных народностей, которые населяли Россию»¹⁵⁷. Предупреждая, что катастрофа ждет того, кто принимал «единство русской земли как что-то само собой разумеющееся», журналист обращается не только к современным ему политикам, он преподносит урок и будущим поколениям¹⁵⁸. Создание подлинно единой России потребует, по мнению автора очерков, больших усилий, и, прежде всего – учета воли народов, населяющих Россию. «Тот будет иметь на Руси успех, чьи желания и действия не будут против желаний и чаяний народных. И, прежде всего, эти желания и чаяния многократно выявятся центробежно, в виде исторически обусловленных сепаратных тенденций»¹⁵⁹. Сегодня нельзя не поразиться правоте и прозорливости писателя, сумевшего за три четверти века предсказать события рубежа XX – XXI веков, указать пути к подлинному единению России. Проблема межнациональных отношений, заметно обострившаяся в России в

¹⁵⁶ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 27.

¹⁵⁷ Там же. С. 337.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 341.

последнее десятилетие XX века, продемонстрировала на практике, насколько недопустимо в большой политике сбрасывание со счетов интересов любой, даже самой малочисленной народности или нации. Еще в те годы Иванов предвидел: «Польша, Украина, Кавказ, <...> Сибирь и Великороссия, – будут образовывать те единства, в которых будет созревать народная воля к устройению, будут представлять из себя своего рода национальные курии. И горе тому политику, который пройдет мимо них в требовании Единой России. Это требование уподоблю нелепому требованию поднять единым махом сложенную из кирпичей стену... Нет, только процесс постепенной грануляции приведет к единству, конечно, построенному согласно требований момента»¹⁶⁰.

Сами исторические события, свидетелем и участником которых вольно или невольно становился Вс.Н. Иванов, все острее выдвигали перед ним проблему глубокого, многогранного изучения настоящего и прошлого России как руководства к разумному и целесообразному устройению будущего. В своих журналистских публикациях-размышлениях 1920-х годов о судьбе России Иванов предстает человеком, стоящим на уровне требований своего времени, обладающим государственным складом ума и чувством высокой гражданской ответственности за судьбу России.

В 1920 году, наполненном до краев впечатлениями об отступлении на восток, Вс.Н. Иванов поместил в харбинской газете «Русский Голос» свои наблюдения над внутренней жизнью, жизнью мысли «века нынешнего» под названием «Железный век». «Неизмеримо трудны в настоящее время задачи русского человека, который бы захотел осознать окружающую обстановку для отчетливого действия в ней. Беспощадна действительность после крушений, и надо много мужества, чтобы взглянуть ей в глаза»¹⁶¹. Но некоторые сдвиги уже наметились. Это то колебание в публицистике, которое становилось все более ощутимым и которое означало, что «за привычными словами и привычными косными лозунгами слышны уже шаги новых мыслей»¹⁶². Вс.Н. Иванов оказался причастным к процессу возрождения России как яркий публицист: «... пока не призван здравый смысл в голову, пусть стимулом к этому стоит единая мысль, содержание этого жестокого железного века: Единой России нет!»¹⁶³. Нет единой

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. С.6.

¹⁶² Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 6.

¹⁶³ Там же. С. 11.

России – значит, нет, и не может быть покоя в душе россиянина. Эта мысль ведет пером журналиста, заставляет звонить в колокола по всей земле.

Творчество Вс.Н. Иванова данного периода – это большой, сложный мир, созданный по законам науки и художественного творчества, где Иванов-художник неотделим от Иванова-ученого и Иванова-публициста. Самое значительное произведение этого периода – сборник статей и очерков «Огни в тумане. Думы о русском опыте» (Харбин, 1932). Эта книга представляет собой сборник газетных и журнальных публикаций Иванова, по своему жанровому характеру являющихся корреспонденциями с места событий, политическими фельетонами и памфлетами, очерками разных видов, художественными миниатюрами, рассказами автобиографического характера. Они публиковались Вс.Н. Ивановым в 1920-е – начале 1930-х годов в России, затем в Китае.

«Туман над Россией» – такой статьей, которая была опубликована автором в 1921 году в издаваемой им во Владивостоке «Вечерней газете», открывается книга Иванова с символическим названием «Огни в тумане». Не случайно через 11 лет автор вновь обратится к художественному мотиву тумана при выборе заголовка своему сборнику. Эта статья ярче других отражает взгляды писателя начала 1920-х годов, которые характеризовались, с одной стороны, некоторой неопределенностью, растерянностью, недопониманием перспектив развития России, а с другой стороны, верой в силу человеческого разума своих соотечественников и надеждой на то, что «туман непременно рассеется». Композиционно сборник отражает сложность, неоднозначность процесса рассеивания тумана в понимании писателем путей развития России, духовных поисков автором опоры жизни. К пониманию того, что должно спасти Россию, Вс.Н. Иванов приходит, вслед за Ф.М. Достоевским, веруя в то, что мир должна спасти красота. Опору в жизни писатель видит в силах творческих, созидательных, свободных, а не разрушительных. «Мы хотим только созидать, – и созидать не толпой бессловесных рабов, которых гонит на стройку Днепростроя или Санкт-Петербурга очередной владыка, – мы хотим быть свободными строителями свободной жизни. Нет ценности выше ценности человеческой личности, в которой горит Божественный огонь, и так сладко перекликаться через века с людьми, которых мы никогда не видали, и которые – так же, как и мы, были напоены этой

человеческой жаждой творчества ...»¹⁶⁴. К такому взгляду на мир, человека и его место в нем приходит Вс.Н. Иванов к 1930-м годам.

Газетная статья, корреспонденция с места событий были первыми публицистическими жанрами, к которым обратился журналист Иванов. Кроме них в своей журналистской работе Вс.Н. Иванов в разное время обращался и к другим жанровым формам публицистики: запискам журналиста, дневниковым записям, писал речи-обращения, политические фельетоны и памфлеты.

Анализ пережитого и содеянного с годами углублялся, становился все более жестким, требовательным не только к своим соотечественникам, но, прежде всего, к самому себе. В 1921 году во владивостокской газете «Русский край» был опубликован очерк Вс. Иванова «Кровь царя», воссоздавший одну из страшных страниц русской истории, еще «не поросшей травой забвения», о казни большевиками русского императора Николая II. Переоценки прошлого, ставшие возможными только в последнее десятилетие XX века, коснулись и этой трагической страницы русской истории. Поэтому сегодня этот очерк воспринимается как крик души, израненной созерцанием творящихся на земле несправедливостей и жестокостей. В конце XX века российский читатель узнал то, о чем семь десятилетий назад тревожно размышлял Иванов: «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинает все ярче и ярче вставать сознание – да что же мы сделали?»¹⁶⁵. В его авторском «мы» ощущается глубокая и неразрывная внутренняя связь писателя с жизнью России, со всем ее положительным и негативным опытом. Здесь же звучит мысль о личной ответственности за произошедшее, мысль, характеризующая Иванова-журналиста как истинного гражданина своего Отечества. В этом очерке недавнее прошлое анализируется с единственной целью – извлечь для будущего урок гуманизма. «Кровь русского императора будет поворотной осью тому, о чем говорит не испорченный полунаукой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви – к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский: «Народы слагаются и движутся силой повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Это есть сила беспрестанного и непрерывного подтверждения своего бытия и отрицания смерти, – реки

¹⁶⁴ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 300.

¹⁶⁵ Там же. С. 16.

воды живой ...» И как эта сила, пусть так же животворна да будет кровь русского царя нашим внукам: – Ибо она на нас и на детях наших!»¹⁶⁶. Вс.Н. Иванов в своих статьях и очерках апеллирует к тому же, к чему в свое время обращался Достоевский, к человеческой душе, ее духовно-нравственному богатству и красоте, человеческой совести.

Будучи Уполномоченным по Информации Приамурского правительства, Вс.Н. Иванов в конце 1921 года посетил Хабаровск, где был налажен выпуск его «Вечерней газеты». В то время заведовал местной редакцией журналист, подписывавшийся псевдонимом Малютка, а собственным корреспондентом хабаровской «Вечерней газеты» был поэт Леонид Ещин, хороший приятель Вс.Н. Иванова и А. Несмелова, трагически погибший в харбинской эмиграции. Свои впечатления от встречи с Хабаровском в дни, когда активизировалось партизанское движение, Вс.Н. Иванов передаст в очерке «Хабаровск».

Политическое противостояние братьям Меркуловым, возглавлявшим Приамурское Временное Правительство, заметно усиливалось. В июне 1922 года во Владивостоке произошел очередной переворот, в результате чего к власти пришел М. Дитерихс, с именем которого напрямую связан крах белого Приморья в октябре 1922 года. Этой исторической фигуре Вс.Н. Иванов посвятил свой полный негодования памфлетный очерк-портрет с едко ироничным названием «Правитель Михаил Дитерихс», который вошел заключительной главой в его книгу «Крах белого Приморья» (Тяньцзин, 1927). По сути – это сатирическая публицистика, переходящая в памфлет, хотя автор предпослал своей книге нейтральное по пафосу жанровое определение – «записки журналиста». Очерк открывается карикатурной портретной зарисовкой: «Маленькая, высохшая фигурка, неправильные черты, бегающий, нервный взгляд фанатика, – вот наружность Михаила Дитерихса, каковому «Михаилу», как он верил, суждено спасти Россию. Роковой человек! <...> Ген. Дитерихс всегда вступал в дело перед его крахом!»¹⁶⁷. С именем этого генерала Иванов связывает окончательное крушение идеи монархизма для России: «Идея монархии оскорблена и унижена ...»¹⁶⁸. На протяжении очерка характер правителя и его деятельности полностью развенчиваются. От иронии в начале очерка автор доходит до откровенного сарказма. В своей последней

¹⁶⁶ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 16.

¹⁶⁷ Иванов Вс. Крах белого Приморья (Из записок журналиста). Тяньцзин, 1927. С. 22.

¹⁶⁸ Иванов Вс. Крах белого Приморья (Из записок журналиста). Тяньцзин, 1927. С. 29.

работе, на исходе жизни, в своих «Воспоминаниях» Вс.Н. Иванов назовет правление Дитерихса «сумасшествием»¹⁶⁹.

Записки журналиста под названием «Крах белого Приморья», хотя и были изданы отдельной книгой в 1927 году, создавались по горячим следам поистине исторических событий. Об этом свидетельствует авторское указание на место и время написания этих записок: «Гензан, 25-26 октября 1922 года»¹⁷⁰.

Подводя итоги и анализируя причины краха белого движения в Приморье, Вс.Н.Иванов свою главную задачу видел в том, чтобы «показать их (деятели истории – С. Я.) на историческом их горизонте», так как «небесполезно будет кой-кому вспомнить <...> роль многих лиц в той сумятице», тем более, что «в наших современных неустроениях живут и действуют те же фигуры»¹⁷¹. Выраженная автором мысль об инвариантной повторяемости уже знакомых исторических ходов и поворотов, знаковых исторических фигур подводит читателя к главному уроку, который преподает Иванов-публицист своими документально-историческими трудами соотечественникам: история – это ключ к постижению законов жизни, это своеобразный код будущего.

Журналистское перо Вс.Н. Иванова было по-настоящему бесстрашным. Кроме публикаций в периодических изданиях, он пишет доклады на актуальные темы общественной и культурной жизни и публично выступает с ними. Так, в марте 1922 года группа поэтов и художников, куда входил и Вс. Иванов, во Владивостоке, в помещении театра «Золотой Рог», в маленьком зале «Балаганчик» устроила вечер памяти поэта Н. Гумилева. На этом вечере Иванов выступил со страстным словом о великой утрате русской поэзии. Выступление, представляющее по жанру речь-памфлет в сторону власти Советов, учинившей расправу над великим поэтом, пронизано глубочайшей личной болью. Этот очерк проливает ясный свет на вопрос о причинах последовавшей за теми событиями эмиграции Вс.Н. Иванова. Перечитаем горько саркастическое начало выступления человека, потрясенного известием о расстреле Н.С. Гумилева: «Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с

¹⁶⁹ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С. 82.

¹⁷⁰ Иванов Вс. Крах белого Приморья (Из записок журналиста). Тяньцзин, 1927. С. 30.

¹⁷¹ Там же. С. 2.

низкими лбами. Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какова она есть на самом деле. Недаром он говорил горьковатым, ассонирующим размером своих стихов:

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда:
Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада ...»¹⁷²

Это страстно обличительная публикация не осталась единственной в практике журналиста Вс. Иванова.

Разносторонняя деятельность Вс.Н. Иванова на Дальнем Востоке в целом отразила стремление одаренной и образованной личности разобраться в сумятице происходящих событий, определиться в своих позициях, взглядах на жизнь, определить ее истинные ценности. Драматический накал жизни и борьбы на последнем «островке» России, во Владивостоке, активизирует поэтический талант Иванова: богатый мир чувств поэта находит самовыражение в многочисленных сонетах. Их часто можно было встретить в воскресных приложениях к дальневосточной газете «Русский край» в 1921 – 1922 годах. В своих сонетах Иванов продолжил поэтическое исследование своей главной темы, темы России, ее истории, истории культуры как предтечи будущего. Выбор жанра сонета для Вс.Н. Иванова был обусловлен особым пристрастием автора к подробной описательности, большим вниманием к деталям жизни и быта и, безусловно, высоким уровнем философичности его художественного мышления. Для Иванова художественная форма сонета имела принципиальное значение как выражение эстетической приверженности классике, традиции. Содержательные признаки жанра сонета проявятся и в художественной прозе писателя.

В сонетах Иванова передается драматическое мироощущение лирического героя, современника поэта, глубоко размышляющего над происходящим. Философское осмысление современной эпохи усиливается через использование исторических параллелей и созвучий, сопрягающих события истории и современности. В сонете «Углич» поэт воссоздает глубоко созвучное современности трагическое событие эпохи Бориса

¹⁷² Иванов Вс. Н.С. Гумилев (Расстрелян Н. Гумилев) // Русский край. 1921. № 144. Приложение. С. 2 – 3.

Годунова, когда был убит царский сын. Трагедийность исторической ситуации способствует достижению художественной цели автора: передать глубину авторского потрясения от созерцания происходящего здесь и сейчас.

Набата стон надрывный, быстрый, тощий

По полудне зовет к себе народ.

Старуха нищая повойник с ревом рвет.

Сверкая пятками, народ валит на площадь.

В рубахе пузыряем, уж вершний гонит лошадь

За немцем лекарем. Вот грех! Проклятый год!

Юродивый звенит веригами, поет.

От Мити-княжича, наверно, будут мощи.

У терема толпа. Кровь хлещет!.. Годуновы!

• – Вон ожерелье-то!.. – Проклятые обновы!..

• – Бегите за попом! – Не обломи крыльцо!

Вой мамок, девушек. Царица их не слышит.

Вся подалась вперед, глядит, как сын не дышит.

Как с шейки в сторону откачено лицо¹⁷³.

Отдельными изданиями «Сонеты» Вс. Иванова выходили дважды: в Токио в 1922 году и в Харбине в 1930 году. После выхода в свет харбинского издания «Сонеты» их высоко оценил писатель и поэт дальневосточной эмиграции А. Несмелов. Разбирая подборки сонетов исторического содержания, (в том числе сонета «Екатерина», остающегося неизвестным для читателя-современника – С. Я.), он писал: «То, чем мы наслаждаемся в романах Алданова, как видит читатель, много раньше дано в стихах нашего дальневосточного поэта: в 14 строчках сонета передан весь аромат эпохи, все ее своеобразие. Как же назвать такую манеру писания стихов? – задается вопросом рецензент. – Опять повторяю и настаиваю: исторический реализм в поэзии», – отвечает на свой вопрос А. Несмелов¹⁷⁴.

Исторические сонеты Вс.Н. Иванова представляют собой своеобразные творческие эскизы поэта к своему последующему прозаическому творчеству писателя-историка. Сонет «Екатерина» многими своими гранями и аспектами «раскроется» в исторической повести Вс.Н.

¹⁷³ Иванов Вс. Углич: Сонет // Русский край. 1922. № 286. С. 3.

¹⁷⁴ Понедельник: Издание Содружества русских работников искусства// Шанхай. 1930. № 1. С. 105.

Иванова «Императрица Фике», вошедшей в цикл его исторических повестей с таким же названием, созданных им после эмиграции (Хабаровск, 1968).

И хотя Всеволод Никанорович предвидел для себя возможность эмиграции, последние моменты жизни на «островке» России, во Владивостоке, не стали от этого менее драматичными. Пришло время, когда писатель должен был сделать свой самый трудный выбор в жизни: остаться с Россией, неизбежно заплатив за это самую высокую цену, или покинуть Родину, сохранив жизнь и надежду на возвращение. В течение почти пяти трагических лет (1918 – 1922) у него было время подумать о причинах поражений многих «правительств» и «правителей» на длинном пути от Волги до Владивостока. Этот путь от Перми до берегов Тихого океана и жизнь в течение двух лет в Харбине и Владивостоке стали для Вс.Н. Иванова своеобразной, суровой школой жизни на пределе человеческих сил и возможностей, школой, пробудившей в нем многие способности и таланты. Постигая действительность как историк, философ, журналист, поэт и публицист, он не мог примириться с новой действительностью. Слишком высокую цену, по его мнению, платила Родина за те изменения, которые происходили на его глазах. Утрата духовности воспринималась и переживалась им болезненно. Эту позицию Иванов выразит позднее, уже в эмиграции, в очерке «Трактор или личность?», когда обратится к своему соотечественнику с прямым вопросом: «Но разве вы не чувствуете, как вы задыхаетесь в этой мгле необходимости? Разве вы не чувствуете, как вам хочется выхода, движения, свободы действий?.. разве вы не чувствуете некоторой тоски по личности?..»¹⁷⁵

Идеалом для Вс.Н. Иванова всегда была свободная, творческая личность. В России тех лет не было условий для реализации воли и творческих способностей личности. «Разные исторические обстоятельства», просто говоря, затуркали русского человека». Разного характера новые законы – не дают ему дышать. Распространяемая с настойчивостью система современной русской жизни представляет собой такой нонсенс, такую бессмыслицу, что она становится очевидной всем ... А пресса, люди, учреждения, – как зачарованные повторяют ее вновь и вновь, эту бессмыслицу... Кто может разрушить этот дурной сон, это

¹⁷⁵ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 286.

наваждение, это оцепенение русской воли? – Личность! Только личность!»

176

Расставание Вс.Н. Иванова с Родиной пришлось на 22 октября 1922 года, когда «красное воинство, голодное, разутое, вшивое, немногочисленное», стояло уже на 2-ой Речке, куда оно «пригналось по пятам за отступающими казаками генерала Глебова, войсками генерала Молчанова»¹⁷⁷. Вот как описывает эту трагедию разрыва с Родиной Вс. Иванов в своей книге: «Это длилось дни, несколько дней, и всего страшней это было под вечер исхода, 22-го октября. <...> Толпы людей метались с озабоченно-спокойными лицами, таща чемоданы, корзины, весь свой оскудевший скарб. Октябрьское, бледное солнце быстро свершало свой круг над этой пестрой толпой, охваченной паникой уезжания, и приходил вечер, темный, без электрического уличного освещения, так как электрическая станция бастовала. Кого не было в этой толпе? Офицеры, чиновники, священники, члены правительства, члены парламента и националистических организаций Дальнего Востока, и, наконец, рядовые члены, участники национальных организаций, бегущие из Владивостока. Все это суетилось и грузилось. <...> Печальная картина этого исхода не ограничивалась одним нашим пароходом. <...> Крах, полный крах, катастрофа – вот что читалось на растерянных лицах несчастных русских людей, вновь пускающихся в безвестную даль. <...> Но факт оставался фактом. Оттянули трап, замелькали палатки, заработали машины, продвинулись чернеющие в малиновых сумерках, усеянные огнями мощные силуэты созерцающих «Ниссина», «Кассуги», «Карляйля», «Сакраменто», и над пылающим Западом, над черным похоронным Владиво, дрожа в воде рубином, встала Вечерняя Звезда»¹⁷⁸.

В тот вечер японские «мару» – коммерческие пароходы – предупредительно подходили, словно приглашали за границу. Вс. Иванов со своей семьей на пароходе «Фузан-мару» покинул Владивосток, на двадцать с лишним лет эмигрировав в Китай через портовый город Кореи – Гензан, где он и сделал записи, положенные в основу его книги «Крах белого Приморья». В тот последний вечер во владивостокском порту произошла знаменательная, поистине символическая встреча трех больших поэтов дальневосточной эмиграции: Всеволода Иванова, Леонида Ещина,

¹⁷⁶ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 286.

¹⁷⁷ Иванов Вс. Крах белого Приморья (Из записок журналиста). Тяньцзинь, 1927. С. 3.

¹⁷⁸ Там же. С. 2.

Арсения Несмелова. Встреча была поистине судьбоносной, она словно предвещала трагические последствия: скорую смерть Л. Ещина, гибель в Гродековской тюрьме А. Несмелова, невозвратимые утраты Вс. Иванова. Ту ночь на пароходе Всеволод Никанорович коротал со своим старым знакомым, холостяком и баринном, дипломатом П.А. Рогальским. Пили корейскую водку. «Ночь. Мы сидим у трапа, снизу поднимается тепло, дождь молотит в навес над головой ... Нет, суля, корейская водка, – ничего! Положительно ничего! В море качает, ветер усиливается, а на мне только дождевик. В кармане у меня – четыре иены»¹⁷⁹. В ту ночь на 23 октября 1922 год родился еще один сонет Вс. Иванова с концептуальным названием «В бегстве», запечатлевший новые ощущения и чувства от переживаемого драматического момента истории в своей жизни и жизни многих соотечественников, посвященный дипломату П.А. Рогальскому. Этот сонет подвел черту под целым этапом жизни и творчества Вс.Н. Иванова и обозначил новые, неизведанные горизонты впереди:

П.А. Рогальскому

Мы с вами говорим, мой милый дипломат
В поношенном пальто, где мех протерт до кожи, –
О днях промчавшихся, что вовсе не похожи
На те, которые нас столь собой томят...
На море пала ночь. Две лампочки горят
Над нашей головой. Небриты вы, о Боже!
Поджаты губы, сумрачно и строже
На гребни волн ваш устремленный взгляд...
Былой Испании пред нами вновь картины,
Мантилии сеньор, тореро, апельсины,
Багровое вино, сырых трактиров мрак...
Не видно ничего, сгустилось небо мрачно, –
Но только вдалеке над жизнью неудачной
Подмигивает нам язвительный маяк...¹⁸⁰

Лирический герой поэзии Иванова, и приведенный выше сонет – не исключение, – это русский интеллигент, человек образованный и умный, тонко чувствующий трагическую природу происходящего, душевно ранимый, а оттого беззащитный перед лицом творящихся жестокостей. Он

¹⁷⁹ Иванов Вс.Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 1. С.84.

¹⁸⁰ Там же.

верит в неизбежное, пусть нескорое, торжество добра и справедливости. Он исполнен надежды и веры в себя, свой народ, в его способность пережить трагедию и на разумных основах обустроить Россию. Вера и Надежда не покидали уезжавшего в эмиграцию Вс. Иванова, придавали сил, способствовали творчеству и нелегкому бытию в изгнании.

Тревожно и смятенно было на душе у человека, покидавшего Родину и не знавшего, доведется ли вернуться. «Море, скученность беженцев, неизбежные пререкания с соседями – все, однако, не заслоняло центральной мысли-вопроса:

- – Как дошла ты (Россия – С.Я.) до жизни такой?..

Да все ли благополучно в нашем образе действия, если приходится переживать такие потрясения?..»¹⁸¹.

Такими были неотступные размышления Всеволода Иванова, надолго расстававшегося с Россией. Но способность мыслить аналитически, масштабно, как и подобает ученому и художнику, не давала возможности самоуспокоиться. Поиск исторической истины продолжался им на пути в эмиграцию и в последующем творчестве, философски и художественно углубляясь.

¹⁸¹ Иванов Вс. Крах белого Приморья (Из записок журналиста). Тяньцзинь, 1927. С. 3.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭМИГРАЦИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВС.Н. ИВАНОВА КАК ВРЕМЯ ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИДЕЙНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ ПИСАТЕЛЯ И МЫСЛИТЕЛЯ

Возникновение русской эмиграции стало прямым следствием победы большевиков и поражения белых армий и интервентов в 1919 – 1921 годах и определения границ РСФСР по Рижскому мирному договору 1921 года. Но «шестивие» советской власти по территории РСФСР продолжалось несколько дольше. Так, в Приморье советская власть пришла к концу октября 1922 года.

Центрами русского зарубежья с начала 20-х годов XX века стали крупные города и столицы некоторых государств мира: Берлин, Париж, Прага, Харбин, а также на более короткое время Белград, Рига, София. На развитие жизни центров русского рассеяния огромное влияние оказывали внешнеполитические события, связанные с международной политикой как государств, принявших эмигрантов из России, так и с деятельностью на мировой арене РСФСР, а с 1922 года – СССР.

В результате японского вторжения в Китай и создания империи Маньчжоу-го после 1932 года заметно опустел русский Харбин. Резко ухудшившееся положение эмигрантов заставило многих из них искать убежище в Шанхае, Тяньцзине либо вообще за пределами Китая, в Австралии, США (по преимуществу штат Калифорния), Латинской Америке, реже – в других странах мира. Вс. Иванов после отъезда из Харбина в начале 1930-х годов недолгое время жил в Тяньцзине.

Конец второй мировой войны подвел своеобразную черту под историей первой волны российской эмиграции (1917 – 1922 гг.). Россияне, оказавшиеся в результате Великой Отечественной войны за пределами России по разным причинам (в основном это были так называемые перемещенные лица), не стремились к воссозданию России за рубежом, что было главным духовно-нравственным побуждением эмигрантов первой волны. Эмигранты второй волны хотели по преимуществу просто мирной жизни и безопасности для себя и своих близких. Жизнь эмигрантов первой волны неуклонно и необратимо приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить духовные ценности и традиции русской культуры, русской классики и продолжить творческую жизнь нации ради духовного расцвета и развития России независимо от

того, доведется им вернуться на Родину или суждено будет умереть на чужбине. Судьба сурово обошлась со многими изгнанниками, лишь некоторым из них суждено было вернуться на Родину, которая оказалась не готовой принять своих граждан: многие из вернувшихся были репрессированы. Но созданное на чужбине богатое творческое наследие российских эмигрантов вернулось и еще продолжает возвращаться на Родину, в Россию.

Русская культура и литература XX века постепенно восполняют свои утраты и потери. Но процесс восполнения сопряжен с невозполнимыми духовными утратами. Для русской эмиграции культура была важнейшей составляющей национального самосознания и мироощущения образованного русского человека. Начиная с Петровской эпохи, основной формой выражения творческого потенциала русской культуры всегда была литература. Литературоцентризм, как качество русской культуры, сохраняя свое приоритетное значение в XX веке, укрепил свои позиции в творчестве эмигрантов. В изгнании литература приобрела еще более важное значение для сохранения «русскости» эмигрантов, сопротивлявшихся процессу культурной интеграции. Ведь язык, слово всегда выступали основными признаками принадлежности людей к одной национальной группе. Именно русский язык, русское слово, устное и печатное, связывало разбросанных по свету эмигрантов, создавая единственное в мире государство без границ – Россию за рубежом. «Именно по этой причине, – подчеркивает один из крупнейших исследователей русской культуры за рубежом Марк Раев, – культурная жизнь и творчество в Русском зарубежье развивались по преимуществу, если не исключительно, в словесной форме»¹⁸².

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ХАРБИНСКИЙ ПЕРИОД: СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ТВОРЧЕСТВА ВС.Н. ИВАНОВА

Первым культурным центром российской эмиграции на Дальнем Востоке стал Харбин, город на северо-востоке Китая. Это было обусловлено историческими и социальными предпосылками. В настоящее

¹⁸² Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции (1919 – 1939). М., 1994. С. 22.

время Харбин – это китайский город более чем с четырехмиллионным населением. Исторически же он начал строиться и развиваться как русский город на месте китайской деревни. Его основание и последовавший затем стремительный рост явились прямым результатом строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), начатого в 1897 году на основании Русско-Китайского соглашения 1896 года. Харбин стал центром железнодорожного строительства в Маньчжурии, которое имело огромное значение для развития экономики и культуры большого региона. 1898 год принято считать официальной датой основания Харбина. Он рос как русский город с присущим русским людям укладом жизни, характером быта. Духовную жизнь питала русская культура с ее вековыми традициями. Славной и трудной истории Харбина свое стихотворение посвятил русский поэт-эмигрант, человек трагической судьбы, Арсений Несмелов (настоящая фамилия – А.И. Митропольский, 1889 – 1945). «Стихи о Харбине» А. Несмелова через трехчастную композицию воссоздают основные периоды истории Харбина, города неповторимой судьбы, в которую русские люди вписали свою страницу ¹⁸³. Трудовое созидательное прошлое русского народа на благо развития России и Китая неожиданно, непредсказуемо сменяется драмой человеческих судеб в настоящем, в эпоху классового раскола и социальных потрясений в России в результате революции и гражданской войны. Безысходность настоящего «дорисовывается» созвучным взглядом в будущее. К счастью, поэт стусил краски. Уже никогда не забудется и не будет вычеркнута из истории России история строительства Харбина, равно как и история жизни и творчества россиян, заброшенных на чужбину, но живших и создававших с мыслью о России и надеждами на ее светлое будущее.

Жизнелюбие и стойкость помогали русским эмигрантам преодолевать боль разлуки с Россией, для которой они сохраняли свое духовное наследие. Традиционные для русской литературы, классические мотивы света и тьмы, жизни и смерти, гражданственности и патриотизма утверждают идею преемственности гуманистических традиций русской классической поэзии.

Построенный русскими город скоро перешел в ведение китайской администрации. После октябрьской революции, чтобы спасти полосу

¹⁸³ Несмелов А. И. Без Москвы, без России... Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 117.

отчуждения от советской власти, управляющий КВЖД генерал Хорват передал китайской администрации маньчжурских провинций охрану железной дороги и всей полосы отчуждения КВЖД, на которой находился Харбин и все русские поселки в Маньчжурии. Так неожиданно для себя русские жители перешли на положение эмигрантов. Однако это не повлекло за собой сразу каких-то серьезных изменений в образе жизни русских людей. К концу 1919 года вследствие разгрома белого движения в Сибири стал ощутимым наплыв в Маньчжурию остатков русской белой армии и тысяч гражданских беженцев. Русское население Харбина, включая полосу отчуждения КВЖД, выросло до 250 тысяч человек. К середине 20-х годов XX века Советам удалось восстановить свои права на КВЖД. Положение русских ухудшилось, так как им было предложено принять гражданство: либо советское, либо китайское. Сделать однозначный выбор для многих было непросто, в то время как лица без гражданства обладали самым низким социальным статусом. Наметился отток русских из Харбина.

Однако принципиальные перемены в Харбине произошли в 1932 году, когда Северная Маньчжурия была оккупирована японскими войсками. Русские стали уезжать массами, главным образом в Шанхай, второй культурный центр русской эмиграции на Дальнем Востоке. Некоторые выбирали для дальнейшего жительства Пекин, Тяньцзинь, уезжали далеко на юг Китая. Тогда же начался процесс миграции русских в другие страны: в Австралию, США (штат Калифорния). В США русские попадали чаще всего через третьи страны, страны Латинской Америки, через Бразилию в частности. Исследователи русских миграционных процессов из Китая насчитывают до шести этапов миграции русских из Китая в Калифорнию, западный штат США, а также два этапа миграции русских из Китая в Австралию¹⁸⁴. После продажи Советами в 1935 году прав на железную дорогу Харбин потерял значительную часть своего русского населения, хотя еще сохранял русский облик. И русских людей оставалось в нем тоже много.

¹⁸⁴ Батожек И.А. Русская миграция из Китая в Калифорнию: Специфика миграционного процесса (1920 – 1950-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996; Юдин В.А. Исторический роман русского зарубежья. Тверь: ТГУ, 1995.

В 1945 году, после победы советской армии над военными силами Японии в Китае, к миграционным процессам русских в другие страны добавилось массовое возвращение россиян в СССР, закончившееся для многих из них политическими репрессиями, годами заключения и ссылки, нередко смертью. После возвращения в СССР через политические лагеря прошел один из самых талантливых поэтов дальневосточной эмиграции, создатель всемирно известного литературного объединения в Харбине «Молодая Чураевка» Алексей Ачаир (Грызлов). В сентябре 1945 года погиб в тюремной камере хорошо известный не только дальневосточной, но и западноевропейской русской эмиграции поэт и прозаик Арсений Несмелов. Патрон Вс.Н. Иванова профессор Н.В. Устрялов (псевдоним – П. Сурмин), вернувшись в 1935 году в СССР и проработав до июня 1937 года профессором экономической географии Московского института инженеров транспорта имени Сталина, был арестован и расстрелян в Москве.

Среди русской эмиграции, возникшей вследствие политического раскола в России и победы большевизма, еще долгие годы, как на Западе, так и на Востоке не утихали политические споры о путях дальнейшего исторического развития России. Общественно-политическая и философская мысль эмиграции искала ответы на вечные русские вопросы. Кто виноват в случившемся, кто допустил революцию в России? И что делать, чтобы Россия вернулась к предначертанному ей историческому пути?

Основными общественно-политическими течениями русской эмиграции в 1920 – 1930-е годы были движения монархистов (сторонники так называемой «белой идеи»), «сменовеховство» и евразийство. Русское зарубежье, в том числе Дальневосточное, внесло свой вклад в разработку важнейших философско-исторических проблем эпохи, имеющих и в настоящее время, в начале XXI века, теоретическое и практическое значение. Некоторые из разработанных русскими учеными-эмигрантами концепций развития России, изложенных в отдельных трудах, заметно актуализировались на рубеже XX – XXI веков.

Серьезную политическую силу представляло собой движение монархистов, сторонников «белой идеи». Но оно не было однородным. Часть монархистов ратовала за возведение на российский престол Великого князя Николая Николаевича, другие – за Великого князя Кирилла Владимировича. Третьи не заикливались на имени будущего монарха, видя главную цель своей борьбы в духовном обновлении России. Видным

теоретиком, идеологом этого направления был известный русский философ И.А. Ильин, автор опубликованных в Германии в середине 1920-х годов знаменитых трудов: «Белая идея» и «О сопротивлении злу силой». Огромной популярностью стала пользоваться его книга «О рыцарском духе», вышедшая в 1930 году и в Харбине. И.А. Ильин высоко оценивал деятельность дальневосточных генералов-монархистов Хорвата и Каппеля. В 1920-е годы идеи монархизма отстаивала и широко пропагандировала харбинская газета «Свет» под редакцией Г.Г. Сатовского-Ржевского. Негласным вождем монархизма на Дальнем Востоке был атаман Г. Семенов. Политическую поддержку имели и некоторые художественные организации. Так, например, при монархическом объединении в 1938 году был организован литературно-художественный кружок имени Августейшего поэта К. Р. Председателем кружка являлся В.А. Морозов, по воспоминаниям которого, работа кружка осуществлялась на основе добровольного участия заинтересованных молодых людей, так как ни членства, ни устава не было. Однако собрания кружка проходили регулярно, один раз в неделю. Члены кружка участвовали в проводимых литературных конкурсах, выставках, концертах с литературно-художественной программой, иногда даже выездных. В программу заседаний кружка входили, как правило, доклад, который готовили кто-то из членов кружка или из приглашенных; его обсуждение, а также выступления с декламацией или мелодекламацией стихов, чтение рассказов, музыкальные номера.

Идея восстановления правовой основы российской государственности была стратегической целью монархизма, однако тактика не пренебрегала и индивидуальным террором против лидеров ВКП(б) и ее руководящих структур. Подобные факты достоянием общественности делает Б. Прянишников в своей книге «Незримая паутина ВЧК – ГПУ – НКВД против белой эмиграции» (СПб., 1993).

Монархическое направление в политической эмиграции Китая играло ведущую роль. В 1920-е годы в Харбине, других городах северо-восточного Китая, а также в Шанхае появились монархические группы и организации: «Орден крестоносцев», «Легитимисты», «Народно-монархическая партия», «Военно-монархический союз», «Дальневосточный русский монархический союз». Одним из идеологов

последнего был уважаемый Вс.Н. Ивановым В.Ф. Иванов¹⁸⁵. Активными деятелями «Монархического объединения» (1938 – 1942 гг.) являлись бывшие военные, офицеры и генералы русской армии: Н.В. Иевлев, В.А. Кислицин, Т.П. Москалев, М.Е. Обухов; коммерсанты и промышленники: Н.П. Воротилин, П.Г. Державин, М.Н. Сытый, П.А. Чернышев и другие. Некоторая часть белой эмиграции пережила увлечение фашизмом, что, разумеется, не добавило авторитета этому направлению политической мысли русского зарубежья. После нападения Гитлера на СССР в руководстве РФС (российский фашистский союз) произошел раскол. Осудившие вероломное нападение Германии на СССР вышли из состава Верховного совета и рядов РФС. Особой активностью в деятельности русских фашистов отличались К.В. Родзаевский, А.П. Покровский, муж талантливой поэтессы, большого патриота России Марианны Колосовой. Сама М. Колосова не являлась членом фашистских организаций, но ее творчество, зажигательные патриотические стихотворения, беззастенчиво использовали лже-патриоты России.

Если идеи монархизма своих главных сторонников и почитателей находили среди эмигрантов-военных, то «сменовеховство» получило распространение среди творческой и особенно технической интеллигенции. В 1921 году в Праге вышел сборник статей русских публицистов и литераторов «Смена Вех», который стал идейно-теоретической базой этого течения политической мысли русской эмиграции. Среди авторов сборника – Ю. Ключников, С.С. Лукьянов, Ю. Потехин, О.Н. Потемкин, А.В. Бобрышев-Пушкин. Выход сборника был важным событием в духовной жизни русской эмиграции, хотя и вызвал противоречивые отклики. Идеология «сменовеховства» сводилась к утверждению эволюционного пути России, к преодолению идеологии большевизма, а не революционного свержения или военного вторжения с целью уничтожения коммунистического режима. Если монархизм уповал на спасение России силами извне, силами эмиграции, то «сменовеховство» обрекало себя на длительный и упорный труд по пробуждению внутренних сил российской демократии, на освобождение России от большевизма силами внутрироссийскими.

Одним из лидеров, внесшим крупный вклад в развитие «сменовеховских» идей, стал председатель Восточного отдела ЦК партии

¹⁸⁵ Иванов В.Ф. В поисках государственного идеала. Харбин, 1932.

конституционных демократов, бывший глава Омского Бюро печати при правительстве Колчака, профессор Харбинского юридического факультета Николай Васильевич Устрялов. Вс.Н. Иванов с недоверием отнесся к движению «сменовеховства», так как не верил в добровольное перерождение большевизма. Поистине историческим представляется разговор с Н.В. Устряловым в Харбине весной 1920 года, который Вс.Н. Иванов запечатлел в одной из глав своих «Воспоминаний»: «В первый же день водворившись в некоей русской гостинице на Почтовой улице, имени которой не помню, я купил себе в прекрасном магазине И.Я. Чурина в Новом городе пару штанов, какой-то пиджак, и вечером вместе с Н.В. Устряловым мы зашли в Железнодорожное Собрание. <...>

– Ну и что же делать будем дальше? – наконец спросил я.

И услышал:

– Надо менять вежи... Дальше борьба бессмысленна. Революция победила, это несомненно. Ведь вы же сами видели, что делается на магистрали?

– Да, я видел... <...>

– Вы протянете руку, – сказал я Николаю Васильевичу, – а если эта рука не будет принята?

И, к сожалению, я оказался прав. Движение «Смены вех» оказалось не расцененным как искреннее движение и выглядело так, как «Смена вех» – это «смена шкуры». Иначе и быть не могло, потому что революция 1917 года – революция социалистическая, а тот Устрялов писал о вращении мужика-кулака в социализм.

– Да, я кулак, я советский кулак, и я горжусь этим, – так буквально говорил советский кулак под пером блестящего публициста Н.В. Устрялова»¹⁸⁶.

Перерождения большевизма не произошло, он был изжит только к 90-м годам XX века, в основном силами внутрироссийской демократии, не без участия политической и творческой эмиграции, в том числе и движения «сменовеховства». А тогда, в 1920-е годы, догматизм коммунистической идеологии, не желавшей ни при каких условиях идти с кем бы то ни было на компромиссы даже во имя спасения России, проявился в усилении тоталитарного режима, в сталинских репрессиях, в которых и погиб глава

¹⁸⁶ Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала. Урал – Харбин – Владивосток (1919 – 1922): Главы из воспоминаний. М.: Худож. литература, 1991. С. 495.

дальневосточного «правового» «сменовеховства» Н.В. Устрялов. Идеи сменовеховцев о пагубности и исторической обреченности тоталитарного режима, мешающего России встать на путь цивилизованного развития, проверены практикой новейшей истории.

Своеобразное место в политических течениях российской эмиграции 1920 – 1930-х годов занимало евразийство, которое заявило о себе после гражданской войны. Основателями его выступили князь Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий, сторонниками стали митрополит Антоний, известный литературный критик русского зарубежья на Западе П.М. Бицилли. Несомненным главой евразийства на российском эмигрантском Дальнем Востоке был Вс.Н. Иванов. Близость к евразийству проявилась в творчестве и других писателей Дальневосточного зарубежья (Альфред Хейдок и др.). Духовной опорой евразийцев на эмигрантском Дальнем Востоке был Н.К. Рерих.

В идейном отношении евразийство было неоднородным, его сторонники не примыкали ни к одной из политических партий. По сути – это было не политическое течение, а духовное, философское. В своем учении евразийцы руководствовались требованиями жизни, ее практики, а не теории. Основой их мировоззрения были требования исторического восприятия жизни и необходимости продолжения исторической традиции. Сторонники евразийства считали, что сама природа издавна предопределила общность народов, населяющих Евразию, и дело политиков – только завершить это предназначение через государственное объединение. Религия служит для евразийцев той основой, к которой сводятся вопросы культуры, права, государства. Историю России они понимали как историю рождения и развития православной церкви. Большой вклад в это учение внесли богословы А.В. Карташев (1875 – 1960) и Г.В. Флоровский (1893 – 1979). По утверждению евразийцев, именно народный русский дух является движущей силой исторического прогресса, понимаемый как нерасторжимое единство быта, государственности и церкви. Евразийство стало своеобразным продолжением творческого духовного подъема, пережитого Россией в эпоху Серебряного века русской культуры с его широким масштабом культурных открытий и достижений. Важным духовным опытом для евразийцев была мировая война 1914 года и установившийся затем несовершенный «мир». Время возникновения этого направления было определено переживанием и осмыслением Великой смуты, событий 1917 – 1919 гг. Именно так евразийцы оценивали

происходящий на их глазах распад России в 1918 – 1919 гг. как государства и последовавшее затем его воссоздание на основе неправды, коммунистической, марксистской идеологии. Евразийцы ощутили необходимость предложить свой путь объединения России через органическое соединение Востока и Запада – Европы и Азии – «Россия – Евразия». Объединяющим началом евразийцев было антизападничество, которое имело и прямой заданный сверхсмысл: поиск функциональной оригинальности Евразии и определение ее особого миссионерского пути в истории человечества. Стремление отделить Россию от Европы на основе большой евразийской идеи стало руководящей идеей евразийцев, которые в своих трудах сосредоточенно разрушали представление о благотворности влияния Западной Европы на мир. Романо-германская культура, цивилизация, наступающая на мир и подчиняющая его себе, лишает другие народы веры в ценностное достояние собственной национальной культуры, считали евразийцы. Именно так происходило в последние века с Россией. Евразийцы отрицали линейный европоцентристский подход к истории культур, рассматривая русскую культуру в ее исторической глубине. Антизападничество евразийцев, людей европейской культуры, не может трактоваться однозначно. Евразийцы не могли быть и не были отрицателями Европы. Изучением истории России с евразийских позиций занялись в 1920-е годы историки Г.В. Вернадский, М.В. Шахматов, П.М. Бицилли, историк церкви А.В. Карташев.

Заметный вклад в историко-культурное, философское осмысление проблемы «Восток – Запад», разработанной великим русским философом В.С. Соловьевым, внес Вс.Н. Иванов. В 1920 – 30-е годы им были написаны работы публицистического, научного, философско-культурологического характера, получившие высокую, вместе с тем неоднозначную оценку не только в кругах дальневосточной, но и западноевропейской эмиграции. Ученическую приверженность, равно как и собственный дар предвидения Всеволод Никанорович выразил в докладе, посвященном тридцатилетию со дня смерти Владимира Соловьева и прочитанном в мае 1931 года в Харбине на заседании Педагогического института. Сознание современника XXI века не могут не поразить оценки, данные достижениям философии Вл. Соловьева, а также прозорливое понимание значимости, которую приобретет философия Вл. Соловьева для последующих поколений россиян: «Владимир Соловьев имеет все права на то, чтобы быть признанным национальным русским философом, а также и

философом всечеловеческим», но он «тем не менее, остается еще и до сих пор как бы втуне, неиспользованным в сокровищницах русской мысли, ожидая там яркого и всенародного признания, ожидая там своего влияния»¹⁸⁷. Доклад Вс.Н. Иванова был опубликован харбинской газетой «Русское слово», а затем вышел отдельной брошюрой.

К концу 1920-х годов все заметнее становилось падение «политической зарядки» беженской массы. Период активной политической борьбы миновал, оставив в душах эмигрантов много горечи и разочарования. Создавшаяся обстановка не благоприятствовала даже самой скромной политической работе. В настроениях дальневосточной эмиграции наметился глубокий перелом. Наряду с плачевными признаками усталости появился повышенный интерес к вопросам культуры и искусства. Отчаявшись в возможности «добыть» Россию немедленно, эмиграция делает попытки «метафизически воссоздать ее за рубежом при помощи великого колдовства - искусства»¹⁸⁸.

В конце 20-х годов отходит от политики и Вс.Н. Иванов, его все больше начинают занимать проблемы искусства, философии культуры, но в неперенной связи с Россией. В одном из писем 1958 года он вспоминал: «В те годы я жил в Китае в эмиграции, но все время работал над проблемами культурной связи и связи культур России и Азии»¹⁸⁹.

Здесь же, в Харбине, он много занимался культурно-просветительской деятельностью среди русских эмигрантов по вопросам истории и культуры, проблемам связи культур, истории Азии и России. Так, 18 марта 1926 года в Харбине, в помещении гимназии Оксаковской, состоялся доклад журналиста Вс. Иванова по вопросу, волновавшему его современников. Вот основные положения его доклада:

- - Великое наследие Азии.
- Европейское движение в понимании русской культуры.
- Азия - колыбель русской государственности.
- Великий князь Московский – наследник Чингиз-Хана.

Оппонентами к докладу выступили сторонники монархического течения политической мысли дальневосточной эмиграции В.Ф. Иванов и

¹⁸⁷ Иванов Вс. Философия Владимира Соловьева. Харбин, 1931. С. 3.

¹⁸⁸ Штейн Э. Поэзия русского рассеяния (1920 – 1977). Нью-Йорк: Изд-во «Ладья», 1978. С. 183.

¹⁸⁹ Иванов Вс.Н. Письмо в издательство «Искусство» // ГАХК, ф. 1103: Иванов Вс.Н. – писатель (1888 – 1971), оп. 1, ед. хр. № 75, л. 25.

Г.Г. Сатовский-Ржевский. Чистый доход от лекции поступил в пользу бедных учениц гимназии Оксаковской. Последний факт небезынтересен, так как он отражает стремление Вс.Н. Иванова внести личный, конкретный вклад в решение проблемы образования своих соотечественников за рубежом.

Органическое, присущее от природы чувство истории, многократно преумноженное страстью к истории как к науке, сделало Вс.Н. Иванова приверженцем евразийства. Все многообразное, богатое, разножанровое научно-популярное и художественное творчество этого писателя несет в себе печать евразийства как духовного стержня. Этот духовный стержень не стал догмой, он, как живой организм, рос и развивался вместе с изменяющимся человеком и миром.

Безусловно, главной книгой Вс.Н. Иванова-евразийца стало его историко-философское эссе «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926), близкое по жанру к философско-исторической публицистике. Книга вызвала настоящую бурю в эмигрантских кругах не только на Востоке, о ней писали, спорили российские эмигранты и в Западной Европе. Больше других, как вспоминал сам Всеволод Никанорович, негодовал А. Ремизов, а П. Бицилли в том же году в парижских «Современных записках» дал обстоятельную рецензию на работу Иванова¹⁹⁰. В предисловии к книге «Мы» автор обосновывает свои философские позиции: «Движение евразийцев должно быть приветствуемо всеми любящими свою страну русскими людьми. Из их исследований веет душистостью степей и пряными запахами Востока. Они правильно вносят поправку в дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Константину Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы. Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя»¹⁹¹. Автор не случайно в первых строках предисловия обращает внимание читателя на то, что «книга написана не ученым-историком, а журналистом». Вс. Иванов, ничуть не принижая своих познаний в области истории, главную задачу определил как журналистскую и публицистическую: просветить и убедить.

¹⁹⁰ Бицилли П. Всеволод Иванов. «Мы» // Современные записки. Париж. 1926. № 29.С. 2.

¹⁹¹ Иванов Вс. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Изд-во Бамбуковая роща, 1926. С.13.

Основная мысль работы Иванова сводится к тому, что русская государственность и русская великодержавность связаны генетически с государственностью и великодержавностью монгольскими. Историческая судьба России определилась тем, что все русские земли вошли в XIII веке в состав единственной в истории, охватившей почти весь необъятный Старый Континент Империи Чингиз-Хана. Объединение русских земель вокруг Москвы протекало внутри этой Империи: Московский князь, собирая русские земли для Хана, собирал их тем самым и для себя. После распада Монгольской империи Московская Русь сделалась ее наследницей. Русская экспансия была движением ответным на монгольскую, шла в обратном направлении, но по тем же путям. Уже В.О. Ключевский отмечал колонизацию как главный факт русской истории, объясняя им все особенности внутреннеполитического и социального развития России. Вс.Н. Иванов, беря в расчет изменения международной политики в результате событий первой четверти XX века, в качестве главного факта русской истории рассматривает создание великой «азиатской», или «евразийской», Империи. Иванов констатирует образование нового узла международной политики – тихоокеанского, – как следствие расширения России и Англии в восточном направлении, Северной Америки – в западном, Японии – в юго-восточном и пробуждения Китая. «Вполне возможно, – делает вывод автор работы, – что мы ныне присутствуем при зарождении новой эры мировой истории – эры тихоокеанской, или азийской, после эры европейской»¹⁹². Последующие события подтвердили правоту исторической интуиции Вс.Н. Иванова. Перед лицом гигантских государственных образований, группировавшихся по берегам Тихого океана, Запад явно утрачивал тогда свою не только политическую гегемонию.

Вс.Н. Иванов принадлежит к числу немногих, увидевших тогда, в 20-е годы XX века, стоящую перед русской исторической наукой задачу: обратить свой пристальный взор к изучению азиатской составляющей как принципиально важной в развитии русской истории, поскольку Русь вышла некогда из лона азиатской «провинции». Россия, одинаково принадлежа как Европе, так и Азии, должна активизировать свой научный потенциал в изучении своих азиатских истоков. Теоретические наблюдения и выводы, сделанные в этом труде Ивановым-историком, особым светом озаряют его

¹⁹² Иванов Вс. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Изд-во Бамбуковая роща, 1926. С. 367.

последующее художественное творчество, включают наследие этого мыслителя в широкий историко-культурный контекст эпохи. Темы русской и китайской истории, проходя в дальнейшем через все крупные художественные произведения Иванова, приобретают исключительную значимость и ценность, характеризуя в то же время необыкновенную целеустремленность и целостность художественно-исторической концепции писателя-гражданина.

Обладая редким даром исторической интуиции, который отмечал в своей рецензии П. Бицилли, Вс.Н. Иванов в этой исторической работе приводит массу глубоких и пластичных формулировок, емко выражающих суть вещей. Исследуя культурно-исторические основы русской государственности, Иванов проявляет себя как знаток китайской цивилизации. «Как бы жизнь нашего отечества ни утрясалась в старых, свободных формах, как бы она ни оседала, – говорит автор по поводу Петровской ломки Московской «китайщины», – все же она никогда не достигала той высокой степени культурной сработанности, прилаженности, которой достиг <...> Китай, эта страна филигранно-отточенной традиционности, каковая страна, быть может, единственная в целом мире, в состоянии держать в равновесии свое лишенное единой центральной воли государство»¹⁹³. Проявляя свою близость к позиции евразийцев, Вс. Иванов с ними полемизирует, размышляя о роли Петра I в истории России, этом «деспоте-изобретателе»: «как только принципом деятельности духа выставлен принцип свободного исследования – дух начинает жить своей собственной неудержимой жизнью, подобно тому, как ожила метла волшебника, не знающего, как прекратить ее действие. Пусть рационалистический принцип появился лишь в одной самодержавной голове Петра Великого, но от участников в государственных своих делах он требовал свободного понимания своей задачи, понимания государственного. Деспот несет с собою свободу. <...> Дубинка требовала от упрямец свободного действия»¹⁹⁴. Вс.Н. Иванов, не отрицая заслуг Петра Первого, не идеализируя московского православия, дает взвешенную, трезвую оценку Петровской реформе церкви. Глава о Петре Первом проникнута пафосом государственности. Петр Первый представлен как европейский, свободным, творческим духом дышащий продолжатель

¹⁹³ Иванов Вс. Мг: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин: Изд-во Бамбуковая роща, 1926. С. 307.

¹⁹⁴ Там же. С. 320.

дела Чингиз-Хана и его Московских наследников. Не Петра Первого обвиняет Вс. Иванов в последующем трагическом ходе русской истории, а тех, кто, продолжая его дело, оставались глухими к вытекавшему из самой сути его дела призыва к свободе. Правящий класс, создавшийся при Петре Первом, не пожелал взять на себя весь груз ответственности, а значит, остался несвободным. Вс. Иванов упрекает правящие круги России, ее интеллигенцию в инфантильности, исторической безответственности, возлагая на них вину за победу революции в Россию. Ответственность за исторические ошибки автор разделяет. Вместе с тем просветительской направленностью этой книги он пытается избыть хотя бы часть вины.

Рассматривая вопрос об истоках русской цивилизации, Вс.Н. Иванов мыслит категорично, не желая оставлять почвы для полемики. Острая публицистичность работы была продиктована чрезвычайной актуальностью этой проблемы в конкретных социокультурных обстоятельствах. Высокая оценка книги современником Вс.Н. Иванова, известным на западе профессором П. Бицилли, – яркое тому подтверждение: «Вообще, по духу, по настроениям и влечениям, автор, быть может, сам того не сознавая, – гуманист, возрожденец, «эллин», – даже слишком»¹⁹⁵.

В целом книга «Мы» Вс. Иванова внесла серьезный вклад в культурно-историческую разработку проблемы русской государственности и стала теоретико-философским фундаментом всего последующего творчества писателя-историка, существенно повлияла на сознание современников и продолжает оказывать это влияние. Свидетельством значимости работы Вс.Н. Иванова для современности является первое издание этой книги в России по инициативе научного совета Центра стратегических исследований (Санкт-Петербург, 2005). В Предисловии к российскому изданию книги Вс.Н. Иванова под названием «Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности» отмечается: «Такие люди, как Всеволод Никанорович Иванов, велики интеллектом, и поэтому неудивительно, что по истечении некоторого времени его книгу, одну из первых написанную в жанре публицистики,

¹⁹⁵ Бицилли П. Всеволод Иванов. «Мы» // Современные записки. Париж. 1926. № 29.С. 2.

начнут упоминать в университетах по курсу «История русской литературы XX века»¹⁹⁶.

Вс.Н. Иванов, активно отстаивая идеи евразийства, занимал в этом течении философской мысли свое место. Издававшиеся в Париже во второй половине 1920-х годов «Евразийские хроники» широко пропагандировали идеи евразийцев, их полемику по различным вопросам. Так, в одном из писем Вс.Н. Иванова из Цинанфу в Париж В.П. Никитину можно прочитать такую, например, характеристику современного культурного процесса в мире: «Европа поскользнулась на том, что формы ее творчества оказались по существу слишком modern, т.е. переменчивыми, хотя бы и в претенциозных наших революциях. /.../ Мы наблюдаем не «движение Азии на Запад», а своеобразный процесс усиления и одухотворения западной культуры известными элементами вечной Азии, никуда не идя» (129-79). Вс.Н. Иванов выступает против узкого понимания Паназиатизма как политического явления европейского порядка. Он пишет: «Современный Паназиатизм – это обратная волна той культуры, которая, прихлынувши к Атлантике в начале нашей примерно эры, летит теперь обратно, завершая культурный круг, создавая государства, как быть надлежит, <...> которые будут правдивее, чище, крепче современных европейских образований, подобно тому, какой была Россия, одухотворяя Тихий Океан ...»¹⁹⁷.

Идеи евразийства не изжили себя. В конце XX века многие ученые-историки вновь обратились к ним. М.Л. Титаренко в своем исследовании представляет конструктивный сценарий грядущего возрождения России. Он считает, что новое, современное евразийство призвано остановить полное саморазрушение постсоветского геополитического пространства и, в конечном итоге, не только стать «идеологией российского обновления, новой парадигмой возрождения России, но и дать пример новых идей межцивилизационных отношений в постиндустриальном, информационном обществе»¹⁹⁸. Однако пути духовного ренессанса для российской Евразии не должны представляться простыми и скорыми, считает исследователь.

¹⁹⁶ Иванов Вс.Н. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2005. С. 13.

¹⁹⁷ Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 79.

¹⁹⁸ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 26.

Неизменный интерес Вс.Н. Иванова к исторической теме, обусловленный природой его таланта и сознательной духовной приверженностью идеалам евразийства, носил глубоко научный, философский характер. Историк и философ по образованию, он через всю жизнь пронес стремление глубинно постичь путь России, смысл гигантских событий в ее истории, основные движущие силы этих событий, роль и место человека в них. О целенаправленной деятельности в этом направлении говорит его труд культурно-философского, или культурологического, характера «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933). В этой книге автор, исследуя пути и способы познания человеком мира и самого себя, целей своей собственной жизни, рассматривает такие роды познания, как наука, искусство, история и религия. Каждый из данных человеку способов познания раскрывает свою грань мира и человека. Лишь взятые в совокупности, используемые комплексно, они могут приблизить человека к истине. К ней, к истине, были устремлены все дела и помыслы писателя и ученого, которому был присущ универсализм мышления, мышления понятийного и образного.

В предисловии к этой книге автор с горьким сожалением констатирует свою фактическую оторванность от России, внутренняя связь с которой в годы эмиграции стала еще крепче: «Очень жаль, что пишущий эти строки, сущий в эмигрантском рассеянии, оторван от родных библиотек русских столиц, оторван от общения с живыми соотечественниками, которые думают общую думу»¹⁹⁹. Взяться за работу подобного рода писателя и ученого побудила сама жизнь, ее бурные, порой кровавые события, острая внутренняя потребность постичь их, проанализировав. «Кровавые события, которые разыгрываются на улицах, могут быть изжиты двояким путем: или полным истреблением одной из сторон, или же спокойным распутыванием нитей запутавшихся коллизий. Который предпочтем? За себя и за читателя ответим: – Второй»²⁰⁰. Этому сложному процессу распутывания философских, исторических и социальных нитей и должна была, по замыслу автора, способствовать книга о главном деле каждой человеческой личности: о постижении мира и человека.

Смелые и оригинальные размышления Вс.Н. Иванова, публициста, художника и мыслителя, об искусстве, его роли и месте в познавательной

¹⁹⁹ Иванов Вс. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933.С. 6.

²⁰⁰ Там же. С. 5.

деятельности человека представляют интерес и для современников. Искусство призвано, утверждает Иванов, раскрыть перед человеком такие глубины жизни, которые не подвластны «сухой» науке. «Искусство – есть тоже род познания, и весьма авторитетный, и должно сказать, что наблюдаемое пренебрежение к нему со стороны патентованной науки – не может быть ничем обосновано. <...> Материальными образами искусство рисует нам однако некоторую реальность, реальность в полном смысле, реальность, относящуюся по характеру своего существования к цели, реальность которой нельзя пощупать руками, но которая «реальнейша», которая дана в мире интеллигибельном, откуда непреходящее значение интеллигенции»²⁰¹. Свои культурологические наблюдения Вс. Иванов проводит на материале художественных произведений русской и мировой классики, невольно выявляя свои писательские пристрастия. Поскольку книга является библиографической редкостью, позволим привести ряд цитат, раскрывающих философские и эстетические позиции Вс.Н. Иванова и как литературного критика. «Реальности человеческого, хотя и «психологического», но в то же время жестокого опыта развернуты нами в полотнах Достоевского. В них подвергаются испытанию естественные, природные, органические страсти, чтобы быть побежденными моральными верховными принципами. <...> Цель жизни в простой и мудрой природе видна нам в первых произведениях Горького, покамест правдивое око искусства этого даровитого писателя не оказалось искаженным концепциями, которым придана онтологическая сущность, а также и у Дж. Лондона. Тихое человеческое сердце, тоскующее по действию и в то же время находящееся в сладком предожидании взрыва творческой энергии – мы видим в изумительных творениях Чехова.

В произведениях Тургенева – перед нами разворачивается мир природы, – мир национального родства, и глубоких, подчас страшных, подчас мистических прозрений видим мы в произведениях Лескова. Что же касается Толстого – то там сплошная конститутивного почти типа механика человеческой души»²⁰². Следует заметить, что это особое отношение Вс.Н. Иванова к личности Л. Толстого и его творчеству станет предметом полемики в ряде его статей²⁰³.

²⁰¹ Иванов Вс. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933. С. 123.

²⁰² Там же. С. 125.

²⁰³ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. 368 с.

Автор монографии о главном деле человеческой жизни и о способах ее познания исключительную роль отводит миру поэзии. «Еще знаменательнее мир поэзии, – пишет Иванов. – Он не менее существенен, нежели мир прозы, напротив гораздо более реален. Еще Сократ сравнивал поэтов с оракулами, потому что поэты, как и оракулы, не знают, что говорят, и в то же время говорят истину. И поэты, действительно, бывают прямо пророками, в прямом смысле этого слова. Они как бы видят самым удивительным образом всю структуру будущего, видят ее в образах, которые охватывают собой и предвосхищают собой наши все инвенции»²⁰⁴. Пророками Иванов считает Пушкина, Лермонтова, Тютчева, не забывая об Аксакове и Хомякове. Из числа своих современников истинным пророком он называет А. Блока, который в своих «Двенадцати» предсказал всю суть русской революции, с ее началом и финалом.

Подводя итог рассуждениям об искусстве как способе познания, Всеволод Никанорович резюмирует: «Искусство, таким образом, не чуждо знанию, оно не противоречит ему, оно его расширяет, дополняет до всех сторон человеческого духа. Оно и только оно может вскрыть эту механику целей, показать, как они возникают, как бывают избираемы, на какие высоты и в какие тупики заводят они человеческий дух <...> Равным образом, искусство может дать понятие о некоторых конститутивных законах в царстве целей, о том, что мы называем Добром и Злом, что мы знаем все, и о чем мы не имеем «ни малейшего понятия»²⁰⁵.

Но искусство, изображая наш мир целей в их полной индивидуальности, все-таки дает нам этот мир в отрыве от целостного процесса движения целей всего человечества. Человек же, в силу временной ограниченности своего существования, стремится увидеть и осознать свои связи с миром людей других эпох, почувствовать свое место на координатах общей истории. Поэтому Вс.Н. Иванов подводит читателя к мысли о необходимости третьего пути познания. В главе «Три пути человеческого знания» автор пишет, что «нам кроме «науки» и «искусства», как отделов познания – нужна еще и история»²⁰⁶. Человеческое знание, таким образом, начиная с внешнего мира в законах конститутивных, создает само себе свой новый объект в царстве Культуры, которое представляет собой сплошной мир истории.

²⁰⁴ Иванов Вс. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933.С. 125.

²⁰⁵ Иванов Вс. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933. С. 126.

²⁰⁶ Там же.

Человечество не может ограничивать число дорог своего знания, приближающего его к постижению истины. В заключительной, восьмой, главе книги Вс. Иванов обращает свой взор к особому пути знания человеческого, к религии.

Вопросы истории, требование исторического подхода к оценке событий настоящего оставались главными как в научном, так и в художественном творчестве Вс.Н. Иванова периода эмиграции. В своей монографии о Н.К. Рерихе («Рерих - художник-мыслитель») писатель с сожалением и горечью заметил: «Нет! И исторически мы не знаем России. Потому, что истории русской разработано еще не было. Были известные те или иные схемы. Но русское образованное общество не знало родной истории так, как ее следовало знать, чтобы верно руководиться ею»²⁰⁷. Категоричность этого высказывания обусловлена глубокой личной заинтересованностью, обеспокоенностью писателя и ученого судьбой России. Первенство интереса ученого к истории предопределило последующие, успешные художественные поиски прозаика в эмиграции и после возвращения на Родину. Осмысление Вс.Н. Ивановым давнего и недалекого прошлого России происходило на двух уровнях: на уровне науки и художественного творчества. Для этого имелись все необходимые условия в Харбине 1920-х годов.

Культурная жизнь «русского» Харбина развивалась в специфических условиях, отличающих жизнь здешних русских эмигрантов от жизни их соотечественников на западе. Русские эмигранты и беженцы жили в Харбине как бы на русском острове в безбрежном китайском море, чувствовали себя почти как в родной стихии. Они жили, словно в России, хотя и без России. В Харбине более сильным, чем на западе, было стремление российских эмигрантов сохранить русский образ жизни, русскую культуру, русский язык. Для этого в Харбине были особые, отличавшиеся от запада условия.

В Харбине и полосе отчуждения КВЖД действовали иные, чем в Европе, механизмы сохранения «русскости» и адаптации к местным условиям. Специфика ситуации заключалась в том, что в Маньчжурии волею судьбы непосредственно встретились две цивилизации: Восток и Запад. В ходе их сосуществования происходило взаимное изучение хозяйственной деятельности, культуры, традиций, религии и особенностей

²⁰⁷ Голлербах Э., Иванов Вс. Рерих. Рига, 1939. С. 49.

повседневной жизни. Однако длительное пребывание в Китае не привело ни к ассимиляции, ни к аккультурационным процессам среди русских. В окружении «чужой» культуры русские создали на северо-востоке страны свое этнокультурное пространство, сохранили свое русское самосознание, что способствовало возникновению развитой системы русского образования и русской культуры с ее литературоцентризмом. В свою очередь, именно система образования и литература явились своеобразными механизмами сохранения «русскости», так как через них молодому поколению передавалась большая часть русских достижений, традиций и культурного наследия. Преимущественное русское окружение, сложившийся за два десятилетия уклад жизни очень напоминали атмосферу внутривосточную. Харбин и строился по прообразу русского города. Его даже называли «восточным Петербургом»: улицы носили такие же названия, как в Петербурге – Садовая, Первая, Вторая линия, Большой проспект. Внешняя аналогия дополнялась сходством внутренней активной культурной жизни, особенно богатой была музыкальная и театральная жизнь еще с дореволюционных времен.

С начала 1920-х годов в пору расцвета вступила поэзия «русского» Харбина. Только в Харбине, по воспоминаниям современников, поэтов в ту пору было около полусотни. Они создавали литературные кружки, объединения, пытались наладить выпуск литературно-художественных журналов, альманахов. И хотя особой стабильностью своего существования не отличались ни объединения, ни издания, литературная жизнь Харбина затмевала порой все другие явления культурной жизни города. До середины 30-х годов Харбин был центром русской эмиграции в Китае. В то время там жили и творили такие писатели, как: Арсений Несмелов, Валерий Перелешин (настоящая фамилия – Салатко-Петрищев), Марианна Колосова (второй псевдоним – Елена Инсарова, настоящая фамилия – Римма Покровская), Ларисса Андерсен, Сергей Алымов, Венедикт Март (настоящая фамилия – Матвеев), Николай Петерец, Георгий Гранин (настоящая фамилия – Сапрыкин), Юлиана Крузенштерн-Петерец, Наталия Резникова, Сергей Сергин (Петров), Лидия Хаиндрова, Николай Щеголев, Леонид Ещин, Алексей Ачаир (настоящая фамилия – Грызлов), Вс.Н. Иванов и другие. По-разному сложились их писательские и человеческие судьбы: почти все они уже ушли в мир иной, кто – на чужбине, кто, вернувшись в Россию. Но их творческое наследие пробивает толщу

десятилетий в своей гигантски мощной устремленности в Россию, к читателю-соотечественнику.

Русская колония Китая, Харбина в частности, исчезла после 1945 года, как Атлантида. Э. Штейн, хранитель многих документальных свидетельств жизни и творчества русской эмиграции в Китае, в одной из своих работ последних лет с горечью констатировал: «Война и смерть, триумф маодзедуновского коммунизма, ад лагеря Тубобао, наконец, естественные биологические законы привели к тому, что предвидел умнейший и талантливейший Арсений Несмелов:

... Мы умрем, а молодняк поделят –
Франция, Америка, Китай»²⁰⁸.

Последние строки – заключительные – из стихотворения «Пять рукопожатий», вошедшего в поэтический сборник А. Несмелова «Без России» (Харбин, 1931). К концу XX века в живых оставались единицы: Ларисса Андерсен – во Франции, Нора Крук и Михаил Волин – в Австралии, В. Слободчиков – в Москве. Ольга Скопиченко жила в Америке, в приюте добровольцев Св. Иоанна, в Сан-Матео, Наталия Резникова – в Нью-Йорке.

Поэты «русского Китая» запечатлели одну из страниц сложной драматической истории русского изгнанничества. В созданной ими уникальной поэтической истории русской эмиграции в Китае сумели предугадать многое из того, что ожидало их самих, их потомков и Россию. К счастью, некоторые из мрачных прогнозов не сбылись. Арсений Несмелов в созданной в эмигрантском Харбине тоже беженской по сути поэме «Через океан» предпринял свою попытку заглянуть за горизонт настоящего:

Много нас рассеяно по свету,
Отоснившихся уже врагу;
Мы – лишь тема, милая поэту,
Мы – лишь след на тающем снегу²⁰⁹.

Тема беженства, изгнанничества близка не только поэту, она значима и реальна для всякого россиянина, кто знает свою историю и дорожит ею. Этому «следу» не растаять и не исчезнуть уже никогда, как нельзя

²⁰⁸ Штейн Э. Поэты русского Китая // Новый журнал. Нью-Йорк, 1997. № 206. С. 138.

²⁰⁹ Несмелов А. Без Москвы, без России... Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 280.

позволить выпасть целому звену в цепи истории России XX века, ее культуры и литературы.

Достаточно известны воспоминания Наталии Ильиной, вернувшейся в Россию в конце 1940-х годов, о жизни русской эмиграции в Китае. «В двадцатые годы, – пишет она, – еще хранилась инерция прежней жизни. <...> В квартире этой (у Ильиных в Харбине – С.Я.) часто собирались литераторы, заброшенные эмигрантской волной в Харбин: Арсений Несмелов, Леонид Ещин, Всеволод Н. Иванов, Борис Бэта... и Сергей Алымов там промелькнул, и Петров-Скиталец... Они ужинали, пили водку, читали стихи – свои и чужие. В те годы квартира моих родителей была центром харбинской литературной жизни: все пишущее, все одаренное непременно проходило через этот дом»²¹⁰. В этой литературной среде вращался и Вс.Н. Иванов, здесь читал свои прозаические и поэтические вещи. Ниже в ее воспоминаниях – важное свидетельство: «Эмигрантский журналист, поэт, прозаик, Вс.Н. Иванов, <...> посвятил моей матери (Екатерине Дмитриевне Воейковой – С.Я.) свою «Беженскую поэму»²¹¹. Ей же (Е.Д. Воейковой) посвятил свои стихи поэт, укrywшийся за подписью К. А. в литературно-художественном журнале «Вал», выходившем в Харбине в начале 20-х годов²¹². Екатерина Дмитриевна Воейкова входила в состав редакции этого журнала. Среди создателей журнала – известные в Харбине писатели: Н. Алл, Т. Баженова, С. Гусев-Оренбургский, Ф. Камышнюк, В. Март, С. Скиталец. По устным воспоминаниям современников Вс.Н. Иванова, писатель не очень одобрительно отзывался об этой книге Н. Ильиной о харбинской эмиграции.

В первое десятилетие эмиграции (1920-е годы) идейно-художественные и эстетические искания Вс.Н. Иванова привели к большим результатам в научно-художественном познании мира и человека. В сознании писателя сложилась достаточно определенная философско-эстетическая система, которая стала мощным базисом всего его последующего творчества. Евразийство легло в основу его философской системы миропонимания, а искусство, прежде всего литература, послужило для писателя-историка, мыслителя и публициста, наряду с наукой,

²¹⁰ Ильина Н. Дороги и судьбы. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 61.

²¹¹ Там же. С. 86.

²¹² Вал // Литературно-художественный журнал. Харбин. 1922. № 4. С. 2.

историей и религией, одной из приоритетных форм познания жизни и человека.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ В РАЗВИТИИ ПРОБЛЕМАТИКИ И ЖАНРОВОГО БОГАТСТВА УНИВЕРСАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА ВС.Н. ИВАНОВА

Вс.Н. Иванов не оставил сколько-нибудь полных воспоминаний об эмигрантском периоде жизни и творчества. В воссоздании этого периода его жизни и творчества будем апеллировать к воспоминаниям русских эмигрантов, хорошо знавших Всеволода Никаноровича, общавшихся с ним или познакомившихся в те годы с его творчеством.

Общепризнанным центром не только литературной, но и всей культурной жизни русских харбинцев с середины 1920-х годов стал Литературно-художественный кружок, открывшийся при Христианском союзе молодых людей (ХСМЛ), более известном в последующие годы как ИМКА, называвшийся сначала «Молодая Чураевка», а затем просто «Чураевка». У истоков этого кружка стояло немало энтузиастов, заинтересованных в патриотическом воспитании, утверждении здорового образа жизни и творческом развитии подрастающего поколения российских эмигрантов. До настоящего времени малоизвестным фактом остается то, что двери для «Молодой Чураевки» открыл американец Хейг, харбинский секретарь ХСМЛ, равно как для гимназии и спортивного кружка «Костровые братья». Супруги Хейг появились в Харбине в 1920-х годах. При них на тихой Садовой улице в центре Нового города, но в стороне от шума, выросло сравнительно скромное здание ХСМЛ. Осенью 1925 года при ХСМЛ открылась Русская гимназия. Тогда же начались и первые собрания «Молодой Чураевки», выросшей из организованного Алексеем Грызовым (поэт Алексей Ачаир) кружка «У Зеленой лампы». Основой «Молодой Чураевки» была поэтическая студия с ее председателем, поэтом Николаем Щеголевым (1910 – 1970). Щеголев серьезно занимался музыкой, учился в консерватории вместе с невестой Ачаира. Но призвание свое нашел в марксистской публицистике. В 1947 году уехал в СССР с надеждой сделать там карьеру. Окончил в России литературоведческий институт, читал лекции по литературе. Но с

творчеством, к сожалению, было покончено ²¹³. Просуществовала «Чураевка» до 1935 года.

Свое название Литературно-художественное объединение молодых поэтов и любителей поэзии неслучайно связывало с именем героев романа популярного в те годы сибирского писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882, Томская губерния – 1964, штат Флорида, США) «Братья Чураевы». При жизни Гребенщикова вышло 7 томов из 12-ти задуманной им грандиозной эпопеи о первых русских поселенцах на Алтае. В 1925 году Г. Гребенщиков поселился в штате Коннектикут на реке Помпераге, где один заложил русский скит, который по плану, разработанному совместно с Н.К. Рерихом, должен был превратиться в деревню-сад Чураевку – трудовой и культурный центр. Совместно с издательством «Алатас» (Белый камень) Чураевка должна была стать прообразом будущего культурного центра в горах Алтая. Свои идеи о Чураевке Г. Гребенщиков изложил в книге «Гонец; Письма с Помперага. /Первая помощь человеку/» (Сотбери, 1928), а также – в очерке «Вечер у Шаляпина», специально написанном в 1929 году для харбинского журнала «Рубеж» (№ 23) и присланном им из Америки. В деятельности Ф.И. Шаляпина Г. Гребенщиков видит одно из проявлений исключительного разнообразия русских творческих сил. «Это, – пишет автор очерка, – должно нас все время утешать в лишениях и двигать в минуты неподвижности или усталости вперед, к нашему неслыханно-прекрасному грядущему, которое теперь строится (и в самой России), и во всех странах мира, где только существуют русские. А они, несмотря на свои скорби, а, может быть, именно благодаря им, всюду действуют и так или иначе укрепляют победную поступь могучей народной российской культуры. Только бы почаще русские об этом думали и покрепче берегли бы русское достоинство. Это всем и всякому помогло бы многое преодолеть и ускорить шаг к созидательному единению культурных сил, независимо от того, где они и под какими флагами идут или работают. Пора и уже должно быть стыдно разгораживаться истрепанными, сеющими только рознь и злобу, расовыми, националистическими, религиозными и, в особенности, политическими ширмами.

²¹³ Крузенштерн-Петерс Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто.1998. № 5. С.48.

Шаляпин в этом отношении образцовый деятель: оттого, что он услаждает своим искусством всех, без разделения на расы или на политические партии, от этого он не перестал быть русским, и все и всюду его любят, за исключением, конечно, очень ограниченных людей. Но для имени России Шаляпин – самый убедительный посланник во все края земли»²¹⁴. Харбинский кружок искусства, науки и литературы, приняв в 1927 году название «Молодой Чураевки», стал ответом на идею писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова, – идею создания русских культурных очагов за границей. Именно в честь русской деревни в Америке, основываясь на тех же духовных корнях, было названо русское поэтическое детище А. Ачаира в Харбине. «Ачаир жил Россией и для России», – вспоминала одна из воспитанниц «Молодой Чураевки» Ю. Крузенштерн-Петерец²¹⁵. Его человеческое и гражданское мужество было примером для многих. Творчество помогало ему превозмогать тяжелый недуг. В годы гражданской войны А. Ачаир был ранен в позвоночник и всю жизнь страдал от этого невероятными головными болями и тиком. «Мне случалось видеть его во время таких приступов на эстраде; лицо у него напрягалось, и пальцы начинали дергаться. Но он никогда не уходил, не дочитав стихотворения»²¹⁶.

«Молодая Чураевка» в своей деятельности руководствовалась триединой задачей: во-первых, она стремилась быть школой для молодых талантов; во-вторых, выполнять функции профессиональной ассоциации поэтов и прозаиков; в-третьих, она мыслила свою работу как орган пропаганды русской литературы и культуры.

Многое в жизни и творчестве русских эмигрантов на Дальнем Востоке было связано с именем Н.К. Рериха. Его влияние испытали многие, в частности Вс.Н. Иванов. Идею Рериха было подкреплено личными встречами, перепиской. На этой богатой основе возникло уникальное произведение Вс.Н. Иванова «Рерих – художник-мыслитель» (Рига, 1937). Подробнее на этой книге Вс.Н. Иванова остановимся ниже. Н.К. Рерих посетил Харбин в середине 1930-х годов. Тогда же он побывал на одном из заседаний «Чураевки», где выступил с докладом «Несение ветра» о подвиге Сергия Радонежского. Это

²¹⁴ Гребенщикова Г.Д. Вечер у Шаляпина // Рубеж. Харбин. 1929. № 23. С. 11.

²¹⁵ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто.1998. № 5. С.43.

²¹⁶ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто.1998. № 5. С.43.

выступление стало апогеем деятельности «Чураевки». Помещение ХСМЛ Рерих выбрал и для своей выставки.

Творческие встречи чураевцев проходили два раза в неделю: по пятницам – студия, по вторникам – открытые вечера с докладами и музыкально-литературной программой. Конфериовал на вечерах обычно Николай Светлов, который в конце вечера читал свои стихи. Часто центральным пунктом программы вечера был какой-нибудь серьезный доклад при полной свободе выбора темы. Так, например, известный русист И.А. Пуцято выступал с докладом о новых направлениях во всемирной литературе, журналист Н.П. Веселовский знакомил с театральным искусством К.С. Станиславского; публицист Леонид Астахов, доктор философии, читал доклад об эллинской поэзии; другой публицист, Николай Третчиков, – о старообрядчестве, писатель Вс. Иванов – о евразийстве.

Основатель «Молодой Чураевки», педагог и поэт Алексей Алексеевич Грызов (А. Ачаир, 1896 – 1960), стремился показать молодому поколению смысл и цель жизни, которые он видел в России и служении ей. «Это неправда, что России нет, – говорил он. – Мы – тоже кусок России и призваны сохранить то, что осталось от ее культуры»²¹⁷. Он тактично помогал молодым поэтам, искренне радовался их успехам. Современница юного поколения чураевцев через полвека поделилась своим воспоминаниями: «Молодежь любила Ачаира. Почти все поэты Харбина, а затем Шанхая, даже те, кто оттолкнулись от него, – Георгий Гранин, Николай Щеголев, Ларисса Андерсен, Валерий Перелешин, Николай Петерец, Владимир Померанцев, Лидия Хаиндрова – все они в той или иной мере были питомцами Ачаира»²¹⁸. Алексей Ачаир, по точному замечанию Э. Штейна, подобно Нине Берберовой, наиболее точно определил миссию российского исхода:

Не смела нас кручина, не выгнула,
Хоть согнула до самой земли,
И за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли²¹⁹.

Это строки из стихотворения А. Ачаира «По странам рассеяния». Через «университеты» созданного им Литературно-художественного

²¹⁷ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто.1998. № 5. С.47.

²¹⁸ Там же. С. 43.

²¹⁹ Штейн Э. Поэты русского Китая // Новый журнал. Нью-Йорк. 1997. № 206. С. 141.

объединения прошли и многие другие замечательные поэты-дальневосточники: Михаил Волин, Василий Обухов, Елена Рачинская, Наталья Резникова, Георгий Сатовский, Николай Светлов, Виктория Янковская, Сергей Сергин, Ольга Тельтофт, П. Лапикен, В. Слободчиков, Л. Энгельгардт и другие. Студийные занятия проходили закрытыми, хотя на них допускались в качестве гостей начинающие поэты, которые впоследствии становились членами «Чураевки». Атмосфера в студии царила очень деловая и строгая, много внимания уделялось вопросам теории, в частности стихосложения. Тщательным образом изучались труды Валерия Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха», «Рифма, ее история и теория»), Андрея Белого («Символизм»), а также практическое руководство Н. Щульговского («Теория и практика поэтического творчества»). Овладение поэтическим мастерством считалось делом первостепенным, поэтому все участники этого творческого объединения должны были читать вслух свои поэтические произведения, а товарищи подробно и основательно их анализировали. Эта студия стала продолжательницей традиции акмеистского «Цеха поэтов» с их трепетно профессиональным отношением к поэзии. Как свидетельствует Ю. Крузенштерн-Петерец, в «Молодой Чураевке» не замедлили появиться творческие группы, лагеря, где разгорались споры о том, как и о чем писать, под чьим знаменем идти – Блока, Гумилева, Есенина, Маяковского или кумира сибиряков Гребенщикова.. «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева были настольной книгой многих студийцев. Имя Н. Гумилева, объединившее многих российских поэтов еще во Владивостоке, олицетворявшее собою противостояние насилию государства над творческой личностью, в русском эмигрантском Китае стало символом мужества и силы духа. В то время как в России его стихи не переиздавались многие десятилетия, а имя стало полузапретным, русская поэтическая эмиграция на Дальнем Востоке способствовала сохранению и развитию гумилевских традиций в отечественной поэзии. Пока еще робко, но неостановимо возвращается в Россию из других стран мира (Китай, Австралия, Бразилия, Чили, США) поэзия наших соотечественников-эмигрантов: Валерия Перелешина, Арсения Несмелова, Ольги Скопиченко, Марианны Колосовой, Ольги Софоновой, Александра Бушуева, Василия Логинова. Также неизбежно «возвращается» к своему соотечественнику

почти из небытия неотменимое, не подвластное никаким запретам удивительное, чарующее влияние поэзии Николая Гумилева.

В 1929 году в Харбине вышел сборник стихов шести поэтов (Н. Алябьев, Т. Андреева, Г. Копытова, В. Обухов, Н. Резникова, Н. Светлов) с концептуальным названием «Лестница в облака», демонстрирующим близость к школе Н. Гумилева. Стихи авторов этого сборника, хотя и тяготеют к пластическим канонам акмеизма, имеют свой индивидуальный поэтический почерк. Этот сборник был создан участниками харбинского кружка «Акмэ».

В 1937 году, чуть запоздав из-за издательских трудностей к 15-ой годовщине со дня трагической гибели поэта, в Харбине был издан коллективный «Гумилевский сборник. 1921 – 1936» с посвящением: «Поэты Харбина в память кровавой даты умерщвления большевиками Николая Степановича Гумилева»²²⁰. В создании юбилейного сборника приняли участие дальневосточные поэты и писатели: А. Ачаир, Г. Мурашев, А. Несмелов, В. Перелешин, Л. Хаиндрова, В. Обухов, Н. Резникова. Предисловие к сборнику написано одним из политических лидеров дальневосточной эмиграции атаманом Семеновым, финансово и морально поддержавшим благородное дело сохранения духовно-нравственного наследия русской классики. «Я приветствую решение группы харбинских писателей издать сборник, посвященный памяти Н.С. Гумилева, русского поэта и офицера, мученической смертью запечатлевшего долг воина и национального певца, – пишет Семенов. – В то время, когда среди русской эмиграции на Западе уже раздаются голоса о том, что поэзия Гумилева «устарела», что его творчество, будто бы никому уже не нужно, ГУМИЛЕВСКИЙ СБОРНИК, издаваемый харбинцами, – явится лучшим возражением людям, забывшим о том, что дал Гумилев России и что еще даст из-за гроба. Мы – на чужбине, но и на чужбине сердца наши – русские. И разве не звучат нам великим обетованием, живой волей к жизни и победе, изумительные слова Гумилева:

Словно молоты громовые,
Или воды гневных морей, –
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей!»²²¹

²²⁰ Гумилевский сборник: 1921-1936 // Харбин, 1937. С. 1.

²²¹ Там же. С. 3.

Этот сборник, ставший заметной вехой в истории отечественной литературы XX века, был до недавнего времени библиографической редкостью ²²².

Пока малоизученным остается большой пласт литературы русского зарубежья, в том числе и дальневосточного, включающего в себя приуроченные к разным датам и сопровождаемые историко-литературными комментариями публикации Гумилева и посвященные ему стихи. В «Гумилевский сборник» включено стихотворение А. Несмелова «Гумилеву» («Ты грозно умер, смерть предугадав ...») из его поэтического цикла «Возмездие» ²²³. Участники этого сборника выявляют свою поэтическую приверженность главной гумилевской теме – теме России. В. Перелешин в стихотворении «Галлиполийцы» ассоциирует дорогой сердцу каждого россиянина образ России с горсточкой земли, что увозил изгнанник собой в эмиграцию:

По трапу медленно всходили,
Последний завершая путь,
И горсточку земли и пыли
Украдкой прятали на грудь.

.....

С тех пор – натуги и усилья,
И жалкие цветы наград,
А мы, как мельничные крылья,
Все возвращаемся назад, –
 К далеким дням борьбы и страха,
 И слышим дым пороховой,
 Склонясь над горсточкою праха
 Уже седую головой ²²⁴.

Л. Хаиндрова вспоминает в стихотворении «В сумерках» его, Николая Гумилева:

Комнату наполнили потемки,
Обняли, как ласковая мать,
Гумилева офицером тонким

²²² Их дальний путь лежал в изгнание...: антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. С. 199 – 232.

²²³ Несмелов А. Без Москвы, без России ... Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 53.

²²⁴ Гумилевский сборник: 1921–1936 // Харбин, 1937. С. 23.

В этот вечер будут вспоминать²²⁵.

Кроме названных выше стихотворений в «Гумилевский сборник» были включены два стихотворения самого Н. Гумилева, «Наступление» и «Смерть», а также литературно-критические статьи В. Обухова «Посмертные стихи Н. Гумилева» с глубоким экскурсом в историю отечественной поэзии, элементами литературоведческого анализа, много проясняющими в неизвестных ранее широкому читателю стихотворениях Н. Гумилева, и Н. Р. (Натальи Резниковой – С.Я.) «О трех книгах стихов Гумилева». В последней статье известная не только дальневосточной эмиграции поэтесса и талантливый литературный критик Н. Резникова обращается к изданиям стихов Н. Гумилева, вышедшим в русском зарубежье и приуроченным к 15-й годовщине со дня смерти поэта, сборнику стихов «Чужое небо» и драматической поэме «Гондла» (Берлин, 1936), а также сборнику «Посмертные стихи Н. Гумилева» (Шанхай, 1936). Заключительные строки своей статьи Н. Резникова адресует не только своему современнику, она открывает широкие горизонты поэзии Н. Гумилева для грядущих поколений: «Прикоснуться к творчеству Гумилева – это испытать из холодного, бодрящего источника, это стряхнуть с себя серые будни, помолодеть на десяток лет и поверить в силу человеческой воли, человеческого гения. Поэзия Н. Гумилева пленила многих молодых поэтов наших дней, от его влияния почти никто не ушел, но, к сожалению, восприняв многие внешние черты творчества этого блестящего поэта-стилиста, никто не сумел воспринять душевную полноту и страстную веру в великое значение поэзии»²²⁶.

Многие поэты дальневосточной эмиграции, среди которых Василий Логинов, Ольга Скопиченко, Александр Бушуев, готовя к выпуску сборники своих стихотворений, в качестве эпиграфов брали строки из поэзии Н. Гумилева. Влияние Н. Гумилева на русскую поэзию зарубежья не прекращалось никогда. На состоявшемся в 1970 году в Мельбурне фестивале русских поэтов Австралии бывшая «китаянка» Ольга Софонова получила приз за стихотворное послание «России», в котором она развивает гумилевскую тему «золотого сердца» России:

И час мой придет. Глас услыша «Иди!»,
Растаю в извечном покое,
Все ж веря, что мерно забьется в груди

²²⁵ Там же. С. 25.

²²⁶ Гумилевский сборник: 1921-1936 // Харбин, 1937. С. 46.

Вновь сердце Твое золотое!²²⁷

Одним из самых ярких и явных последователей Н. Гумилева была популярная поэтесса русского Китая, бард белой армии, Марианна Колосова (1903 – 1964). Она изредка появлялась на заседаниях «Чураевки», ни с кем особо не сближаясь и не входя ни в какие литературные объединения. Поистине динамитная лирика этой поэтессы была одухотворена гумилевской глубинной любовью к Родине. Ее стихотворение «Искренний ответ», посвященное близкой ей по духу поэтессе дальневосточного зарубежья Ольге Скопиченко, декларирует ее эстетическое кредо в поэзии:

Если хочешь правды, а не жалобы, –
Расскажу про жизнь мою тебе:
Без любви и веры я не стала бы
Молодость растрачивать в борьбе.
Правда, я не каждый день обедала,
Знаю цену хлебу и дровам ...
Но напиток тот, что я отведала,
И за миллионы не продам!

Творческая мысль – напиток пламенный,
Обжигает сердце и пьянит.
Не хочу холодной быть и каменной
Под огнем измены и обид!

Впереди еще дорога дальняя,
Ни врагов, ни горя не боюсь.
Цель моя – моя Национальная
Заново построенная Русь!²²⁸

(1930 г.)

Совсем недавно стали известны любопытные факты, проливающие свет на причастность Н. Гумилева к процессу эмиграции россиян в Эфиопию. По воспоминаниям очевидцев, Н. Гумилев, работая с января по апрель 1918 года в Лондоне, много общался с работавшими там русскими офицерами, рассказывая им о своей экспедиции в Эфиопию. «Абиссиния, – провозгласил он (Н. Гумилев – С.Я.), – это прекрасное место для русских: теплый климат, полно солнца, прекрасная охота. И главное, та же религия:

²²⁷ Фестиваль русских поэтов Австралии: Сборник стихов. Мельбурн, 1971. С. 67.

²²⁸ Колосова М. Книга вторая. Харбин, 1930. С. 76.

греческая православная церковь»²²⁹. Хайле Селассие, король Эфиопии, который сам в молодости, будучи губернатором области Харер, встречался в 1913 году с Н. Гумилевым, охотно принимал в 1920-е годы эмигрантов из России. Многие русские из семей тех офицеров оказались в эмиграции в Эфиопии под влиянием не только поэзии Н. Гумилева.

В 1930-е годы стали формироваться первые «чураевские» поэты: Наталья Резникова, Ларисса Андерсен, Николай Щеголев, Николай Светлов. Молодая поросль декламировала свои стихи с эстрады «Чураевки», которую посещали и писатели старшего поколения. Среди них – Арсений Несмелов, Василий Логинов, Вс.Н. Иванов. Молодой выходец из «Чураевки» Михаил Волин хорошо запомнил выступления “представительного” Вс. Иванова. Вспоминая об этом уже в 1980-е годы, он напишет: «Появлялся писатель и поэт Всеволод Иванов, такой огромный и грузный, что при виде его китайские рикши разбегались в стороны, боясь, что он раздавит их коляску. Владелец великолепного «барственного» голоса, он был редким мастером художественной читки. Читал он свои стихи – отличные сонеты – и прозу – умные, хорошо слаженные исторические рассказы»²³⁰. Ю. Крузенштерн-Петерец в конце своей жизни делилась воспоминаниями: «Трудно себе представить группу более разнородную по характерам, вкусам, воззрениям, чем чураевский Цех Поэтов. <...> А над всем этим царил как всеобщая муза, как маяк, как ось, приводившая в движение молодую творческую энергию – Ларисса Андерсен», которая умела покорить «скупыми, немногословными стихами о парусах, о рыбаках, о яблонях, о природе, которую она видела по-особому, почти язычески»²³¹. В 1985 году Э. Штейн, хранитель богатейшего наследия поэтов дальневосточной эмиграции, гостил у поэтессы в маленьком французском городке Иссанжо. Тогда они вместе составили антологию поэзии дальневосточников «Остров Лариссы», в которую вошли стихи 18-ти эмигрантских поэтов, посвященные их Музе, их Сольвейг – Лариссе Андерсен²³². Кумир дальневосточного Парнаса, Л.

²²⁹ Давидсон А. Николай Гумилев и русская эмиграция в Эфиопии // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 196. С. 377.

²³⁰ Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. Мюнхен. 1982. № 34. С. 341.

²³¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.48.

²³² Остров Лариссы: Сб. стихотворений. США: Антиквариат, 1988.

Андерсен является автором единственного сборника стихов «По зеленым лугам» (Шанхай, 1940). Несмотря на это, ее стихи включены во все крупнейшие антологии русской поэзии XX века. В начале 1980-х годов Л. Андерсен написала стихотворение, пронизанное глубоким пониманием трагизма судьбы разбросанных по всему свету соотечественников:

Я едва пробираюсь тропинкою узкой;
Меж полями пшеницы, пшеницы французской,
Как в России, синеют, смеясь, васильки,
Васильки-васильки, друзья далеки.
Если правда, что можно летать после смерти,
Просто так: обо всем позаботятся черти –
Ни билетов, ни виз, да куда бы сперва?
Закружится, боюсь, у чертей голова ...
Так нас всех разметало по свету, –
Что не хватит бумаги заполнить анкету.
На Харбин, на Шанхай, на Мадрас, на Джибути,
На Сайгон, на Таити, Москву не забудьте,
Сидней, Рио, Гонконг, Сан-Франциско, Канаду,
Тель-Авив, Парагвай и Полтаву мне надо,
А еще Соловки, Колыму, Магадан –
На метле я готова – тащи чемодан!²³³

Если старшее поколение могло жить воспоминаниями о прошлом, о России, то у молодого поколения их практически не было: слишком малыми детьми они расстались с Родиной. Ларисса Андерсен, например, родилась в Хабаровске в 1914 году, а в начале 20-х уже приехала с родителями в Харбин из Владивостока. «У нас не могло быть много воспоминаний, мы жили теперь и писали о своих переживаниях и чувствах, которые, как и мы сами, росли, требовали выхода, – так характеризовала Л. Андерсен внутреннюю жизнь молодого поколения чураевцев. – Не находя его, мы ждали. Более бурные из нас изводились:

Над тобой расстилается небо весеннее,
Ты, наверное, ждал, а быть может, и ждешь.
Как сегодня, вчера, как и позавчера,
Что придет, налетит золотое спасение.
Это писал 19-ти летний Георгий Гранин»²³⁴.

²³³ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 200. С. 323.

²³⁴ Там же. С. 319.

5 декабря 1934 года «Чураевка» пережила сильный внутренний удар, приблизивший закрытие кружка. В ту ночь Георгий Гранин и Сергей Сергин, оба очень талантливые и совсем молодые, совершили загадочное двойное самоубийство, запершись в одном из номеров харбинской гостиницы «Нанкин». Как вспоминал много позднее один из русских поэтов-харбинцев, М. Волин, в смерти этих двух поэтов не последнюю роль сыграла трагическая поэзия парижан: Владимира Смоленского, Бориса Поплавского и Георгия Иванова. Поэт Г. Гранин в своей предсмертной записке просил, чтобы на его могильном кресте, помимо его имени, даты рождения и смерти, было написано восьмистишие из стихотворения Георгия Иванова:

Синеватое облако,
Холодок у виска,
Синеватое облако
И еще облака...
И старинная яблоня
(Может быть, подождать?),
Простодушная яблоня
Расцветает опять ...²³⁵

Глубокое потрясение пережили тогда все чураевцы. «Мы становились чувствительны и легко ранимы, мы теряли равновесие, – продолжает свои воспоминания Л. Андерсен. – Я думаю: правильно сказал Николай Петерец, один из поэтов нашего кружка, что Гранина погубила поэзия. И недаром Валерий Перелешин, более всех нас успевший на поэтическом поприще, еще совсем недавно напомнил фразу, сказанную мною когда-то: «Больно жалит красота!»²³⁶.

К молодому поколению поэтов дальневосточного зарубежья принадлежала и Наталья Резникова, рожденная в Сибири, откуда ребенком после революции уехала с родителями в Харбин. В Харбине окончила гимназию и юридический факультет. Писать стихи начала с восьми лет, а ее первое стихотворение появилось в печати в апреле 1928 года в журнале «Рубеж», самом популярном литературно-художественном «долгожителе» Харбина (1927 – 1945 гг.). Ее мать, Людмила Самойловна, сестра издателя «Рубежа» Е.С. Кауфмана, заведовала редакцией журнала. Чураевцы

²³⁵ Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. Мюнхен. 1982. № 34. С. 342.

²³⁶ Андерсен Л. Ларисса вспоминает // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 200. С. 319.

называли ее «главнокомандующей» журнала. Сама же Наталья Резникова принимала активное участие в создании таких поэтических сборников Харбина, как «Лестница в облака» (Харбин, 1929), «Семеро» (Харбин, 1931). Кроме того, с 1930 года стала писать прозу и работать журналистом в местных газетах, долгие годы вела отдел критики и библиографии в журнале «Рубеж».

Как ведущая рубрики «Книжные новинки» журнала «Рубеж», Н. Резникова знакомила читателей журнала с литературной жизнью не только русского Китая, но и с выходящими в свет новинками литературы западного русского зарубежья. Ее начитанность, хорошие литературно-аналитические способности были важной составляющей литературной жизни русского Харбина в 30-40-е годы. Так, в 41-м номере журнала «Рубеж» за 1939 год была помещена рецензия Н. Резниковой на исторический роман Е. Замятина «Бич Божий», только что вышедший на западе. А незадолго до этого в 27-м номере была дана развернутая рецензия Н. Р. (так подписывала свои литературно-критические статьи и заметки Наталья Резникова – С.Я.) на новый роман Николая Оцупы «Беатриче в аду» («Париж, 1939). Эти рецензионные статьи Н. Резниковой в журнале «Рубеж», как и целый ряд других в различных периодических изданиях Харбина и Шанхая, могут свидетельствовать о достаточно тесных и продуктивных культурных контактах двух ветвей российской эмиграции, западной и восточной. Возможно, эти контакты носили частный и несистематический характер, но нельзя сбрасывать со счетов ограниченные возможности эмиграции и существовавшие тогда средства связи.

Содержание литературно-критической деятельности журнала «Рубеж» отражало достаточно высокий уровень культурных запросов российских эмигрантов на Дальнем Востоке и выявляло общность литературных процессов двух ветвей эмиграции. Эта общность проявлялась прежде всего в выборе проблематики и способов ее художественного воплощения в произведениях эмигрантов. Тема ностальгии по утраченной Родине выходила на первый план в автобиографических произведениях писателей-эмигрантов старшего поколения, у которых груз воспоминаний не давал о себе забыть. «Вспоминательные» книги создавали не только русские писатели на западе (И. Бунин – «Жизнь Арсеньева», И. Шмелев – «Лето Господне», Б. Зайцев – автобиографическая тетралогия), но и русские писатели дальневосточной эмиграции: А. Несмелов (поэтическая повесть «Тихвин», рассказ «Второй

Московский»), Нина Федорова (Н.Ф. Рязановская, 1895-1985), Вс.Н. Иванов. Роман Н. Федоровой «Семья» был переведен на 12 языков мира после его выхода в 1940-м году.

К сожалению, нам только известен факт выхода в свет автобиографического произведения Вс.Н. Иванова «1905 год. Роман молодой души» (Харбин, 1929). Текст романа остается недоступным для соотечественников. Однако суждения критики 1930-х годов проливают на него некоторый свет. Критик О. Штерн, в частности, пишет: «Он (Вс.Н. Иванов – С.Я.) принадлежит к тем писателям, у которых имеется, в сущности, только одна неудержимо-влекущая их тема. Вот почему в «Романе», как и во всем, что писал Вс. Иванов до него, ярко выступает основная русская проблема о взаимоотношениях народа и интеллигенции, Европы-Петербурга и России. То, что действие развивается на фоне революции 1905 года, лишь придает ей (проблеме – С.Я.) особую остроту. Болезнь интеллигенции, развал государственных, семейных и общественных начал, ясно намечающийся под коркой еще прочного, но уже отцветающего быта в молодом поколении обывательско-чиновничьей среды, совершенно оторванной от чуждой и враждебно-сторонящейся ее народной стихии, – таков основной фон «Романа», прекрасно отражающего провинциальный быт начала нашего века. Несмотря на явную карикатурность смехотворной галереи провинциальных революционеров и на отчетливое чувство автором великой пошлости и легковесной беспочвенности «передовых» идей, – вокруг интеллигентского мирка уже ощущается роковая пустота и обреченность...»²³⁷. Размышляя о достоинствах и недостатках этого романа Вс. Иванова, критик делает ряд очень ценных замечаний о месте писателя в литературном процессе и об отношении к нему критики. О. Штерн считает Вс. Иванова «несправедливо обойденным» литературной критикой своего времени. «Только этим и можно объяснить, – отмечает О. Штерн, – что его последняя книга «Роман молодой души» была так дружно обойдена эмигрантской критикой. «Роман», безусловно, заслуживает внимания, хотя и есть у него один, вовсе несущественный, но зато много объясняющий недостаток. Недостаток этот – какое-то исключительно топорное название, способное оттолкнуть даже не слишком подозрительного читателя. Впрочем, промах этот всецело проистекает из основного недостатка писателя, который можно

²³⁷ Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник. Харбин. 1931. Книга 1. С. 185.

охарактеризовать как некую «живописную небрежность»²³⁸. Не абсолютизируя эту черту творческой манеры писателя, вместе с тем, критик многое подметил тонко и верно. «Небрежность эта совершенно не отделима от художественного творчества Вс. Иванова, по существу изумительно органического, цельного и искреннего. Напрасно бы, – продолжает О. Штерн в той же заметке, – мы искали у него следов каких-либо литературных влияний, дающих так резко чувствовать себя почти во всех произведениях молодых писателей-эмигрантов. Вс. Иванов вполне самостоятелен и оригинален»²³⁹. Этот роман Вс.Н. Иванова был замечен литературной критикой далекого Парижа, центра литературной критики русского зарубежья. М. Осоргин, широко известный в литературных кругах обеих ветвей эмиграции как строгий критик, откликнулся на роман Вс.Н. Иванова своей рецензией²⁴⁰.

Историческая проблематика мощно звучала в литературе обеих ветвей русской эмиграции. При этом особое внимание писатели-эмигранты уделяли поискам духовных опор в истории России, на которые могли бы опереться современники. Смутное время революции и гражданской войны вызывало ассоциации с другими смутными периодами в истории России. Тема раскольничества и его идейный вдохновитель протопоп Аввакум Петров, символизирующий незыблемую русскую приверженность традиции, привлекает многих писателей. А. Несмелов создает поэму «Протопопица», Вс.Н. Иванов пишет очерк «Оправданный Аввакум», который стал философско-эстетическим фундаментом к его историческому повествованию «Черные люди» (Хабаровск, 1963).

Литературно-критическая деятельность дальневосточной эмиграции выявила общую приверженность западной и восточной литературной эмиграции вечным темам и ценностям жизни: человек, история, любовь, природа, искусство. Внутрироссийская литература 1920-1940-х годов вопреки давлению тоталитарного режима, требовавшего от литературы социального служения, осталась в глубине своей приверженной тем же целям и ценностям, что и эмигрантская литература. Пережитое в последнее десятилетие XX века явление «возвращения» в историю русской литературы «задержанных» цензурой произведений свидетельствует о неотменимости законов имманентного развития литературы, исконно

²³⁸ Там же. С. 184.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Осоргин М. Иванов Вс. «1905 год» // Последние новости. Париж. 1929. 12 сентября.

стремящихся к познанию жизни и человека, утверждению глобальных, жизненно важных целей и ценностей.

В страшном военном 1942-м году харбинская газета «Заря» поместила статью Н. Резниковой «Анна Павлова», посвященную годовщине со дня смерти великой балерины XX века. Автор статьи поднимает глобальную проблему о роли искусства в жизни человека и человечества. Необычайную остроту этой проблеме придает исторический контекст, все более захватывающая мир вторая мировая война. «Страшные силы реют над миром, – пишет Н. Резникова, – перекраивается карта земных владений, великие страдания испытывает и будет испытывать еще человечество, попавшее в полосу страшного катаклизма. Жить страшнее, чем всегда, и в этой тьме безысходности, которая нас всех окружает, – единственное, что может утешить и ободрить, это чистое искусство»²⁴¹. В данном контексте понятие «чистое» искусство сродни понятию «высокое», способное подняться над сиюминутными заблуждениями к вечным ценностям жизни. В образе Анны Павловой автор видит воплощение красоты, вдохновения и благородства, приближающих человека к всеведению как силе, способной противостоять злу в глобальном масштабе.

Начавшаяся вторая мировая война усугубила положение российских эмигрантов, расколола их на два лагеря: на тех, кто желал Родине победы, и тех, кто ждал ее поражения. Мрачные настроения эмиграции в этот период, некий фатализм передает статья Н. Резниковой «Необычайное в жизни великих людей», опубликованная в 1942-м году в газете «Заря» (№ 56). В ней автор обращается к проблеме природного дара великих людей предвидеть, предчувствовать трагические события своей жизни. Н. Резникова предпринимает попытку воссоздать мысли и чувства великих русских классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л. Андреева, А. Блока и Н. Гумилева – в их предчувствии своей смерти и философского отношения к финалу жизни. Эта статья – своеобразный поиск пророка для своего Отечества в очень сложный исторический момент.

За годы жизни в Харбине Н. Резникова опубликовала два своих поэтических сборника («Песни Земли» и «Ты»). На первую книгу стихов лестно откликнулся известный поэт Серебряного века и признанный на западе критик Г. Адамович, написав, что в ней «нет ни одного

²⁴¹ Резникова Н. Анна Павлова // Заря. Харбин. 1942. № 49. С. 2.

стихотворения неодоушевленного». Ее стихи – это дневник, повесть о жизни сердца, рассказы о жизни чувством и ради чувства. Харбинцы называли ее – «наша зарубежная Анна Ахматова» не за подражание, а потому, что в песнях Н. Резниковой звучало стихийно женское начало, стремящееся раствориться в чувстве, отдать всю себя этому чувству без остатка.

К середине 1930-х годов чураевцы стали ощущать все более усиливавшееся политическое давление со стороны властей. После японской оккупации Харбина в 1932 году заметно усилился полицейский надзор. Усиление позиций русской фашистской партии, которую поддерживали власти, способствовало вытеснению «Чураевки» из Харбина. Но «Чураевка» успела дать крепкие корни. Даже после отъезда многих чураевцев во второй половине 30-х годов в Шанхай литературная жизнь Харбина не затихла. Другие литературно-художественные кружки продолжали работать. Так, 2 марта 1942 года состоялся очередной «Понедельник» в Литературно-художественном кружке имени Августейшего поэта К. Р. при монархическом объединении, на котором был заслушан доклад поэтессы Ф.Л. Дмитриевой-Кононовой о новой книге стихов поэтессы Н. Резниковой «Ты». Этот доклад вызвал жаркие споры о женской лирике, что нашло отражение в местной прессе²⁴².

Активная художественная и критическая деятельность «Молодой Чураевки» требовала выхода на широкую читательскую аудиторию, что выливалось в масштабную издательскую, а позднее и книгоиздательскую деятельность. Стихи, прозу и другую свою продукцию чураевцы получили возможность печатать в еженедельном литературно-художественном журнале «Рубеж», выходившем в Харбине с 1927 по 1945 гг. в издательстве «Заря». С 3 июля по 6 августа 1932 года чураевцы выпускали свое еженедельное приложение к газете «Harbin daily news» под названием «Молодая Чураевка: газета для юношества», редактором которого был создатель «Молодой Чураевки» поэт А. Ачаир. Приложение выходило на двух страницах и содержало редакционную статью, прозу, стихи, статью о литературе или искусстве, хронику местной культурной жизни. Всего вышло 6 номеров приложения. С декабря 1932 года художественное объединение стало выпускать свою собственную литературную газету под названием «Чураевка: Литературная газета кружка искусств, науки и литературы», которая просуществовала недолго (1932 – 1934 гг.), но

²⁴² Споры о женской лирике // Заря. Харбин. 1942. № 58. С. 4.

сумела завоевать признание и в амбициозном Париже. О первых пяти номерах газеты дальневосточных эмигрантов 29 марта 1934 года в парижской газете «Последние новости» писал Г. Адамович: «Из далекого Харбина пришло несколько номеров литературного журнала – или, точнее, газеты – «Чураевка». Впервые я увидел их в руках одного юного здешнего литератора, который уже вот-вот готов был рассмеяться и нетерпеливо искал каких-нибудь «перлов» для оправдания иронии. Но перлов не нашлось. Усмешка исчезла. Иронический юноша принялся внимательно читать «Чураевку» и, наконец, воскликнул: «А знаете, совсем не плохо!». Действительно, совсем не плохо. Многие русские парижане были удивлены, если бы удосужились харбинский журнал внимательно просмотреть».

Центральным печатным органом для чураевцев и для всех творческих сил Харбина, а также далеко за его пределами на целых 18 лет стал любимый многими россиянами не только Харбина журнал «Рубеж». Сохранившиеся подборки этого журнала представляют в настоящее время богатейшее собрание важнейших и совершенно уникальных историко-культурных и историко-литературных свидетельств целой эпохи развития культуры и литературы русского зарубежья. По публикациям этого журнала можно проследить динамику отечественного историко-литературного процесса XX столетия не только на российском эмигрантском Дальнем Востоке, но и на Западе, и в самой России. Публикации журнала могут способствовать воссозданию историко-литературного процесса XX века в его реальной полноте и многомерности.

Бессменным издателем журнала «Рубеж» был Е.С. Кауфман. В разные годы журнал редактировали Г.Н. Шипков (1927 – 1929), М.С. Рокотов (Бибинов, 1929 – 1943), К.С. Сабуров (1943 – 1945). В 1927 году вышло лишь несколько номеров «Рубежа», но с 1928 года журнал выходил регулярно по субботам в течение 18-ти с лишним лет. Объем журнала составлял обычно 20 страниц, праздничные же номера увеличивались объемом до 30-34-х страниц. Содержание журнала было богатым и разнообразным. В каждом номере печаталось 7-8 стихотворений и 2-3 рассказа местных русских авторов. Журнал публиковал рассказы и «роман с продолжением», переведенные с иностранных языков. Очерки о культурной и политической жизни в разных странах мира, а также местная культурная хроника всегда сопровождались иллюстрациями. Публиковались также разного рода «полезные советы», развлекательные

материалы типа «крестословицы». Небольшой, но содержательный библиографический отдел «Книжные новинки» знакомил читателей с книгами дальневосточных и западноевропейских русских издательств. Вела этот отдел недолгое время М. Р. (Мария Самойловна Резникова – С. Я.), а затем Н. Р. (Наталья Резникова – С. Я.), ее дочь, талантливая поэтесса, прозаик и критик.

Отдел книжных новинок информировал о выходе в свет разной, но в то же время самой интересной печатной продукции. Журнал «Рубеж» (1933, № 9) анонсировал, например, выход восьмого, февральского, номера литературной газеты «Чураевка», делаясь при этом своими «отрадными впечатлениями» от стихов и особенно прозы. Этот анонс завершался эмоциональным аккордом: «На нашем эмигрантском горизонте такое явление, как «Чураевская газета», – явление бесконечно радостное»²⁴³. О поэтических победах чураевцев журнал «Рубеж» сообщал с особенно теплым чувством. Библиографический отдел журнала в 18-м номере за 1935 год представил только что вышедший поэтический сборник «Излучины» (Харбин, 1935), в котором приняли участие восемь поэтов «Чураевки»: В. Ветлугин, М. Волин, В. Перелешин, Н. Резникова, С. Сергин, В. Слободчиков, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев. В рецензии отмечалось, что авторы сборника – хотя и молодые, но уже «вполне сложившиеся, самостоятельные поэты», которые «мастерски владеют формой, умеют блеснуть яркими удачными образами, свежей рифмой, музыкальностью, удачно избегают банальностей, как во внешнем, так и в содержании». Автор заметки указывает на два самых ценных качества стихов этого сборника: простота и ясность содержания и простота формы. Последнее качество рецензент объясняет тем, что пора слепого подражания Маяковскому, Пастернаку и Цветаевой закончилась и наступило время творческого развития самого ценного из поэтического опыта. Очень точно и верно критик подметил отличие поэзии дальневосточной эмиграции от поэтического творчества русской западноевропейской эмиграции: «От западных русских поэтов наши харбинские выгодно отличаются отсутствием в их поэзии тех ноток глубочайшего пессимизма, какой-то безнадежности, которые особенно у «числовцев» производят такое гнетущее впечатление». Хотя депрессивные настроения были знакомы и

²⁴³ Чураевка: Литературная газета, № 8 (февр., 1933) // Рубеж. Харбин. 1933. № 9. С. 23.

части поэтов-эмигрантов Дальнего Востока, они не приобрели масштабности.

Отдел книжных новинок журнала «Рубеж» за 1939 год (№ 45) не пропустил выпуска на западе одной из первых книг о России для русской молодежи за рубежом (К. Мочульский, «Великие русские писатели XIX века», Париж, 1939) и подчеркнул ее значение для молодого русского поколения эмигрантов из России цитатой из вступления к книге: «Если нам суждено остаться в Европе, – пусть через нас Европа узнает о красоте и силе русской природы, о своеобразии русского искусства, об единственной в мире русской литературе, о русских святых и подвижниках. Если же мы вернемся в Россию, – пусть мы не будем так чужими и, зная свое кровное, русское, принесем лучшее из Европы». Эти слова отражают своеобразную стратегию богатой, осмысленной духовной жизни российских эмигрантов, как на западе, так и на востоке, на протяжении десятилетий изгнанничества.

В журнале «Рубеж» часто публиковались стихи и рассказы А. Несмелова. Большинство его произведений впервые увидели свет именно на страницах этого журнала. Здесь была опубликована его поэма «Протопопица» (1939, № 42), а в номере 40-м за 1939 год были напечатаны его рассказ «Роковой дневник» и стихотворение «Память». 43-й номер «Рубежа» в 1933 году познакомил читателя с его удивительным рассказом «По следам любви», где нераздельно господствует власть художественного таланта. Глубоко уникальная, художественная реализация вечной темы любви-страдания, многократно преумноженной тончайшим проникновением автора в мир переживаний героя, утратившего и Родину, и любимую, способна потрясти читателя-современника. Смещение реального и художественного времени, использование эпистолярного жанра рождает ассоциации с «Героем нашего времени» М.Ю. Лермонтова, а гимн всепобеждающей любви – с «Гранатовым браслетом» А. Куприна. Глубина проникновения в мир человеческих чувств в этом рассказе поистине грандиозна.

А. Несмелов – один из самых известных поэтов и прозаиков дальневосточного зарубежья. Будучи продуктивным творчески, он часто публиковал свои произведения, причем не только в журнале «Рубеж». Начиная с 1921 года, он периодически и достаточно часто издавал отдельные сборники своих стихотворений. Композиция его первого в России сборника произведений отражает хронологию и географию этих

изданий ²⁴⁴. А. Несмелов пользовался и другими псевдонимами, но сборники своих произведений издавал обычно, подписываясь: А. Несмелов. Известен сборник поэта («Только такие»), вышедший в 1936 году в Харбине под псевдонимом Н. Дозоров. А. Несмелов принадлежал к числу немногих дальневосточных писателей-эмигрантов, чье имя было хорошо известно западноевропейской эмиграции и чьи произведения публиковались в русских антологиях на западе ²⁴⁵. В антологию зарубежной поэзии 1936 года («Якорь») включены стихотворения и других поэтов дальневосточного зарубежья: Алексея Ачаира и Николая Щеголева. Поэтическое творчество А. Несмелова отмечал и Г. Струве в своей всемирно известной монографии, одной из первых глубоких и серьезных работ о литературе русского зарубежья: «Из дальневосточных поэтов в первые годы (середина 20-х - С.Я.) выдвинулись два: Арсений Несмелов и Всеволод Иванов. Они не были похожи на своих собратьев в Европе» ²⁴⁶.

Поэзия А. Несмелова, как заметили первые критики, несет в себе элементы влияния В. Маяковского и М. Цветаевой, его любимой поэтессы. Но поэт сумел избежать слепого подражания и заимствования. «Гению Маяковского» посвятил А. Несмелов свое стихотворение «Оборотень», включенное в названный выше сборник своих произведений. Некоторые современники А. Несмелова вспоминают, как он говорил о своей переписке с М. Цветаевой. И хотя прямых свидетельств тому нет, обратим внимание на цитату, которую приводит исследователь и публикатор творчества А. Несмелова Е. Витковский в своей очередной подборке неизвестных стихотворений поэта («Я одинок, без близких и друзей...», «Самое обыкновенное»): «В письме к Раисе Ломоносовой из Медони в Америку Марина Цветаева писала 1-го февраля 1930 года: «Есть у меня друг в Харбине. Думаю о нем всегда, не пишу никогда. Чувство, что из такой дали все само собой слышно, видно, ведомо – как на том свете – что писать

²⁴⁴ Несмелов А. Без Москвы, без России... Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1990. 402 с.

²⁴⁵ Якорь: Антология зарубежной поэзии. Берлин, 1936.

²⁴⁶ Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 173.

потому невозможно, что – не нужно. На такие дали – только стихи. Или сны»²⁴⁷.

Многие публикации журнала «Рубеж», как и журналов «Далекая окраина», «Понедельник», «Врата» свидетельствовали о близости его авторов идеям евразийства, которые оказывали влияние на творческую интеллигенцию, на русскую литературу в зарубежье. Заметную поддержку евразийцы ощущали со стороны великого русского художника-эмигранта Н.К. Рериха, который жил в те годы в Индии и несколько раз приезжал в Китай. Во время этих поездок Н.К. Рерих встречался с русскими писателями, художниками, жившими в те годы в Китае. Среди них был не только Вс.Н. Иванов. Большое влияние личности Н.К. Рериха испытал на себе писатель-эмигрант, философ Альфред Хейдок (1892, Латвия, – 1991, Россия, Алтай), латыш по происхождению, который в 1934 году встречался с Рерихом в Харбине. Учение Н.К. Рериха А. Хейдок считал величайшим событием века. В своей статье, посвященной 100-летию Н.К. Рериха, «Еще об Учителе Жизни», А. Хейдок подчеркнул, что «в бедах и несчастьях люди приходили к великому Мыслителю и Художнику не за материальной, а именно за духовной помощью»²⁴⁸. Позиция А. Хейдока очень близка позиции Вс.Н. Иванова в оценках творчества и общественно-культурной деятельности Н.К. Рериха.

Судьба писателя А. Хейдока сложилась драматично. В 1920 году с частями белой армии через Владивосток он попал в Харбин, откуда в 1940-м году переехал в Шанхай. В 1947 году возвратился в СССР, где в 1950 году его и его семью настигли сталинские репрессии. Получив десять лет за переписку с эмигрантом Н.К. Рерихом, отбывал срок в Сиблаге. После освобождения поселился на Алтае и жил в Змеиногорске. Выбор места жительства был сделан под влиянием, в том числе, и учения Н.К. Рериха. С 1929 года в харбинском «Рубеже» стали часто появляться необычные рассказы А. Хейдока. Только за один год журнал опубликовал восемь его рассказов, названия которых отражают тематические приоритеты писателя, близкого к миру природы: «Дикарь» (№ 18), «Кошмар степи» (№ 12), «Зов пустыни» (№ 36), «Игра с роком» (№ 30), «Призрак Алексея Бельского» (№ 24), «Дэрби (дэрби – это состязание в выносливости – С. Я.)» (№ 9) и др. Некоторые из этих рассказов составили вышедший в 1934 году в

²⁴⁷ Витковский Е. Два неизвестных стихотворения А. Несмелова // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 200. С. 18.

²⁴⁸ Хейдок А. Радуга чудес: Повесть, рассказы, эссе. Рига, 1994. С. 5.

типографии газеты «Заря» сборник рассказов А. Хейдока «Звезды Маньчжурии». Участие в подготовке этого сборника и поддержку в издании оказал Н.К. Рерих. Он же написал предисловие к книге. Для своих рассказов А. Хейдок брал интригующие, романтические сюжеты, используя при этом реалии узнаваемой жизни в Китае. Герой А. Хейдока часто оказывается в экстремальных, критических ситуациях, проявляя при этом свое изначальное тяготение к природной сущности человека с ее здоровым началом. Георгий Вандалов, герой рассказа «Зов пустыни», живет с постоянным ощущением, что «он убегает от гремящей колесницы цивилизации и мчится назад, в прошлое человечества»²⁴⁹. Идея возвратного движения времени, проистекающая из евразийства, была близка многим писателям-эмигрантам, в том числе Вс.Н. Иванову, она была своеобразной приметой эпохи.

Тема Востока и Китая, с юности будоражившая воображение Вс.Н. Иванова, находила свое выражение в его публикациях в журнале «Рубеж». Небольшие прозаические произведения Вс.Н. Иванова, увидевшие свет через журнал «Рубеж», впоследствии нигде не публиковались. В 1933 году журнал (№ 19) опубликовал рассказ Вс. Иванова «Белый дым», в котором автор обращается к острой не только для того времени проблеме наркотизации. Общая атмосфера рассказа сближает его с очерком «Пекин», вышедшим ранее в харбинском журнале «Багульник» (1931. №1) и воссоздает одну из драматических реалий жизни. Действие рассказа происходит в Пекине, в четырехэтажном «Немецком отеле». Это своеобразный рассказ в рассказе. Таможенный чиновник Александр Сергеевич рассказывает своему собеседнику, автору-повествователю, драматическую историю своей жизни, дополненную собственными оценками и анализом: «Опий не давал мне никакой фантастики ... Я глубоко верю, что опий просто давал мне возможность преодолеть какие-то препятствия, которые смерть жены воздвигла между ею и мною ... Вот и все»²⁵⁰. Опий – это белый дым, влекущий к себе своими сладкими обещаниями унять боль души, смягчить удары судьбы. Но опий не перестает при этом быть только дымом, который заволакивает реальные и четкие очертания жизни, говорит автор устами своего героя. И пока этот дым не рассеется, человек не может полноценно жить дальше. Опий ни от

²⁴⁹ Хейдок А. Зов пустыни: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1929. № 36. С. 11.

²⁵⁰ Иванов Вс. Белый дым: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1929. № 2. С. 2.

чего не спасает, он только на время уводит человека от проблем жизни, тем самым изымает невосполнимое время и без того быстротечной жизни. Автор подводит читателя к философской мысли, очень ясно выраженной в стихотворении Е. Инсаровой (еще один псевдоним М. Колосовой – С. Я.), которое опубликовано на страницах этого рассказа. Стихотворение называется «Прошлое» и завершается строчками: «Все пропало, что осталось позади!»²⁵¹. Название рассказа Вс.Н. Иванова метафорично, а в контексте со стихотворением Е. Инсаровой приобретает философское звучание. Прошлое обречено на уход, как дым, оно должно дать дорогу новому, но этот уход не бесследный, небезболезненный, так как сопряжен с утратами. Прошлое памятью оседает в душах новых поколений. Опий, являющийся долгие годы неотъемлемой частью жизни на востоке, не может исчезнуть, как дым, – от него остается глубокий осадок, и его изживание не может быть быстрым и легким. Так Вс.Н. Иванов приоткрывает завесу над одной из драматических сторон жизни на востоке и в Китае, в частности. Рассказ завершается печальным аккордом. «Вот что такое Восток, – сказал, помолчав, Александр Сергеевич. – Этого нельзя вывезти ни в какую Америку»²⁵².

Проблема наркомании коснулась многих российских эмигрантов. И через десятилетия это не ушло из памяти одного из современников Вс.Н. Иванова, тогда молодого харбинского поэта Михаила Волина. Вот что он пишет в статье, посвященной русским поэтам в Китае: «Наркомания сыграла страшную роль в жизни не только китайского населения, но и русской колонии. Сотни, если не тысячи молодых людей погибли, став героинистами. Вначале героин курился в сигаретах – потом его начали впрыскивать. Страшная, типично восточная деталь этой операции была в том, что впрыскивание совершалось из экономии бамбуковой иглой, которую нельзя было стерилизовать, и многие жертвы погибали от заражения крови. Наркоманов обычно не пускали в притоны. Отворялось небольшое окошечко в двери, куда платились деньги, и затем туда просовывалась рука с заранее закатанным рукавом. Пожилая кореянка (японцы сами не держали притонов), просчитав деньги, делала свое дело, а наготове был уже другой посетитель...»²⁵³.

²⁵¹ Инсарова Е. Прошлое: Стихотворение // Рубеж. Харбин. 1929. № 2. С. 3.

²⁵² Иванов Вс. Белый дым: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1929. № 2. С. 4.

²⁵³ Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. Мюнхен. 1982. № 34. С. 343.

Тема современного Китая и жизни в нем россиян в творчестве Вс.Н. Иванова периода эмиграции была неразрывно связана с ностальгическими мотивами. Российская эмиграция в Харбине продолжала сохранять русский уклад жизни, по-прежнему отмечались традиционно русские религиозные праздники. И журнал «Рубеж», как средоточие культурной жизни русской колонии в Китае, запечатлел на своих страницах главные вехи этой жизни и сохранил ее важные свидетельства для последующих поколений. Соответствующие номера журнала «Рубеж» получали дополнительные названия: Рождественский «Рубеж», Масленичный, Пасхальный и т. п.

Литературные воспоминания эмигрантов о России носили преимущественно автобиографический характер. Не публиковавшиеся после эмиграции рассказы Вс. Иванова: «На масляной неделе» (из Масленичного «Рубежа», 1935, № 11) и «Мать» (из Пасхального «Рубежа», 1935, № 18) – являются ярким подтверждением особо пристального внимания русской литературной эмиграции и на востоке, и на западе к «вспоминательной» литературе. Как и в прежних номерах «Рубежа», наблюдаем неслучайное соседство и в Масленичном «Рубеже»: рассказ Вс. Иванова «На масляной неделе» и стихотворение М. Колосовой «На тройке». Эти два произведения объединяет тема утраченной, но не забытой России, которая одна только и дает силы выстоять морально, выжить физически и духовно в драматических обстоятельствах жизни, не утратить при этом надежд и способности мечтать, жизненного оптимизма.

Своеобразное сопряжение в одно идейно-эстетическое целое двух произведений разных авторов, рассказа и лирического стихотворения, было творческим открытием и изобретением создателей журнала «Рубеж». Этот прием часто использовался авторами «Рубежа». Текстовое сближение близких тематически, но по своей природе разножанровых произведений расширяло философский и эстетический контекст каждого из произведений, углубляло и дополняло их художественное восприятие. Художественный мотив дороги, странствий и поисков сближает произведения и передает особенность духовной атмосферы времени и жизни русских эмигрантов. Художественные образы гоголевской тройки и гончаровской обломовщины переносили эмигрантов в такой родной и близкий мир русской классики.

Приведем не печатавшееся до последнего времени на Родине стихотворение Марианны Колосовой с характерологическим для русской литературы названием «На тройке»²⁵⁴:

Сосны, те, наверно, поредели, –
На дрова повырубали их.

Бором тем на масленой неделе
Мчались мы на тройке вороных!

Это было в старом Барнауле, –
Правду всю скажу, не утаю,
Там, где метко пущенная пуля
Догоняла молодость мою.

Серебром украшенная сбруя,
Расписная золотом дуга...

Там у жизни милый час ворую,
Мчались мы сквозь легкие снега.

Сосны те, наверно, поредели.
Многих нет из нас теперь в живых,
Что тогда на масленой неделе
Пронеслись на тройке вороных.

Чью-то душу ранили глубоко.
Навсегда. Бессмысленно и зло...

Под сосной высокой, одинокой
Чье-то счастье снегом замело.

Молодой и храбрый, не твое ли
Счастье под сугробом снеговым?
Не шатайся, не клонись от боли, –
Нелегко в России молодым!

Тяжело в России молодому
С непокорной русскою душой!

Никогда не жалуйся чужому,
Что на свете жить не хорошо ...

Мчат по снегу кони вороные!
Та дорога сердцу дорога ...
Крепости мелькают ледяные,
Да летят сыпучие снега.

²⁵⁴ Колосова М. Тройка: Стихотворение // Рубеж. 1935. № 11. С. 5 – 7.

Поворот. Знакомая дорожка.
Городок, похожий на село...
Сколько снегу под твое окошко
Барнаульской вьюгой намело!
Ты в дохе, накинутой на плечи,
С побледневшим радостным лицом,
Синеглазой девушке навстречу
Выходил поспешно на крыльцо.

.....
Женщина кому-то говорила:

«Я сама не знаю, почему
Та неделя солнцем озарила
Многих лет безвыходную тьму...»

Это – после ... А тогда летела
Молодость на тройке вороных!
Песня пела, без вина пьянела
От старинных песен удалых!

Чувства лирической героини, пробуждаемые воспоминаниями, являются не только личными, они словно подслушаны автором у самой жизни: так тесно свои личные переживания сливаются с переживаниями других соотечественников. Наличие двух временных планов придает лирическому стихотворению эпическое, масштабное, эпохальное звучание.

Главный герой рассказа Вс.Н. Иванова «На масляной неделе» Стебнев Ардальон Павлыч, адвокат, дворянин по происхождению, «когда-то был вольноопределяющимся в гусарском полку и уважал их, этих людей, гусар, за их особую ухватку»²⁵⁵. А сейчас Стебнев бросает вызов миру материального богатства, вырывая из его цепких лап свою любимую: «Анечка, выбирайте же: или эта сонная, жирная жизнь, жизнь до смерти, жизнь прочная, как ваши дома, или же другое, – новое, яркое, что мы должны сделать и мы сделаем!.. <...> Ах, какая это будет чудесная жизнь, свободная, далекая от этих сонных домов, которые стоят веками и не двигаются!.. Вдали от этих людей, которые вон там вдали сидят, как два медведя ...»²⁵⁶. Явно романтическому герою с нереальным именем Ардальон в рассказе противопоставлен мещанин Ларивон Чуваев, задумавший разбогатеть в одночасье, ограбив почтовую карету, в которой

²⁵⁵ Иванов Вс. На масляной неделе: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1935. № 11. С. 6.

²⁵⁶ Там же. С. 8.

по нелепой случайности оказалась влюбленная пара, Ардальон и Анечка. Но планы обоих героев, и Ардальона, и Ларивона, разные по своей сути, оказываются схожими по своей авантюристичности и радикализму, по способам достижения. Автор одинаково не приемлет ни высоких, но абстрактных идей, реализация которых сопряжена с огромным риском, со смертью ни в чем не повинной души, Анечки, ни низких, корыстных устремлений человека. Идеологии обоих героев терпят крах. Художественная ткань рассказа предопределяет драматический финал. После того как зайчишка переметнулся через дорогу, да в кусты, «стоит распятым крестом посреди голубой лунной дороги к счастью Ларивон»²⁵⁷. Образ луны, как предвестницы смерти, неотступно нависает над головами героев: ведь свои темные дела они творят под покровом ночи. Не менее драматично и художественно достоверно в рассказе представлена любовная коллизия. Образ Ардальона, стремящегося увезти любимую из мира меркантильной любви в царство свободы и высоких идеалов, снижается авторской иронией: она и в имени героя, и в его словах. Финал трагичен для идеологий Ларивона и Ардальона: как удивительно перекликаются эти имена! Но финал трагичен и для мира, которым правят бездуховность, прагматизм и расчет. Этот мир обречен, говорит автор своим рассказом: «И от первого грозного взгляда голубицы Ани – закачался, пошатнулся старый дом»²⁵⁸. Общечеловеческая, гуманистическая концепция автора жизнеутверждающе пронизывает структуру рассказа.

Пасхальный номер «Рубежа» за 1935 год познакомил читателя с рассказом Вс. Иванова «Мать», автобиографическим по своей сути. Это рассказ-воспоминание, в котором соотносятся два времени: настоящее, безрадостное, эмигрантское и прошлое, светлое, доброе, российское. Автобиографический герой Сережа вспоминает эпизод из своей молодости, из 1911 года, когда ему, вольноопределяющемуся 28-го пехотного Полоцкого полка, было, как и автору, 23 года. «Четверть века минуло с того времени. Прошла война, пробушевала революция, всех нас завертело, унесло, засыпало снарядами, пулями, словами, ненавистью, упреками ... Но всякий год, как приближается этот – Великий Праздник, я опять вижу нетленной, неизбывной ту удивительную ночь, в которой вокруг меня было столько женской любви»²⁵⁹. Эту любовь подарила ему мать и любимая

²⁵⁷ Там же. С. 11.

²⁵⁸ Иванов Вс. На масляной неделе: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1935. № 11. С. 12.

²⁵⁹ Иванов Вс. Мать: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1935. № 18. С. 16.

девушка, в рассказе – Лиза Бетси. Отношения этих двух женщин в рассказе представлены как своеобразное соперничество. И первенствует здесь образ матери с ее любовью-жертвой: «Но есть между нами и разница: она борется за себя, а я (мать – С. Я.) – за тебя, не за себя»²⁶⁰. Образ матери становится центральным в рассказе, он сливается в воспоминаниях героя с образом России, наполняясь грустными, ностальгическими чувствами. «Мать – душа нашего дома в пять окошек, бодрствующая, живая душа»²⁶¹. Разлука с матерью, Родиной, как Дамоклов меч, висит над головой эмигранта, грозя оборвать нити духовной и душевной связи со своими корнями и истоками. Финал рассказа пессимистичен: в нем отражена вся полнота амплитуды чувств и глубина переживаний российского эмигранта: «Время коснулось нас своим жестким крылом, душа наша огрубела, постарела, одеревенела от бурь, крови, передряг, боев и клеветы. Она словно не верит даже, что то и впрямь было ... Да и где же он, этот стройный юноша в черном мундире, с синими погонами и с цифрой «28» на них, вокруг которого так явно вздымались тогда волны любви, плещущей в мире, двигающей все вещи и замирающей все больше и больше теперь? – Прошло... Прошло!»²⁶². Но пессимизм автора не безысходен, потому что остается надежда на возрождение любви, этого главного двигателя жизни.

Тема Родины, матери-России в этом рассказе усиливается стихотворением М. Колосовой «Воскресни, Россия!», размещенным на страницах рассказа Вс. Иванова. Своей деятельной энергетикой, изначально присущей мироощущению лирической героини этой поэтессы, стихотворение полемизирует с грустной ностальгией героя рассказа «Мать», художественно полно воссоздавая амбивалентную, стереоскопическую картину жизни россиян в эмиграции.

Журнал «Рубеж» регулярно публиковал произведения Якова Ловича, Василия Логинова, Валерия Перелешина, Бориса Юльского. Наряду с литераторами старшего поколения, отличавшимися мастерством и зрелостью, журнал печатал произведения молодых авторов. Рассказы Я. Ловича пронизаны чеховским стремлением усовершенствовать человеческую природу. Без злобы, с легким юмором и мягкой иронией писатель обнажает пороки общества, человеческие слабости, побуждая читателя подняться над суетой сует, вспомнить о своем высоком

²⁶⁰ Там же. С. 14.

²⁶¹ Там же. С. 5.

²⁶² Иванов Вс. Мать: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1935. № 18. С. 16.

предназначении и человеческом достоинстве. Рассказ «Случай на Рождестве», опубликованный в журнале «Рубеж» за 1929 год (№ 2), рисует один из трудных и поворотных моментов в жизни мелкого чиновника, счетовода Линейкина, который наконец-то отважился на защиту своего человеческого достоинства перед лицом пошлого и меркантильного мира. Линейкин «чувствовал, что душа его вышла из берегов серого существования и разлилась широким, бушующим морем»²⁶³. Празднование Рождества оборачивается подлинным рождением Человека. «Это был его праздник, настоящее Рождество – в первый раз за всю его (Линейкина – С. Я.) жизнь. <...> Это было наитие, откровение, великий момент»²⁶⁴. Куда более изощренным в способах перевоспитания, усовершенствования человека является герой другого рассказа Я. Ловича, «Новогодний негодяй», опубликованного в первом номере «Рубежа» за тот же год. В разгар празднования Нового Года самой знатной публикой города туда врывается незнакомец в маске и «срывает» маски лицемерия со всех присутствующих, занимающих высокое положение в обществе. Писатель прослеживает путь, который привел главного героя к такой его миссии: показать людям реальное положение вещей в реальном мире, «сорвать все и всяческие маски». «Вы, – говорит он, – квинтэссенция этого города, лжи и лицемерия. Я переберу вас всех и покажу вам, что вы чувствуете друг к другу на самом деле»²⁶⁵. Завершая свою обличительную миссию, незнакомец в маске говорит: «Может быть, в этом году вы будете вести себя иначе и не дадите мне предлога зайти к вам на следующую новогоднюю встречу»²⁶⁶. Прав ли герой, а вместе с ним и автор, когда обращается к пресловутому лозунгу «Мнение правит миром»? Наверное, это утопия, но она рождена целью благородной: сделать мир людей чище, добрее. Романтическая, авантюрная беллетристика Я. Ловича, такие рассказы, как «Враги», «Офицерская шинель», «Дама со стилетом», переводились на английский и французский языки.

Представитель молодого поколения прозаиков, публиковавшихся в журнале «Рубеж», Борис Юльский, совсем молодым уехал на одну из лесных концессий Китая, откуда присылал свои многочисленные рассказы, лишь изредка появляясь на заседаниях «Чураевки». С 1933 по 1945 годы его рассказы часто печатались в «Рубеже». Героями этих рассказов были

²⁶³ Лович Я. Случай на Рождестве: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1929. № 2. С. 4.

²⁶⁴ Там же. С. 10.

²⁶⁵ Лович Я. Новогодний негодяй: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1929. № 1. С. 12.

²⁶⁶ Там же. С. 16.

реальные люди той среды, что его окружала: охотники, контрабандисты, торговцы живым товаром, служащие лесной полиции, ученые. Тематика его рассказов неординарна. Один из таких рассказов, «Ошибка Шерлока Холмса», несмотря на комизм положенной в его основу коллизии, поднимает серьезную проблему своеобразия русского национального характера и его восприятия другими народами. Через использование известных всему миру литературных образов Шерлока Холмса и Доктора Ватсона писатель вскрывает практику формирования ошибочных, неверных стереотипов русского человека, довольно распространенную в мире. Как далеки бывают порой представители других народов от понимания истинной сущности русского характера, показывает мастерски выстроенный комический диалог этой пары всемирно известных сыщиков при встрече с русскими артистами:

– Самовар!.. – воскликнул он (Доктор Ватсон – С. Я.). – Теперь я вспомнил!.. В самоваре вы, русские, варите сапоги всмятку?.. Правильно? Я угадал?

– Не сапоги, а водку! – мрачно поправил его Шерлок Холмс. – Водку наливают в самовар, а потом пьют из кокошника ...»²⁶⁷. На состоявшемся весной 1942 года в Харбине конкурсе поэтов и новеллистов Б. Юльский получил 2-ю премию за рассказ «Таежная сказка». Первая премия по этой номинации никому не была присуждена.

Журнал «Рубеж» был для чуроевцев не только местом, где они могли публиковать свои произведения, он был средоточием духовной и культурной жизни русских эмигрантов. Журнал способствовал развитию творческих обменов, укреплению человеческой и творческой дружбы, взаимной поддержки, что имело чрезвычайно большое значение в условиях оторванности от Родины, от России и часто от родных. Журнал продолжил уже известную русской литературе традицию обмена стихотворными посланиями поэтов-современников, в которых затрагивались животрепещущие проблемы времени, человеческого существования. Такие поэтические диалоги отражали не только личные темы и переживания, гораздо в большей степени они были своеобразным синтезом мыслей, чувств и переживаний целого поколения соотечественников, несущих в себе общую боль разлуки с Родиной.

²⁶⁷ Юльский Б. Ошибка Шерлока Холмса: Рассказ // Рубеж. Харбин. 1933. № 2. С. 7.

Ярким художественным фактом такого разговора «на века» представляется поэтический диалог Лидии Хаиндровой (1910, Одесса – 1986, Краснодар) и получившего всемирную известность Валерия Перелешина (1913, Иркутск – 1992, Бразилия). В 1939 году в журнале «Рубеж» Л. Хаиндрова опубликовала свое стихотворное послание-посвящение «О мудрости», адресованное Валерию Перелешину:

О мудрости – немудрые прочтут, –
Во всех веках довлеющая каста, –
Но для нее не кинут свой уют,
Как не поймут и слов Екклесиаста.

Надгробных плит коснется пыль и тлен.
Луной посеребренные долины
Таят в себе немолчный зов измен, –
От прошлого наследие доньине.

Поэты пишут только для себя, –
Им кажутся доступны тайны мира, –
И, ничего на свете не любя,
Поэт тревожно о любви их лира.

О мудрости – немудрые прочтут ...
Жизнь проглядев, как некую комету.
И, позабыв накопленный уют,
Волнуясь и спеша к другому свету, –
Они за сердцем дрогнувшим пойдут.

Дайрен²⁶⁸.

Поэтический ответ В. Перелешина не заставил себя ждать. Через четыре номера он был опубликован в «Рубеже». Им стало стихотворение «Беседа в дороге», адресованное и посвященное Лидии Хаиндровой. В стихотворении, построенном в форме диалога с воображаемым, близким по духу собеседником, отображается родство поэтических душ:

Где чудотворцем, где нищим, где хитрым рапсодом
Так и брожу я по свету в облезлом плаще,
Так и скитаюсь по долгим земным переходам...
Что ты сказал? Да, конечно, скитаюсь вотще.

Так. Но блажен, кто в худые отрепья сиротства,
Словно в кольчугу, для битвы одеться умел,

²⁶⁸ Хаиндрова Л. О мудрости: Стихотворение // Рубеж. Харбин. 1939. № 16. С. 18.

Под шутовским колпаком и под шлемом юродства
Скрывшись от вражьих и Феба завистливых стрел.

Так вознеси же хваленье бесчадным изгоям.

Всем безочажным, отвергшим сует суету:

Мудрые, мы на мосту себе дома не строим,

Мудрые, мы равнодушно идем по мосту.

Мудрый свободен. О, наша счастливая ноша,

Дева-свобода, с плащом да с тобою прошли.

Жизни полморя отмерив где ярче, где площе,

Мудрые мы, как безъякорные корабли!

Были и бури, и беды, но, юноша верный,

В мире бессмысленном не безнадежно темно,

Если хотя бы из этой зловонной таверны

Нам путешественник вынесет хлеб и вино.

Нет, не выносит? Так что же, вселенскую скуку

И без вина я простить небожителям рад.

Лишь за твою поддержавшую вовремя руку,

За благодарный и преданный – искоса – взгляд²⁶⁹.

Этот поэтический диалог представляет собой извечный философский разговор двух единомышленников о физической и духовной составляющих человеческой природы, о борьбе высокого и низкого. В их голосах слышатся отголоски вселенского трагизма разобщенности людей. Традиционный в русской поэзии XIX и XX веков мотив жертвенности поэтического служения усугубляется современной темой изгнанничества. Оба лирических героя демонстрируют стойкость духа, абсолютное понимание высокого предназначения поэзии и творчества. В суровых условиях жесткой, порой жестокой действительности они сохраняют верность гуманистическим традициям и ценностям жизни, унаследованным от русской классики. Свобода, дружеское человеческое участие и поддержка, придающие новый импульс творчеству, – вот те главные ценности, которыми чрезмерно дорожат на чужбине большие поэты. Величина таланта этих поэтов с годами станет более очевидной и подтвердит правоту их миропонимания в далекой молодости. Им равно чужд и прагматизм, и пессимизм.

²⁶⁹ Перелешин В. Беседа в дороге: Стихотворение // Рубеж. Харбин. 1939. № 21. С. 1.

И хотя к концу 1930-х годов «Чураевка» как объединение перестала существовать, ее выходцы не теряли связей друг с другом и идеалов «Чураевки» – слишком сильным был заряд творчества, полученный на ее заседаниях. В недрах «Чураевки» зародилось фактически все литературное движение дальневосточного зарубежья. Возникшие позднее в Харбине и других городах Китая литературно-художественные кружки, объединения развивали многие начинания и традиции «Чураевки»».

На страницах «Рубежа» до Великой Отечественной войны можно было встретить произведения русских авторов из Европы, США, стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Специально для «Рубежа» присылали свои произведения Г. Гребенщиков, Д. Бурлюк, А. Казанский, Н. Туроверов и др. Из Франции свои стихи присылала Эмма Трахтенберг. В журнальных номерах за 1935 год опубликованы два ее стихотворения: «Пустота» (№ 19) и «Песенка» (№ 35). Оба стихотворения пронизаны чувством тоски по Родине, мыслями об опустошенности и бессмысленности человеческого существования в настоящем. Житейские заботы, издавна присущие русской женщине, и простые человеческие радости, знакомые с детства, представляются недостижимым счастьем. Из далекого Парижа свои стихи присылала Ирина Полякова. Ее стихотворение «Улыбка души» – о чувстве устремленности души ввысь, где только и возможно ее возрождение, – опубликовано в журнале «Рубеж» за 1939 год (№ 36). Поэтическая жизнь российской эмиграции, протекавшая в странах восточной Европы, также находила свое отражение на страницах «Рубежа», сокращая расстояния между соотечественниками. Из Праги свои стихотворения присылала Ольга Ильинская. Ее стихи, опубликованные в «Рубеже» за 1939 год, «Ветер» (№ 38) и «Осенний вечер» (№ 40), выражают ностальгию, углубленность лирической героини в свой внутренний мир, переживание разлуки с Родиной и любимым как неизбежности и предопределенности. Иногда приходили стихи из Сараево. Их присылала Валентина Берникова. Лирические воспоминания о прошедшей любви сохранили в себе боль утраты, разочарования. Об этом ее стихотворение «Воспоминание» из 45-го номера журнала за 1939 год. Из эстонского города Нарвы свои стихи присылал хорошо известный всей российской эмиграции Игорь Северянин. Его стихотворение «Есть чувства...», посвященное Алексису Ранниту, было опубликовано на первой странице «Рубежа» за 1939 год (№ 49). География публикаций «Рубежа» была чрезвычайно широка. Знали журнал

и в Турции. Из Стамбула было прислано стихотворение Л. Броуэр «Ненависть», помещенное в журнале за 1939 год (№ 43).

Большой популярностью пользовались иностранные новеллы в переводе О. Софоновой, В. Иевлевой, Т. Беляевой, Е. Сентяниной, Е. Петровой, И. Мирандова, которые предлагал своим читателям журнал «Рубеж». Из романов с продолжением, растянувшихся на несколько номеров, были опубликованы: «Канувшее в Лету» («Унесенные ветром») М. Митчелл, «Венера в роговых очках» Берты Рок и другие.

Харбинский Кружок искусства, науки и литературы при Христианском союзе молодых людей «Молодая Чураевка», а позже просто «Чураевка», был, несомненно, одним из главных объединений российских культурных и литературных сил Харбина и близлежащей территории Китая. Но он не был первым объединением творческих сил Харбина, равно как и не остался единственным. Еще до взятия красной армией Приморья во Владивостоке и одновременно в Харбине, как в городах, между которыми было установлено прямое железнодорожное сообщение, существовал кружок поэтов, примыкавших к футуризму, «Железная дорога». Членами его были Сергей Алымов, Николай Асеев, Федор Камышнюк, Сергей Третьяков и др.

12 января 1918 года во Владивостоке было создано литературно-художественное объединение (ЛХО), завершив тем самым организационное оформление футуризма на Дальнем Востоке. А. Блок назвал футуризм «веселым ужасом, который сидит в русской душе». В ЛХО входили: В. Март, Н. Асеев, С. Третьяков, Д. Бурлюк, С. Алымов, В. Рябинин, Б. Незнамов, В. Статьева, Ф. Камышнюк, Б. Бэта, Ю. Галич и др. Местом творческих встреч футуристов, членов ЛХО, был «Балаганчик», находившийся в подвале театра «Золотой Рог». Организационное ядро составляла руководящая пятерка: Н. Асеев, С. Третьяков, Д. Бурлюк, В. Март и К. Синяков. Свои идеалы футуристы пропагандировали через журнал «Творчество», издателем которого был Н. Насимович (Чужак). Журнал издавался сначала во Владивостоке, где вышло шесть его номеров, а с 1921 года – в Чите, как административном центре ДВР. В Чите вышел его последний, седьмой номер. Во владивостокской газете «Голос Родины» фельетонист Стилет писал о ЛХО:

В ЛХО есть Балаганчик,
Неизбежный футурист,
Там «ура» кричит болванчик,

Член правления гимназист.

Там поэтов, музыкантов
И художников приют,
Им на конкурсах талантов
Поощренья раздают ...²⁷⁰

В Харбине в 1921 году ненадолго возникла студия «Кольцо», тоже футуристического направления, которой руководили поэт С. Алымов и художник Гушин. Заслуга этой студии состояла в том, что она впервые выпустила в Харбине большой журнал «Окно», о котором упоминалось выше.

В конце 1921 года в Харбине было основано Общество писателей и журналистов, просуществовавшее до начала 1923 года. Это было непрофессиональное объединение. Членами его могли стать все интересующиеся литературой. Этим обществом еженедельно по четвергам устраивались доклады на литературные темы, после чего велось обсуждение прочитанного. Особой оживленностью отличались прения между сторонниками старой, классической литературной традиции и так называемыми «новаторами». Вскоре к работе общества была привлечена группа профессоров: Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов, Л.К. Зандер, Е.Х. Нилус. Из литераторов в работе участвовали: Николай Алл (настоящая фамилия – Дворжицкий), Сергей Алымов, М. Арнольдов, Т. Баженова, С. Гусев-Оренбургский, В. Март (Матвеев), Ф. Камышнюк, Е. Росс, С. Скиталец (Петров) и другие. Со многими из названных выше Вс.Н. Иванов был хорошо знаком, сотрудничал в газетах, вместе занимался общественной деятельностью. Судьбы многих из них сложились драматически.

Николай Алл (Дворжицкий) в начале 1920-х годов жил в Харбине, где издал сборник своих стихов «Ектенья» (Харбин, 1923), редактировал литературно-художественный еженедельник «Дальневосточный огонек», «Русский голос». В 1923 году, после развода с женой, уехал в США, где редактировал «Русскую газету», сотрудничал в «Новом русском слове», принимал участие в работе Кружка русских поэтов в Америке. Иногда присылал свои публикации для харбинского «Рубежа». Его дочь, Алла Дворжицкая (свой псевдоним Николай Дворжицкий образовал от имени дочери), стала известной в Харбине писательницей. Ее рассказы

²⁷⁰ Чернолуцкая Е.Н. «Феникс» восстает из забвения // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 201.

публиковались в «Рубеже». Один из ее рассказов, «Солнечный удар», был напечатан в 1939 году (№ 37). На склоне своих лет, осознав свою неправоту по отношению к отцу, пытавшемуся восстановить с дочерью родственные отношения после развода с женой, она напишет статью «Прости меня, отец: о поэте Дворжицком Н.Н. (Н. Алл)». Статья была опубликована газетой «На сопках Маньчжурии», выходящей в Новосибирске (1997. № 41).

Венедикт Март (Матвеев) родился в 1896 году в семье, которая подарила России и русскому зарубежью таких поэтов, как его отец Николай Петрович Матвеев-Амурский, который был к тому же известным публицистом, краеведом, почетным гражданином Владивостока, издателем, редактором газеты «Приморский край», иллюстрированного еженедельника «Природа и люди Дальнего Востока». А его сын, Зангвильд Матвеев, поэт, переводчик, профессор Питтсбургского университета, получил широкую известность как поэт Иван Елагин. Племянница Венедикта Марта, Новелла Матвеева, тоже стала поэтом. У этой семьи была давняя и священная связь с Японией. Их отец родился в Хакодате. В 1940-м году он умер в Японии, куда уехал в 1919 году вместе с сыновьями Глебом, Михаилом, Анатолием. В разные годы в Японии бывали Венедикт и его сестра Зоя. Первая книга стихов «Порывы» Венедикта Матвеева вышла в 1914 году под псевдонимом «Венедикт Марьин» в типографии его отца во Владивостоке, а редактировал ее сам автор. Вышедшая в 1917 году вторая часть этой книги представляет собой переводы с японского и оригинальные стихи в стиле и традициях японской поэтики. Интерес к странам Востока: Японии, Китаю, Корее – был традиционным для этой семьи, как и для многих других деятелей дальневосточного зарубежья. Не случайно поэт взял себе в качестве псевдонима роковое слово «Март», через корень ассоциирующееся со словом «смерть». Поэта притягивал черный цвет. Это нашло отражение в названиях его отдельных стихов («Черная тщета», «Черная, грозная ночь»), а порой и целых сборников («Черный дом»). В далеком от нас 1923 году С. Алымов, собрат В. Марта по перу, также находившийся под влиянием футуристов, написал целую статью о нем, назвав ее «Правнук Виллона (О Венедикте Марте)». В настоящее время эта статья переиздана новым «Рубежом»²⁷¹. В 1927 году В. Март вернулся в СССР, где в 1928 году был арестован и сослан в Саратов. А в 1937 году В. Март был вновь арестован и расстрелян. Иван

²⁷¹ Рубеж: Тихоокеанский альманах// Владивосток. 1992 – 1999. № 3. С. 229.

Елагин посвятил своему отцу, В. Марту, много произведений. Он не простил сталинскому режиму безвинной гибели своего отца. В одном из своих произведений, поэме «Звезды», он запечатлел арест В. Марта:

Рукописи, брошенные на пол,
Каждый листик – сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало, комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда ...²⁷²

Сталинские репрессии, ссылки, лагеря и расстрелы ожидали многих вернувшихся на Родину эмигрантов, и было совсем не важно, откуда они приехала, с Востока или с Запада. В своей автобиографической поэме «Личное дело» Иван Елагин художественно воссоздал трагедию будничного «изъятия» человека из жизни силой системы, государства:

И пропал он, как в дыму,
На заре в июле,
И дыхание ему
Задержали пулей.
Брось на клочок бумаги взгляд,
Только зубы стисни.
Прочитай, как был изъят
Гражданин из жизни²⁷³.

Федор Леонтьевич Камышнюк ребенком был привезен в Харбин родителями в 1903 году. Живя с шести лет в Харбине, он в совершенстве знал китайский язык, был хорошо знаком с образцами китайской классической поэзии, делал талантливые переводы. Литературной работой стал заниматься с 14 лет. В 1918 году в Харбине вышел первый сборник его стихов «Музыка боли», в котором критика сразу почувствовала «болезненно-мистическую концепцию его творческих исканий»²⁷⁴. Критика отмечала его, родственное с Блоком, миропонимание «жестокой»,

²⁷² Гребенюкова Н. Венедикт Март: Прочитай, как был изъят человек из жизни // Рубеж. Владивосток. 1998. № 3. С. 224.

²⁷³ Гребенюкова Н. Венедикт Март: Прочитай, как был изъят человек из жизни // Рубеж. Владивосток. 1998. № 3. С. 224.

²⁷⁴ Лель. Поэт Ф.Л. Камышнюк // Вал. Харбин. 1922. № 4. С. 14.

«Черным безумцем» созданной, балаганной шутки жизни»²⁷⁵. Красной нитью через все творчество Камышнюка проходит ощущение болезненной надломленности души социальными катаклизмами. Вторая книга его стихов должна была выйти в Берлине под названием «Вино мгновений» в середине 20-х годов. В 1927 году Камышнюк уехал в СССР, и дальнейшая его судьба неизвестна.

В 1922 году по инициативе Комитета старшин при харбинском Коммерческом собрании был основан Литературно-художественный кружок, целью которого было оживить деятельность Собрания путем устройства литературных вечеров, спектаклей, концертов, студий, издания органа печати. Председательствовал в кружке М.Э. Гильчер, Е.Х. Нилус был товарищем председателя, А.Л. Гальперин был назначен казначеем, Э.Л. Меттер заведовал музыкальной секцией, Н.И. Сусанин – драматической, Е.Л. Осовская – балетной, заведующим литературной секцией был С.И. Гусев-Оренбургский. С докладами или чтением своих произведений на собраниях кружка выступали С.И. Гусев-Оренбургский, С.Г. Скиталец (Петров), Ф.Л. Камышнюк, Т. Баженова, проф. Н.В. Устрялов, В.Я. Ротт и другие. В 1923 году в Харбине кружком были выпущены литературный сборник «Сунгарийские вечера» и книга рассказов Н. Орлова.

Еще до закрытия Харбинского Кружка искусства, науки и литературы «Чураевка», с начала 1932 года о себе заявил Кружок любителей искусства и науки (КЛИН). Этим кружком в феврале 1933 года в Харбине был издан литературно-научный журнал «КЛИН» со стихами, рассказами и статьями Н. Злотниковой, Ф. Юхвиц, Н. Шварцбурга.

После закрытия «Чураевки» в Харбине начали свою творческую работу сразу несколько кружков и объединений. В Харбине в 1938 году при Студенческом клубе колледжа Христианского союза молодых людей был основан Кружок литературы и искусства. Руководители Кружка избирались ежегодно из числа студентов колледжа. Кружок дважды в месяц устраивал собрания, на которых зачитывались доклады на темы литературы и искусства с последующим обменом мнений, также проходили авторские чтения стихов, рассказов. В программу входили декламации, вокальные и музыкальные выступления, литературные обсуждения и художественные выставки.

В том же 1938 году при харбинском Монархическом объединении был основан Литературно-художественный кружок, который устраивал

²⁷⁵ Там же.

собрания с докладами о русской литературе и авторскими чтениями. Драматическая секция кружка ставила спектакли. Председателем кружка был В.А. Морозов, участники – М.П. Шмейсер и другие. 15 октября 1939 года в честь 125-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова кружком была устроена выставка «Лермонтов и его время». В 1939 году кружковцами был выпущен «Весенний сборник», на 64 страницах которого были помещены рассказы, очерки и стихи членов кружка.

В литературной и культурной жизни Харбина, как и в других местах русского рассеяния, большим событием были Дни русской культуры, приуроченные к Дню рождения А.С. Пушкина. Впервые Дни русской культуры, посвященные памяти А.С.Пушкина, прошли в 1921 году в Петрограде, в них приняли участие А. Блок, Н. Гумилев, А. Ахматова. С 1925 года такие празднования стали проходить в русском зарубежье на западе, а с 1930 года – в Харбине.

В течение 1930 – 1939 годов к этому дню выходила однодневная газета, имевшая целью показать достижения эмиграции в развитии русской культуры, способствовать укреплению национального самосознания и наметить пути дальнейшей культурной работы. Культура, литература были той сферой, которая поддерживала русских людей в их лучших чувствах и нравственно-патриотических традициях. В то же время она давала выход их незаурядным творческим возможностям. Начиная с 1930 года, в Харбине ежегодно, до начала второй мировой войны, издавался сборник «День русской культуры». В этом сборнике 1930-го года была опубликована статья Вс. Иванова «Усиление русской жизни», в которой он размышляет о главных ценностях в жизни русского человека: о русской природе, русском быте, православии, подкрепляя свои суждения реминисценциями из К. Леонтьева и М. Лермонтова. Он пишет о русской музыке, живописи, литературе, русских песнях и русской истории. «Это – русские незыблемые якоря. Это – алмазны национальнoй веры. Это – устойчивые факты нашей души», – резюмирует автор статьи²⁷⁶. Вс. Иванов подводит читателя к органическому выводу о том, что только русская культура, и она одна, призвана усилить русскую жизнь, прежде всего русскую жизнь в эмиграции.

²⁷⁶ Иванов Вс. Усиление русской жизни: Статья // День русской культуры: Сборник. Харбин, 1930. С. 14.

В таком же сборнике за 1931 год была опубликована статья Вс. Иванова «Сущность русской культуры». Активное участие Вс. Иванова в издании «День русской культуры» отражает его внутреннюю духовную целеустремленность к одной-единственной цели – к России.

В 1934 году в Дне русской культуры, проходившем в Харбине, принял участие Н.К. Рерих, а сборник 1934 года «День русской культуры» опубликовал его статью «Оружье света». Имя Пушкина было духовно-нравственной опорой и ориентиром для русской эмиграции, как на востоке, так и на западе. А.С. Пушкин своим примером творческого и гражданского служения России продолжал жить в изменившихся социально-политических обстоятельствах, с ним сверяли свою жизнь многие поколения русских эмигрантов. В годы Великой Отечественной войны тема Пушкина созвучно драматизму времени возникла в стихотворении харбинской поэтессы Елизаветы Рачинской, опубликованном в сборнике «У родных рубежей» (Харбин, 1942):

Пушкин

Вникаю в смысл неторопливых строф.
Как тон их верен, строг и полнозвучен ...
И дивный ритм магических стихов
Душе моей таинственно созвучен.

Как был велик его мятежный дух:
Сто лет прошло – а песнь не отзвучала,
И так же все тревожит смертный слух
И шевелит в душе бессмертное начало.

Но никогда я позабыть не мог,
Что этот гений, вольный и могучий, –
Был человек ... и тяжело одинок,
Любил, страдал и жизнью был замучен²⁷⁷.

Создавая культуру в лучших национальных традициях, сверяя ее с вершинными творениями русских классиков, и прежде всего А.С. Пушкина, русская дальневосточная эмиграция несла ее в страны востока, способствуя взаимопроникновению и сближению двух культур и двух цивилизаций – западной и восточной.

²⁷⁷ Рачинская Е. Пушкин: Стихотворение // У родных рубежей: Сборник. Харбин, 1942. С. 113.

С началом Великой Отечественной войны атмосфера внутренней жизни российских эмигрантов в Харбине изменилась. Чувство нависшей над Россией опасности усилило патриотические настроения в среде эмигрантской творческой интеллигенции, которая прежде была настроена антисоветски. Многочисленные литературно-художественные кружки пересмотрели и укрепили свои позиции в деле воспитания подрастающего поколения россиян на основе гуманистических традиций русской литературной классики. 1941 год в Харбине прошел под знаком Лермонтова. Это был юбилейный Лермонтовский год, который переступил через границы календаря многочисленными вечерами, собраниями, выступлениями творческой интеллигенции. Женский кружок при Коммерческом собрании посвятил поэту свою очередную «Среду» 21 января 1942 года, рассмотрев на ней вопрос о роли женщины в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. На заседании был заслушан доклад Е.Г. Тайтуровой «Лермонтовское «я» и женщины в его жизни».

Литературно-художественный кружок имени Н.А. Байкова своей очередной «Четверг» 22 января 1942 года посвятил памяти Н.А. Некрасова, по случаю 65-летия со дня кончины писателя. Председатель кружка Н.Н. Петлин выступил с докладом о творчестве Некрасова и созвучности взглядов поэта современной эпохе. Затем была представлена обширная программа из произведений Н.А. Некрасова. Специально к этому дню была написана инсценировка из «Русских женщин», была продекламирована «Орина, мать солдатская», а также исполнены песни и романсы на стихи Н.А. Некрасова.

23 марта 1942 года Литературно-художественный кружок имени Августейшего поэта К.Р. посвятил свой «Понедельник» 90-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. Доклад «Гоголь и Россия» прочел Г. Г. Сатовский-младший. К этому памятного дню была приурочена статья Н. Резниковой «Н.В. Гоголь», опубликованная в харбинской «Заре» (№ 62). Автор статьи утверждает, что нет более трагической фигуры в истории мировой литературы, чем Гоголь. «Невидимые миру» слезы великий творец, фантаст проливает не из-за причин общественно-политического порядка. Скорбь писателя – это скорбь и отчаяние высшего метафизического порядка. А его фантастика стала результатом особого мироощущения, которое заключало в себе убежденность в неверности предметного мира, преисполненного хаоса. Это мироощущение звало Гоголя в другой мир, зовы которого побуждали его скитаться по всему миру. Ужас перед

всесильным злом не переставал терзать писателя, находя свой выход в его художественных произведениях. Данная трактовка личности и подход к творчеству Н.В. Гоголя может представлять интерес для современного исследователя наследия писателя.

В 1942 году в Харбине был создан еще один Литературно-художественный кружок, Кружок имени генерала П.Н. Краснова. Его создатели ставили перед собой задачу национального воспитания русских детей и удовлетворения культурных потребностей русской молодежи. При Кружке работали четыре секции: Религиозно-нравственная, Литературно-образовательная, Театральная и Дамский кружок.

Как констатировала харбинская «Заря» в одном из январских номеров за 1942 год (№ 16), «пушечный гром мировой войны не нарушил культурной жизни русской эмиграции в благодатной Маньчжурии». Напротив, культура стала противовесом распространяющемуся по всему миру хаосу. Этому в немалой степени призван был содействовать большой литературно-поэтический конкурс, организованный Главным Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи при содействии местной Ниппонской военной Миссии и других учреждений. Условия конкурса были расширены по сравнению с первым поэтическим конкурсом, который прошел в 1941 году. «Скромная беленькая книжка, явившаяся результатом первого поэтического соревнования, не будет забыта, – утверждали организаторы конкурса, – в истории культурной жизни Харбина, а может быть, и вообще эмиграции»²⁷⁸. Вторым конкурсом стал своеобразным смотром эмигрантских литературных сил на востоке Азии и способствовал выявлению новых талантов. В этом конкурсе могли принять участие поэты и литераторы, живущие не только в Харбине, но и в других городах русского рассеяния. Устроители конкурса считали, что именно Харбину, где русская культура пустила прочные корни, суждено стать «последним культурным оазисом русского зарубежья, распространяющим свое влияние далеко за пределы Маньчжу-Ди-Го, на всю восточноазиатскую эмиграцию»²⁷⁹. Харбин имел для этого все основания. Здесь сохранилась русская культурная атмосфера и национальная среда, дающая возможность молодому поколению эмиграции жить, учиться, работать, не теряя своей «русскости». Русские поэты и литераторы имели в Харбине возможность заниматься своим любимым

²⁷⁸ Д.Н. Литературное соревнование // Заря. Харбин. 1942. № 34. С. 6.

²⁷⁹ Там же.

делом и реализовывать себя. Здесь была публика, способная оценить их творчество, которая не утратила вкус и слух к художественному слову.

В годы второй мировой войны Харбин стал более заметным из центров русской эмиграции, прежде пережив несколько высокомерно-амбициозное, не всегда доброжелательное отношение к себе со стороны эмигрантского Парижа. Париж, усвоивший от старого Петербурга манеру смотреть на провинцию свысока, как на какое-то убогое захолустье, переставал в годы второй мировой войны играть роль культурного центра всего русского зарубежья. Волею судьбы Харбин из эмигрантского захолустья превратился в один из немногих уцелевших в огне войны культурных центров русского зарубежья. Конкурс призван был восстановить историческую справедливость в отношении литературы дальневосточного зарубежья, которую эмигрантская литературная критика, существовавшая преимущественно в Париже, замалчивала или не уделяла ей должного внимания, не признавая за большей частью русских писателей права на самостоятельный выбор и самоопределение в творчестве. Тем самым искажалась реальная картина развития русской литературы за рубежами Отечества, многие ее течения оставались неизвестными эмигрантской читательской публике.

Этому конкурсу принадлежала важная миссия выявить в эмигрантской литературе красочную своеобразную жизнь восточной эмиграции, заметно отличавшуюся от западной. Вместе с тем конкурс призван был познакомить русского читателя с восточноазиатскими странами, о которых до эмиграции россиянам было мало что известно.

Объявив в 16-м номере условия конкурса, харбинская «Заря» в 80-м номере уже подвела его итоги. В работе жюри активное участие приняли известные писатели Н. Байков и А. Ачаир. Больше всего премий было вручено за поэтические произведения. По отделу героической поэзии 1-я премия была вручена В. Обухову за «Повесть о Пскове», 2-я премия – Г.Г. Сатовскому-Ржевскому-младшему за стихи «Подвиг», 3-ю премию получил А. Несмелов за стихотворение «Тральщик-китобой», стихотворение М. Шмейссера «Русский штык» было удостоено 4-й премии. По отделу лирической поэзии 1-я премия была присуждена В. Перелешину за стихотворение «Возвращение», 2-я премия – Ф. Дмитриевой за «Колыбельную». 3-ю премию получила Е.Ф. Даль за стихотворение «Вторая родина», а 4-я была вручена поэтессе из Тяньцзина А. Серебренниковой за стихотворение «Зимней ночью». Первой премии за

прозаические произведения жюри не присудило никому. Второй премии был удостоен рассказ Б. Юльского «Таежная сказка», третью премию получила Г.В. Морозова за рассказ «В белой церковке». И еще четыре прозаика были отмечены поощрительными премиями: И.А. Куклин за рассказ «Беженцы», И.Н. Волков за рассказ «Смерть Димы Прилуцкого», Н.Н. Петлин – за рассказ «Перед алтарем Текри», В.П. Ведерников – за рассказ «Золотые миражи». Как показывали итоги конкурса, поэзия преобладала и в количественном выражении, и в качественном.

Второй конкурс выявил фаворитов литературы дальневосточного зарубежья, потому что имена победителей Первого конкурса, проведенного годом раньше, вновь вошли в призеры. По отделу героики первые места тогда заняли: Арсений Несмелов, Елена Даль, Василий Обухов; а по отделу лирики: Михаил Шмейссер, А. Баришевский, Алексей Ачаир.

В условиях эмиграции, в чужой языковой среде развитие русской литературы опиралось на творческий потенциал российских эмигрантов, на крепкую материальную, издательскую базу, на имеющиеся возможности донести написанное до массового читателя-соотечественника. Без этого прочного союза невозможна жизнь литературы. Харбин мощно наращивал свой издательский опыт, который в период 1919-1923 гг. может быть сравним только с берлинской инициативой создания русской периодики. В.А. Розенберг в статье «Русская зарубежная периодическая печать» приводит статистические данные, сравнивая между собой Харбин и Берлин: в 1920 в Харбине – 18 периодических изданий, в Берлине – 10; в 1921 в Харбине – 14, в Берлине – 14; в 1922 в Харбине – 23, в Берлине – 22

280

На рубеже 1920-х годов в Харбине стали выходить газеты: «Маньчжурия: ежедневная общественно-политическая газета» (1918, редактор – П. Ровенский); «Вестник Маньчжурии: ежедневная газета, посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессионально-трудовой жизни» (1919, редактор – Н.А. Стрелков, затем – И.А. Добровольский); «Заря: ежедневная газета» (1920, редактор – М.С. Лембич; «Маньчжурия: ежедневная внепартийная демократическая газета» (1920, редактор – Н.П. Штейнфельд); «Новости жизни: ежедневная политическая, общественная, литературная и торгово-промышленная

²⁸⁰ Розенберг В.А. Русская зарубежная периодическая печать // Русская зарубежная книга. Прага. 1924. № 1. С. 223.

газета» (1920 – 1927, редактор – И.Ф. Брокмиллер, затем – С.Р. Черняховский); «Русский голос: ежедневная газета» (1920 – 1921, редактор-издатель – С.В. Востротин); «Сибирская жизнь: ежедневная экономическая, общественная, литературная, политическая газета» (1920). В начале 1920-х годов в Харбине открылись газеты: «Свет» (редактор – Г. Сатовский-Ржевский) и «Рупор» (издатель – Е.С. Кауфман). Газета «Рупор» на несколько лет стала конкурентом «Зари» М.С. Лембича, который позднее откроет еще две «Зари»: в Шанхае и Тяньцзине. К 1931 году М.С. Лембич добьется того, что почти все газеты Харбина, за исключением «Гун-Бао» («Общественная газета») и японской «Харбинское время», будут принадлежать ему. Японцы предпринимали неоднократные попытки вытеснить М.С. Лембича из газетного бизнеса, но безрезультатно. После смерти Лембича его вторая жена, Ольга Викторовна, довела существование газеты «Заря» до конца второй мировой войны.

Журналистская деятельность Вс. Иванова 1920-х годов была тесно связана с самой богатой в Харбине русскоязычной газетой «Гун-Бао», которую издавали, как это не странно, китайцы. Предыстория этой газеты достаточно интересна. Газета «Гун-Бао» появилась предположительно в середине 20-х годов, была преемницей китайского официоза «Юань-дун-бао» («Дальневосточная газета») и выходила на китайском языке. Но задумана была эта газета как двуязычная. Поэтому параллельно с «Гун-Бао» на китайском языке стала выходить и одноименная газета на русском языке. «Гун-Бао» было одним из самых распространенных названий китайских газет. Почти в каждом китайском городе была своя «Гун-Бао». Кстати, в Шанхае выходила «Да-гун-бао» («Большая общественная газета»). Идея создания русскоязычной «Гун-Бао» принадлежала Араму Мелику-Вартаньянцу, умному коммерсанту, который стал ее первым редактором, проявив себя при этом как человек властный и вспыльчивый. Содержал же газету китайский чиновник Гуань Хун-и, который был все время существования газеты ее директором. «Гун-Бао» разместились в одном из домов на Офицерской улице, где прошли детские годы Ю. Крузенштерн-Петерец, дочери офицера Первого Заамурского Конного полка.

Юстина Крузенштерн-Петерец (1903 – 1983), известная в дальневосточном зарубежье журналистка и поэтесса («Стихи», Шанхай, 1946), в 1929 – 1930-м годах работала в «Гун-Бао», когда там редакторствовал Вс. Иванов. После войны она уехала в Сан-Франциско, где

редактировала газету «Русская жизнь». Когда журналистке исполнилось 78 лет, она начала писать свои «Воспоминания» об эмигрантском периоде жизни. «Воспоминания» Ю. Крузенштерн-Петерец, как и весь ее архив, хранила подруга, тоже поэтесса дальневосточного зарубежья, Мария Визи (М.Г. Туркова). В 1997 году литературно-исторический ежегодник «Россияне в Азии» (Торонто) начал публикацию «Воспоминаний» Ю.В. Крузенштерн-Петерец, в которых немало внимания уделено Вс. Иванову. Конечно, это личные, субъективные оценки и взгляды, но они представляют необыкновенную ценность и значимость в условиях почти полного вакуума конкретно-жизненной, бытовой информации об эмигрантском периоде жизни и деятельности Вс. Иванова.

Эти «Воспоминания» позволяют с большей долей достоверности определить время работы Вс. Иванова в газете «Гун-Бао». Это 1927 – 1932 годы, с небольшим перерывом, когда «к концу 1930 года Гуань поссорился с Ивановым, доставлявшим ему слишком много хлопот и кутежами, и «редакционными выходками»²⁸¹. Китайская полиция несколько раз даже приглашала Иванова, как редактора, в участок «поговорить и посидеть», но умиротворяющие разговоры не имели особого воздействия, и полиция штрафовала газету. Гуаню надоело платить эти штрафы, и он уволил Иванова, пригласив к себе на работу вернувшегося из Европы Мелика-Вартаньянца. В 1932 году по приглашению Гуаня Всеволод Никанорович недолго снова служил в газете, хотя «уже не столько по приглашению, сколько по принуждению». Как пишет Ю. Крузенштерн-Петерец, «к чести его (Иванова – С. Я.) следует все-таки сказать, что от японцев его скоро затошнило, он уехал в Тяньцзин, а потом в Шанхай»²⁸².

Добрая половина статей из книги Вс. Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932), составленной из газетных публикаций самим автором, впервые увидела свет на страницах газеты «Гун-Бао» в период 1927 – 1931 гг. Возможно, Иванов не сразу стал редактором этой газеты, но, как отмечает Ю. Крузенштерн-Петерец, «летом 1929 года, когда я поступила в газету, редактировал ее уже добродушный, талантливый и беспутный кутила Вс. Иванов»²⁸³. До Иванова газету редактировал, кроме Мелика Вартаньянца, Г. Сатовский-Ржевский, до того бывший редактором

²⁸¹ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.80.

²⁸² Там же. С. 78.

²⁸³ Там же. С. 69.

газеты «Свет», многочисленные свои статьи из которой Вс.Иванов тоже включил в названную выше книгу.

Яркие впечатления от встреч с Вс. Ивановым сохранились у Ю. Крузенштерн на долгие годы. «Первое, чем поразил меня Иванов, был его колоссальный рост, вероятно, целая сажень, при необъятнейшей толщине. Когда он вставал с кресла, то в полном смысле этого слова стягивал его с себя. <...> Ему было в то время лет тридцать семь. По виду это был типичный мужик – великан, ростом чуть ли не семи футов, необъятнейшей толщины, а весом и сказать не берусь сколько. Обжора, кутила, ругался артистически на нескольких языках, но без злости – весельчак был тогда»²⁸⁴. В Харбине, как и во Владивостоке, а еще прежде в Омске, Вс. Иванов был очень плодовитым журналистом, самозабвенно отдававшимся своему любимому делу, к которому у него, безусловно, был большой природный талант. Однако административная и творческая деятельность, соседствуя, уживались в нем трудно. Хорошо знавшая степень талантливости Вс. Иванова одна из его коллег-журналистов много позднее отмечала с горечью: «Позднее вчитываясь в его вещи более внимательно, я с грустью увидела, что этот человек (Иванов Вс.Н. – С. Я.) никогда не работал во всю свою силу, что умение его далеко отставало от размаха. Что он всегда что-то недодумывал, не доделывал до конца, что он как-то никогда не мог вмять ни в статью, ни в книгу нагруженных им на себя знаний, а чего только он не знал, питомец петербургского и гейдельбергского университетов: история всех эпох, Платон, гностики, Вольтер и Лосский, Шекспир и Конфуций, богословие, латынь, китайский»²⁸⁵. Коллеги и современники этот талант замечали, более того, понимали, что обстоятельства жизни и времени мало способствуют его полной реализации. На примере судьбы одной творческой личности Ю.В. Крузенштерн-Петерец верно уловила драматический характер эпохи, наложившей свою печать на судьбы многих русских эмигрантов. Эти обстоятельства предопределили невосполнимые потери не только личного, но и национального масштаба. Коллега Иванова дала высокую оценку его журналистским способностям и человеческим качествам, которые создавали атмосферу свободы и творчества в руководимой им газете. «Талант его тогда цвел пышным цветом, особенно хороши были его

²⁸⁴ Там же. С. 71.

²⁸⁵ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.70.

подвальные статьи, написанные чудесным русским языком – вкусным, сдобным, чуть-чуть сыроватым языком московской просвирни. Он был в то время известен не только на востоке»²⁸⁶. Иванова из «Гун-Бао» знали в те годы и в Москве. Неординарную известность он снискал себе в связи с тем, что имел дерзость послать в Москву на отзыв отдельный оттиск своих статей о Ленине. Одна из статей Вс. Иванова о большевистском вожде под заголовком «Ленин» была опубликована в харбинской газете «Свет» в 1924 году после получения известия о его смерти и затем включена автором в сборник его статей «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932), но по каким-то причинам составители современного издания этого сборника статей Вс.Н. Иванова статью о Ленине исключили из издания²⁸⁷. За журналистскую дерзость Иванов был отмечен «длиннющим писанием» в свой скромный адрес советским публицистом М. Кольцовым, который разразился гневной статьей в газете «Правда» от 27 ноября 1928 года. В ней М. Кольцов отметил: «Иванов сознательно направляет свои строки не к заграничному, оскудевшему деньгами, волей и чувствами эмигранту... Он ищет другого читателя внутри нашей страны ... <...> Харбинский Иванов прокладывает новые пути. Он нащупывает рынок с другой стороны. Он учитывает реальные обстоятельства ... Брошюрку с портретом Ленина на обложке можно было спокойно держать на столе и даже в учреждение принести и, хихикая, прочесть с сослуживцами ...»²⁸⁸. Всеволод Никанорович остроумно парировал иронические выпады М. Кольцова:

– Ах, Иванов из «Гун-Бао», – пишет Кольцов, – где же вы были раньше?.. Догадайся вы насчет «неслыханных прибылей», убеди вы «молодых русских капиталистов» – чего доброго, оскандалился бы Маркс со своими теориями, не нужен был бы Ленин ...

– Ах, господин Кольцов из «Правды», – скажу я, – вашими словами говорит сама истина. Скажите, пожалуйста, положи руку на сердце, если оно еще у вас осталось и не заменено партбилетом, – скажите, а разве вот Маркс не оскандалился по всей Европе именно поэтому? Разве там не обошлось превосходнейшим образом без Ленина? <...> А вот мы не обошлись. И вот в этом есть некоторый род исторической

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991.

²⁸⁸ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 213.

обреченности»²⁸⁹. Статья Иванова «Письмо в Москву» явилась не простым политическим ответом оппонентам, чтобы, как пишет автор, «соблазнить» одного из ваших малых, над которыми вы куражитесь, заткнув им рот; ее смысл и цель заключались в том, «чтобы отметить некоторую степень объективной истины»²⁹⁰. Это «Письмо...» свидетельствует о непоколебимости веры Вс.Н. Иванова в величие духа и здравый смысл русского народа. Оно продиктовано желанием для своей страны не «экспериментов в планетарном масштабе», а строительства «действительной, спокойной мирной жизни, трудовой, равной, культурной ... И Ленин, – продолжает Иванов, – исторически нужен был для того, чтобы русский народ оценил необходимость правильности былого устройства государства и пришел к выводам, отмеченным вашим совпоэтом:

Кто так страдал – имеет право
У тихой речки отдохнуть ...²⁹¹

Находясь за границей, Вс.Н. Иванов не порывал связей с Родиной. Всем своим существованием он оставался слитным с Россией, со своим народом, не переставая испытывать боль и отчаяние за них. Иванов прямо и открыто заявляет о своих побудительных мотивах, внутренних пружинах своего писательского и журналистского труда, как и труда многих других русских писателей, находящихся в то время в эмиграции: «Мы, зарубежные писатели, никак не можем понять священности ваших прав на то, чтобы скакать вам одним по просторам российским и проповедовать то, что не лезет ни в какие ворота. И мы тоже хотим попасть на российскую территорию, и уже проповедовать то, что само лезет в любые мужичьи ворота. Должно, должно быть покончено с монопольностью вашей проповеди! И будет покончено, будьте покойны»²⁹². М. Кольцов зло и саркастично, следуя логике рассуждений Вс. Иванова, высказывает невероятное, с его точки зрения, предположение, которое было подтверждено ходом исторического развития: «Очевидно, согласно объективного хода вещей понадобится новый Ленин, который будет более объективен в свойствах русской души и создаст новый православный,

²⁸⁹ Там же. С. 215.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 216.

²⁹² Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М.: Сов. писатель, 1991. С. 214.

всенародный Октябрь»²⁹³. Иванов пророчески писал в далеком 1928-м году о том, что произошло только к концу XX века: «Что же, Русь состоит из Ивановых. <...> Да, это шевелятся Ивановы, сотни, тысячи, сотни тысяч, миллионы Ивановых ... И поверьте мне, они теперь знают, что они хотят, эти Ивановы, и будет время – они прорвут вашу плотину»²⁹⁴.

К началу 1930-х годов относится выход в свет книги статей и очерков Всеволода Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932), составленной автором из своих публикаций 1920-х – начала 1930-х годов в газетах и журналах Владивостока и Харбина. В предисловии к ней Иванов определяет место и роль журналиста в тех исторических событиях: «Наша страна Россия в настоящее время переживает великий исторический опыт, а следовательно, – этот опыт переживает и каждый из нас. И настоящая книга представляет собою как бы лабораторный журнал этого опыта, который велся мною по долгу журналиста и наблюдателя»²⁹⁵. Здесь же автор выражает свое отношение к тому, о чем писал на протяжении последних десяти лет в различных периодических изданиях. Очеркист не претендует на признание абсолютной истины во всех своих суждениях и не боится признаться, что на многие вещи жизнь заставила взглянуть по-новому, что в чем-то заблуждался. «Знаю, – пишет он, – много в ней (в книге – С. Я.) разрозненных заметок, неполных наблюдений, догадок, которым не суждено найти подтверждения, но, может быть, кое-что подсмотрено и отмечено из природы души русского государства. Больше же всего верю, что только соединенными силами русской, свободной от партийных и традиционных шор мысли, наконец, удастся найти и осмыслить разгадку того огромного исторического явления, которое носит имя – РОССИЯ, чтобы сознательно идти по путям ее из того тумана, который окутал нас, русских, на первой четверти двадцатого века...»²⁹⁶. В приведенных словах – весь смысл и тайный нерв творчества писателя, мыслителя и журналиста Иванова. Во всем дойти до сути, отбросив надуманные условности и соображения конъюнктуры, вырвавшись из-под власти довлеющих обстоятельств, – таким предстает Иванов как автор этой книги. О чем бы ни писал он всегда и на все имел свой собственный взгляд, часто необычный, выходящий за привычные рамки. Произведения,

²⁹³ Там же. С. 217.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. 368 с.

²⁹⁶ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С. 4.

включенные им в сборник «Огни в тумане», почти все явно или потаенно полемичны по отношению к окружающему миру, пронизаны неприятием его отталкивающих сторон, апеллируют к высшей справедливости и правде.

В этом сборнике наряду с раздумьями автора об исторических путях России, о роли русской интеллигенции в поисках исторической истины представлены чрезвычайно интересные очерки-портреты видных политических и исторических деятелей эпохи как военных, так и гражданских лиц (очерки: «Адмирал Колчак», «Ленин», «Генерал Пепеляев», «Семеновщина», «Шульгин на аэроплане», «Проф. Д.В. Болдырев», «Вас.Фед. Иванов», «Столыпин» и другие).

Литературный стиль очерков отличается, по верному замечанию критики русской эмиграции, «стремлением к эффектной риторике», что было продиктовано остротой поднимаемых автором проблем нравственно-философского характера. Известный в дальневосточном зарубежье писатель, переводчик и критик М. Щербаков писал об этом сборнике Вс. Иванова: «... нас больше интересует эта умная книжка с художественной стороны, ибо даже в области публицистики Вс. Иванову удается в большинстве статей оставаться прирожденным художником слова по образности и сочности своего письма, и удачно избегать примелькавшегося шаблонно-штампованного газетного жаргона»²⁹⁷. Книга очерков Вс. Иванова была замечена русской литературной эмиграцией и на западе. Известный литературный критик Парижа Г. Адамович откликнулся на журналистский труд Иванова своей рецензией²⁹⁸. Особую ценность и значимость для дальнейшего творчества писателя-историка представляют его очерки 1920-х – начала 1930-х годов на темы русской истории, истории далекой и тогда еще совсем близкой автору, к которой он сам успел прикоснуться. Это такие очерки, как «Даниловичи», «Оправданный Аввакум», «О судьбах еврейства», «Во что обошлась русская революция». Из исторических фигур Иванова всегда привлекали натуры сильные, творческие, способные вырваться из-под власти обстоятельств, пойти на протест, отстаивая свои убеждения. «Мы хотим познать самих себя!» – вот как сам писатель объясняет причины своего погружения в историю и обращения к ее отдельным представителям. Воссоздавая лики истории,

²⁹⁷ Щербаков М. Вс. Иванов. «Огни в тумане: Думы о русском опыте». Харбин, 1932 // Врата. Шанхай. 1934. Книга 1. С. 199.

²⁹⁸ Адамович Г. «Огни в тумане» Вс. Иванова // Последние новости. Париж. 1932. 28 января. С. 3.

автор очерков размышляет о судьбе своих современников, он словно зажигает огни, призванные мощным светом из глубины веков рассеять туман современности, помочь обустроить жизнь на разумных и духовных началах.

Очерк Вс.Н. Иванова «Даниловичи (Из цикла исторических)» был опубликован в харбинской газете «Гун-Бао» в 1930 году. События, о которых повествует очеркист-историк, охватывают большой период из жизни Москвы и Московского княжества от времен правления Александра Невского и его сыновей до ухода с исторической арены последнего представителя царского рода Рюриковичей, Василия Ивановича Шуйского. Автор не просто перелагает историю, он дает свою трактовку тех далеких событий, извлекая уроки из этого прошлого: «Блистательно Даниловичи завершают свой творческий кровавый, своеобразный, но необходимый истинно русский путь, чтобы пасть под напором запада и хитроумия Рима, открывая путь Смутному времени под ночные пророческие голоса, плач и вопли в Архангельском соборе»²⁹⁹.

Следующий за «Даниловичами» очерк – «Оправданный Аввакум», опубликованный Ивановым в газете «Русское слово» в 1931 году, словно подхватывает эстафету истории России, переходя к эпохе Смутного времени. Композиционная близость этих очерков явно не случайна. Она свидетельствует о том, что писатель, обеспокоенный выбором пути развития современной России, для более глубокого ее постижения обращается к научно-публицистическим исследованиям далекой русской истории и там ищет ключ к разгадке современных проблем. Рамки отдельного очерка становятся для писателя тесными, он переходит к их циклизации. На это указывает и подзаголовок – «Из цикла исторических». Впоследствии интерес автора к русской истории не иссякнет, а наберет новые силы после его возвращения на Родину. И тогда Иванов перейдет к подробному, всестороннему художественному исследованию эпохи так называемого Бунташного времени, периоду царствования Алексея Михайловича (1640 – 1670 гг.), в историческом повествовании «Черные люди» (Хабаровск, 1963).

В исторических очерках Иванов намечает для себя главные проблемы последующего творчества. Это вопросы государственного устройства, его целесообразности, проблемы народа и роли личности в истории. В середине 1920-х годов область своих творческих исканий писатель

²⁹⁹ Иванов Вс. Огни в тумане: Думы о русском опыте. Харбин, 1932. С.164.

обогащает очерком художественным. Это произведения автобиографического характера: «Мать Волга», «Голубая роза», а также очерк «Кроткий Прарада» и другие.

Обеспокоенность за настоящее своей Родины и ее будущее не давала писателю возможности уйти от публицистики в мир исключительно художественных образов. Голос авторского сердца вновь и вновь заявлял о себе в произведениях Иванова более крупных жанров. Очерк, как жанр документально-художественный, занявший большое место в творчестве Вс.Н. Иванова 1920-х – начала 1930-х годов, явился в то же время творческой лабораторией писателя при переходе к другим, более крупным жанрам.

Публикации Иванова тех лет в газете «Гун-Бао» отличались сочностью, яркостью. «В нем (Иванове – С. Я.) было что-то кустодиевское», – вспоминала позднее одна из его сотрудниц³⁰⁰. И редактором он был отменным, «идеальным в русском смысле слова». Переложив мелкую работу типа хроники на секретаря, своего внимания он удостоивал только важные события. И в отношениях к своим сотрудникам он был первым среди равных.

«Воспоминания» Ю.В. Крузенштерн-Петерец помогают воссоздать конкретную обстановку работы в газете, некоторые интересные детали быта. «Тот год, – пишет она, – когда я поступила в «Гун-Бао» (1929 год – С. Я.), был апогеем Иванова. Гуань предоставлял ему в газете полную свободу, сам ни во что не мешался. Иванову было, где развернуться. Газета наша была богатой, выходила в 8 страниц, иногда в 12, а по воскресеньям и в 16. Собирались в редакции часов с одиннадцати: сам Иванов приезжал к часу. Передовую он писал по очереди со своим помощником Зереном и почти ежедневно давал большой «подвал»³⁰¹. Работать Иванову приходилось в атмосфере напряженного ритма, в постоянно меняющемся окружении посетителей, при этом, умудряясь много и интересно писать для газеты самому. «Приемная Иванова всегда была полна, – вспоминает одна из его сотрудниц, – общественники, пишущая братия, артисты, профессора Юридического факультета, профессора Политехникума. Веселая с мороза вбегают певица Садовская, у нее бенефис в «Фантазии»: «Всеволод Никанорович, так вы будете? Смотрите ...» Опять профессора, опять

³⁰⁰ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С. 71.

³⁰¹ Там же.

артисты, некоторые входят по несколько человек вместе, и оттого в редакторском всегда дым коромыслом. Как он мог работать в такой сутолоке, наш Всеволод Никанорович?» – заключает с грустью и участием журналистка³⁰². Певица Зоя Садовская была третьей женой Вс.Н. Иванова, после того как он в начале 1930-х годов расстался со своей второй женой, Верой Анатольевной Ивашкевич.

Работе редактора порой мешали досаждающие кредиторы. На этот случай в редакции было выработано «правило» по ускользанию от них. «Пальто и шапка Иванова всегда висели в передней на противоположном конце дома. Оттуда выход во двор. В задней стене забора несколько досок оторвано, за дырой обрыв, прямо на Диагональную. Иванов подмигивает сотрудникам. Несколько человек <...> увязываемся за ним, переходим двор и что есть духу, сломя голову, сбегает вниз – только бы под трамвай не угодить. А когда снег или гололедица, еще проще, садимся на землю и катим: впереди всех Иванов: «И эх, вы, родимые!» На Диагональной напротив два симпатичных дома, один «Славянская гостиница», где живут швейки, гадалки и мелкие уголовники, другой – просто публичный, «Ницца». Между ними в щели «Корейский бар» – дворик с навесом, где посетители могут в любую погоду сидеть на скамьях у вбитого в землю стола и пить, смотря по сезону, зимой ледяное, летом теплое пиво. Там Иванов отсиживается от кредиторов, а мы ему помогаем»³⁰³.

«Ивановской вольницей» называли его сотрудники атмосферу, царившую в редакции: так легко и весело было работать с ним. При редакторстве Иванова газета стала расширяться, завела линоотыпы, в связи с этой реформой директор газеты Гуань дал в Железнодорожном собрании большой банкет. Кстати, банкеты устраивались периодически, причем, всегда в дорогих ресторанах. На банкеты приглашалась вся редакция – около тридцати человек, контора, посторонние гости и все линоотыписты. Жизнь творческих людей – всегда немного богемная. Ю.В. Крузенштерн-Петерец во многих подробностях и деталях вспоминает прием, который устроил у себя на квартире Вс.Н. Иванов по случаю приезда в Харбин летом 1930 года председателя шанхайского Содружества русских работников искусства «Понедельник» Михаила Щербакова. Этот прием Ивановы устроили в большом доме с садом, который семья снимала в

³⁰² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С. 71.

³⁰³ Там же. С. 73.

пригороде Модягоу. Причем, возможность снимать большой дом семья Ивановых имела не благодаря заработкам Всеволода Никаноровича, а тому, что жена Иванова, Вера Анатольевна, служила в правлении Общества КВЖД и очень хорошо зарабатывала. Жена Иванова принимала друзей мужа широко, радушно. Вот каким запомнился этот дом журналистке: «Дом был почти пуст. Меблирован по-походному, но у Иванова была зато своя гарсоньерка – его спальня и кабинет с огромной библиотекой. Там он писал свою «Повесть об Антонии Римлянине»: «Осенний ясный день был похож на стих Овидия Назона или на спелое яблоко: отменно четок, прохладен, душист и красив»³⁰⁴.

Представленный в основных своих характеристиках идейно-эстетический, историко-литературный контекст был для Вс.Н. Иванова своеобразной проверкой в основном уже сформировавшегося миропонимания и мироощущения. Обстановка оживленной идейной и творческой полемики, существовавшая в эмигрантском Харбине, выявила верность и прочность пути, по которому шел писатель к одной-единственной цели – к России. Этой цели были посвящены все искания писателя-мыслителя и публициста. В обстановке творческого и журналистского многоголосия Вс.Н. Иванов, как личность уже сложившаяся, преимущественно сам влиял на ход происходящих процессов, чем испытывал чье-то влияние.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

«СКАЗАНИЕ ОБ АНТОНИИ РИМЛЯНИНЕ» ВС. Н. ИВАНОВА КАК ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭТАП ХУДОЖЕСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Атмосфера общественной и культурной жизни русских эмигрантов Харбина с середины 1920-х годов начала меняться. Эти изменения отразились и на литературно-журналистской жизни русской эмиграции. Критик дальневосточного зарубежья О. Штерн в одной из своих статей начала 1930-х годов отметил направление этих перемен и некоторые из причин, их обусловивших. «Пока, пожалуй, можно лишь констатировать, что пробуждение литературных интересов среди эмиграции, и в частности у нас в Харбине, совпало с падением «политической зарядки» беженской

³⁰⁴ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С. 75.

массы. Период активной борьбы миновал, оставив на душе много горечи и разочарования. Создавшаяся обстановка не благоприятствует даже самой скромной политической работе. В настроениях эмиграции ощущается какой-то глубокий перелом. Но наряду с плачевными признаками усталости намечается повышенный интерес к вопросам культуры и искусства. Отчаявшись в возможности «добыть» Россию немедленно, эмиграция делает попытки метафизически воссоздать ее за рубежом при помощи великого колдовства – искусства»³⁰⁵.

Эта характеристика в полной мере соотносима с переменами, происходившими в тот период в жизни и творчестве Вс.Н. Иванова, чья журналистская и литературная деятельность все больше отдалялась от вопросов политики, рос интерес к проблемам научно-философского, культурологического характера и художественному творчеству. Разгар работы над «Сказанием об Антонии Римлянине», совпавший с концом 1920-х годов, это убедительно подтверждает. Одновременно продолжалась работа Иванова-мыслителя над созданием философских этюдов по диалектической логике «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933), вышла из печати речь Вс. Иванова на Торжественном заседании, посвященном Дню памяти Вл. Соловьева, «Философия Вл. Соловьева» (Харбин, 1931).

Разносторонность личности Вс.Н. Иванова, его умение соединить в одном творческом периоде жизни увлеченность и интерес ко многим проблемам культуры и литературы, при этом добиться во многом заметных результатов, свидетельствует о богатой природной одаренности и неустанном труде писателя-подвижника, просветителя, известного культурного деятеля дальневосточной эмиграции. Благодаря масштабности просветительской и культурной работы универсально одаренных личностей российская эмиграция стала существенным цивилизующим фактором XX столетия.

Особое внимание и тяготение к теме востока было обусловлено у Вс.Н. Иванова глубоким пониманием внутреннего родства малоподвижного уклада бытийного существования китайцев и русской патриархальности. Исконно русский дух проникался духом востока. Этим было обусловлено господство русской идеи в Харбине, которая являлась главным побудительным мотивом к изучению востока. Живя на востоке,

³⁰⁵ Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник. Харбин. 1931. Книга 1. С. 183.

Вс.Н. Иванов стремился быть максимально полезным своей Родине, России.

Еще в конце 1925 года, осознав немыслимость дальнейшей жизни и творчества без отечества и обратившись в Харбинское консульство СССР с заявлением-просьбой вернуть ему российское гражданство, Вс.Н. Иванов начал сотрудничать с ТАСС. В своем заявлении писатель ничего лично для себя не просил, объяснил свое лояльное отношение к Советскому Союзу и дал слово, что никогда не предпримет никаких действий против советской власти. Главным содержанием его обращения было выражение готовности в меру своих возможностей и способностей оказывать всяческое содействие представителям СССР в Китае. В 1931 году, получив советский паспорт, Всеволод Никанорович официально поступил на работу в издаваемую советским посольством на английском и русском языках газету «Шанхай Геральд». Он также регулярно стал освещать китайские события на страницах российских газет, «Правды» и «Известий». Владевший кроме древних и основных европейских также китайским, японским, корейским и монгольским языками, он периодически составлял для Народного комиссариата иностранных дел обзоры, основанные на первоисточниках. Обладая уникальным опытом работы во многих крупных библиотеках и архивах России, Германии, Китая, Вс. Иванов в кратчайшие сроки создал политико-экономические региональные обзоры всех 23-х провинций Китая. Его перу принадлежат значительные труды об истории и современных проблемах Китая: «Маньчжурия и КВЖД», «Китай и его 24-я революция», «Китай, Россия, КВЖД и Маньчжурия».

В 1931 году жившие в Харбине русские писатели, так же, как и Всеволод Иванов, увлеченные темой востока, предприняли издание литературно-художественного сборника «Багульник». Редактором-издателем «Багульника» стал Ф.Ф. Даниленко. Книга получила свое символическое название по имени особо почитаемого в Маньчжурии растения, которое начинает цвести первым. Главная направленность этого издания – изучая восток, служить России – была выражена в предисловии к первой книге сборника: «Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию». Одной из самых ярких публикаций «Багульника» стал очерк Вс. Иванова «Пекин», представляющий собой записки внимательного, размышляющего путешественника, пытливого стремящегося заглянуть за

грань видимого, проникнуть в суть и сущность явлений и предметов, открываемых писателем не только для себя³⁰⁶.

Известная харбинская писательница и критик Н. Резникова, рецензируя первую книгу «Багульника», особо выделила очерк Вс. Иванова «Пекин», при этом назвав его «По Пекину». Она отметила необыкновенно зоркий глаз автора этого очерка и его любовное отношение к описываемым вещам и «вещному миру». Прошлое, предстающее через увиденные в Музее картины, и настоящее, наблюдаемое самим Вс. Ивановым, сопрягаются в художественном сознании автора в нерасторжимое целое, обладающее необыкновенной духовной притягательностью. Этот очерк и сегодня читается «с огромным эстетическим удовольствием»³⁰⁷.

Реализуя свой неуклонный интерес к востоку, Вс.Н. Иванов предпринял в 1932 году издание общественно-литературного журнала «Азия». Вышло четыре номера журнала, остающегося библиографической редкостью, недоступной исследователю. Данный факт побуждает к дальнейшим поискам, открывает перспективы для историка литературы, воссоздающего драматические страницы отечественного историко-литературного процесса XX века в культурно-историческом контексте.

Г. Струве, один из первых исследователей русской эмигрантской литературы, предпринявший грандиозные усилия по ее систематизации, в книге «Русская литература в изгнании» высказал вполне правомерное пожелание-наставление: «Будущему историку русской журналистики придется отметить еще ряд журналов – ежемесячных, двухнедельных, еженедельных – выходивших по всему миру и обслуживавших нужды Русского зарубежья. <...> В некоторых из них могут отыскаться и какие-нибудь провороненные критиками литературные перлы»³⁰⁸.

Японская оккупация в 1932 году резко изменила судьбу Вс.Н. Иванова, она заставила многих русских эмигрантов покинуть Харбин и искать своей доли в других городах и странах. Незадолго до своего отъезда в Шанхай, а туда Вс. Иванов приехал в конце 1936 года, он совершил непродолжительную поездку в Тяньцзинь.

³⁰⁶ Иванов Вс. Пекин: Очерк // Багульник. Харбин. 1931. № 1. С. 152 – 156.

³⁰⁷ Резникова Н. «Багульник»: Литературно-художественный сборник. Харбин. 1931. Книга 1 // Рубеж. Харбин. 1931. № 44. С. 23; Их дальний путь лежал в изгнание ...: антология-хрестоматия произведений литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. С. 19 – 30.

³⁰⁸ Струве Г. Русская литература в изгнании / Изд-е 3-е, исправл. и дополн. Париж-Москва, 1996. С. 66.

В то время в Тяньцзине русскими эмигрантами был основан кружок китаеведов «Общество изучения Китая». Кружок состоял из русской молодежи, издававшей свой журнал «Вестник Китая». Редактором его стал Вс. Иванов. В первом номере этого журнала, вышедшего в марте 1936 года, в редакционной статье была изложена Программа деятельности кружка китаеведов и его печатного издания. Вс. Иванов как редактор журнала обосновал необходимость создания целого направления по изучению Китая: «Современная русская эмиграция, в больших количествах прожившая в Китае почти 20 лет, сумела, однако, так закапсулироваться (капсула), что она в своем старшем поколении почти ничего о Китае не узнала, его не заметила, прошла мимо него. <...> Итак – «К изучению Китая, огромного, исторического, культурного, этнографического, религиозного мира», – вот лозунг, который будет вести за собой наш журнал, вот его цель, к которой он зовет и русскую публику»³⁰⁹. Этот лозунг стал отражением внутренней, целенаправленной работы, которая происходила в сознании и миропонимании писателя с начала 1920-х годов. Издаваемый в тот год в Тяньцзине журнал, являющийся библиографической редкостью, стал, по свидетельству его современников, настоящим событием в востоковедении русского зарубежья. И хотя вышло всего пять номеров журнала (последний – в июле-августе 1936 года), работа по его выпуску была очень содержательной, интенсивной и продуктивной. В прекрасно иллюстрированном журнале нашла отражение многогранная и разноаспектная деятельность членов «Общества изучения Китая»: история, культура, этнография, экономика, природа Китая. В этом журнале увидели свет работы Е. Жемчужной, И. Серебренникова, Вс.Н. Иванова, В. Северова, В. Щепина, И. Шелестяна, К. Злоказова, Я. Брандта, П. Павлова, А. Божко, А. Эпова и других.

За время жизни в Харбине Вс.Н. Иванов написал и опубликовал отдельными изданиями несколько довольно крупных произведений. Причем, некоторые произведения издавал за свой счет, что было характерно для литературной жизни Харбина начала 1920-х годов. Так, за счет авторов в этот период были изданы: Иванов Вс.Н., Огненная душа: Поэма (1921 г.); Венедикт Март, Россия без «Ъ», Синий благовест (1921 г.); он же, История моей смерти. Три солнца: Стихи (1921 г.); Камышнюк Ф., Лепестки. Скрижали: Книга стихов и поэм (1921 г.) и др.

³⁰⁹ Иванов Вс. От редакции // Вестник Китая. Тяньцзин. 1936. № 1. С. 3.

Во второй половине 1920-х годов в Харбине функционировало несколько книгоиздательств. Книгоиздательство «Пламя», например, работало на базе книжного магазина с тем же названием. Книгоиздательство при «Содружестве поэтов медитативистов» выпустило книгу: Ачаир А., «Первая книга стихов», 1925. Издательство «Русско-маньчжурская книготорговля» издало несколько книг известного профессора Гинса Г.К., а издательство «Бамбуковая роща» выпустило в свет две вещи, принадлежавшие перу Вс.Н. Иванова и получившие известность не только на востоке: «Беженская поэма» (1926 г.) и «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (1926 г.). Это же издательство опубликовало сборник рассказов В.С. Логинова «Ял-Мал» (1929 г.).

В 1928 году о себе как книгоиздательском предприятии заявила типография «Заря», печатавшая журнал «Рубеж». Она выпустила книги стихов К. Бальмонта, В. Перелешина. Несмотря на то, что 1930-е годы проходили под знаком ликвидации японскими властями русских торговых предприятий в Харбине, русская книгоиздательская деятельность не прекращалась. На общем фоне выделялось книгоиздательство Михаила Васильевича Зайцева, которое специализировалось на выпуске политической и современной художественной литературы. Этим издательством были выпущены следующие книги Н.А. Байкова: «По белу свету»: военные и эмигрантские рассказы (1937 г.); «Тайга шумит»: рассказы (1938 г.); «Сказание об Антонии Римлянине» (1932 г.) Вс. Иванова. Среди издательств были и заявившие о себе одной-двумя книгами: «Бюро эмигрантов», «Наш путь», «Меч Гедеона».

Над повестью «Сказание об Антонии Римлянине» Всеволод Никанорович работал в Харбине, вчерне закончив ее в конце 1920-х годов. За время работы над «Сказанием...» Иванов побывал в Пекине, собирая нужные ему материалы в богатейшей библиотеке Пекинской Духовной Миссии. Особо уважительное и трогательно почтительное отношение Иванова к христианству, как одной из главных опор духовности русского человека, проявилось в харбинский период эмиграции в его дружбе с протоиереем старообрядцев, отцом Кудриным, дружил с которым и А. Несмелов. Впоследствии А. Несмелов написал поэму «Протопопица» о сосланных в Сибирь Аввакуме и его жене не без влияния этого священника. И хотя поэма была опубликована в Харбине в 1939 году, работать над ней поэт начал много раньше.

Отец Кудрин, «с плоскими напомаженными волосами, с говорком на «о», по воспоминаниям коллег Иванова, часто сиживал в его редакторском кабинете в конце 1920-х годов и поварчивал: «Ну, ну, дымокур, совсем задушил зельем»³¹⁰. Иванов сам часто бывал в церкви у русских староверов, ощущая себя там, как в России. Он и своей подопечной журналистке Ю. Крузенштерн посоветовал однажды: «Хотите побывать в России? Пойдите в церковь к староверам, не пожалеете»³¹¹. Те впечатления от встречи с самой атмосферой жизни русских староверов ее память сохранила в деталях и подробностях: «Я пошла и действительно не пожалела, хотя меня два раза оттуда выдворяли: первый раз пришла я в шляпе, второй – без; не обратила внимания на объявление в дверях: «Женскому полу с непокрытой головой, а равно в шляпах вход возбранен». Может быть, и текст этот сочинил Иванов. Церковь была прелестна – маленькая, низенькая, кораблем: в окна заглядывает зелень, кланяется низко, истово, тоже по-раскольничьи. Мужчины в русских рубашках, у стариков бороды до живота, у молодых покороче, стоят отдельно от женщин. Граница – домотканная дорожка. У женщин цветистые сарафаны, пышные расшитые рукава, на головах платки. У девушек из-под платков здоровенные косы. Пенье заунывное, скучное, но все равно нравится, потому что древность: в дониконианские времена концертов-то не было. Я ушла умиленная: в городе автомобилей, кино и кабаре так суметь сохранить свой прадедовский устав»³¹². Ю.В. Крузенштерн-Петерец задается вопросом, имеющим все основания и напрямую относящимся к творчеству Иванова того периода: «Не с этих ли занесенных на чужбину раскольников писал Иванов своих новгородцев в «Повести об Антонии Римлянинне»? «Ты его спроси, – говорил князь, – может, он ест, как латынянин? Так скажи ему, Владыко, что мы-де так погано не едим: ни удавленины, ни львов, ни ослов, ни хвоста бобрового». И не отец ли Кудрин рассказывал Иванову саму легенду о римском святом, приплывшем на камне в гости к Господину Великому Новгороду? Отец Кудрин сидит на диване, поглаживает бороду, говорит что-то тягучее, окая, а Иванов за

³¹⁰ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.72.

³¹¹ Там же.

³¹² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто. 1998. № 5. С.72.

письменным столом правит гранки своих сонетов: Деревья серые Пювиса де Шаванна ...»³¹³.

Вместе со «Сказанием об Антонии Римляnine» в творчество Вс.Н. Иванова входит традиция художественного использования сюжетов и образов героев житийной литературы. Эта традиция способствовала утверждению духовно-нравственных истоков жизни человечества, помогала выражению авторской концепции мира и человека в нем с большой долей художественной убедительности и достоверности. Творческое осмысление житийной литературы особенно притягивает писателя в критические, переходные моменты человеческой истории, когда актуализируется потребность в утверждении вечных, непреходящих ценностей, мужественными, непреклонными носителями которых были в свое время герои житийной литературы. Духовные запросы времени всякий раз диктуют необходимость обращения к вековой мудрости христианских святых. Этот факт использования житийной литературы не останется единичным в творчестве Вс.Н. Иванова. Позднее, оставив за плечами годы эмиграции, уже живя в России, Вс.Н. Иванов при создании своего грандиозного исторического повествования «Черные люди» (Хабаровск, 1963) вновь обратится к образу одного из главных героев житийной литературы, образу протопопа Аввакума Петрова, что будет совсем не характерно для советской литературы того времени с ее атеистическими установками. Но Вс. Иванов, как художник, всегда стремившийся выше всяческих идеологий ставить духовность и нравственность, и в послеэмигрантский период остался верен себе и своим приверженностям вечным человеческим ценностям, аккумулированным в Житиях святых. Христианская вера и верность этой вере всегда занимали в его творчестве большое место.

Познакомиться с историей жизни святого Антония Римлянина Вс.Н. Иванов мог как из многочисленных письменных источников¹, так мог узнать из рассказов отца Кудрина, протоиерея русских староверов в Харбине, свято хранившего в эмиграции верность дониконианской православной церкви. Из памятников старинной русской литературы явствует, что Антоний Римлянин жил в Новгороде в XII веке. Родители его

³¹³ Там же. С. 73.

¹ Памятники старинной русской литературы. Под ред. Н. Костомарова. СПб., 1860. Вып. 1. С. 263-270. Православный собеседник. 1858. Ч.2. С.157-171; 310-324. Новгородские Епархиальные Ведомости. 1897. №№ 12-16. Русская хрестоматия. Для средних учебн. заведений. Сост.: Ф.И. Буслаев. Изд-е 4-ое. М., 1888. С. 139-148. Жизнь Антония Римлянина, новгородского чудотворца, с приложением кратких исторических сведений о Новгородском Антониевом монастыре. СПб., 1860. / Популярное изложение Жития/.

были христианами, скрывавшими свою веру из страха преследования со стороны римских властей. Вс. Иванов, движимый своим художественным замыслом, в «Сказании об Антонии Римлянине» предлагает читателю не простое переложение Жития святого, а его творческое осмысление. При создании художественного образа главного героя, как единичного типа, имеющего прототипом «реальное», легендарное историческое лицо, знакомое читателю, автор главным образом использовал воссоздающий элемент, или домысел. Так возник «домысленный» писателем и поставленный в центр повествования мотив обращения Антония в христианство, отсутствующий в житийной литературе. Героиня «Сказания...» Хариесса, сыгравшая главную роль в деле обращения Антония в христианство, также отсутствует в Житии. Малую «населенность» Жития Вс. Иванов заметно дополняет, усиливая при этом смысловую нагрузку действующих лиц, в то время как малочисленные герои Жития действуют не сами, а об их действиях сообщает автор Жития.

Автор «Сказания...» использует прием временного смещения рамок повествования, наделяет своего героя сказочным долголетием, перенося начало жизни Антония Римлянина в I – III века, первые века христианства. Совершая со своим героем, Антонием Римлянином, длительное путешествие в пространстве (Рим, Александрия, Новгород) и времени (I – II века – XII век), писатель создает художественную картину жизни от истоков возникновения христианской религии до ее пышного расцвета, показывая при этом, как трудно и малоподвижно менялась человеческая психология, какие перемены происходили в ее нравственности. Художественно воссоздавая историю жизни Антония Римлянина, Вс. Иванов показывает сложную, полную драматизма и борьбы противоречивых начал эволюцию человека к истинной вере, духовному совершенству, к победе духа над плотью. Вс. Иванов вводит в свое произведение дополнительный мотив искушения героя наслаждениями мирской жизни. Об этом свидетельствует эпизод со спасенной Антонием танцовщицей Аглаей. Епископ из Александрии наставляет Антония: «Чтобы возвыситься до божества, мы побеждаем, уничтожаем, преодолеваем собственную плоть»³¹⁴. Путь к богу – через отшельничество. Знакомство с Павлом-отшельником стало решающей вехой в духовном становлении Антония, поскольку, «отвергая все сжигающие плоть адские

³¹⁴ Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римлянине. Воспоминания, рассказы и поэма). Л., 1991. С.125.

соблазны, отшельники достигают непоколебимой и чистой веры»³¹⁵. Вера – это не спустившаяся с неба благодать, она требует от человека грандиозной самоотдачи. К этому подводит Антония Павел-отшельник: «Веру надо растить в уединении. Надо бороться за нее, напрягая волю и силу духа. И, когда она достигнет высочайшей ясности, дух святости и спокойствия посетит человека и успокоит его. Бог есть нечто неизменное среди общего движения и смятения вещей, и он этим движением повелевает. Так и дух праведника, достигнув совершенного покоя, начинает излучать океан благодати, ибо бог есть добро. Праведник уподобляется колодцу в пустыне, к которому тянутся жаждущие, и он неиссякаемо утоляет их жажду»³¹⁶.

Путь Антония к праведничеству сопряжен не только с духовным противостоянием еретикам, но и нравственным неприятием бесстыдного поведения христиан, растаскивающих богатства Антония. Поэтому он велит оставшиеся драгоценности сложить в бочки (не в одну, как в Житии) и бросить в Тибр. Если в Житии драгоценности Антония – это предметы христианского церковного культа, доставшиеся ему после смерти родителей, то в «Сказании...» этих предметов у него просто не могло быть, так как он лишь недавно стал христианином. Его драгоценности – это обычные принадлежности богатого человека времен античности, алчность к которым и проявляют нищие христиане. Автор «Сказания...» не избежал возможности указать на этот давний порок человечества. Став праведником и подчиняясь наставлению Павла-отшельника, Антоний отправился на берег моря, чтобы там ждать минуты, пока Господь накопит в нем силы для совершения великих дел. Когда такой час настал, его скала оторвалась от берега, «унося в новые дали христианина Антония, римлянина ...»³¹⁷.

Прибытие Антония в Новгород связано с переживаемым им чувством страха и ужаса, однако, эти чувства были вызваны разными причинами. Если в Житии Антоний боится того, что он попал в Рим, который не признает христианской веры, то в «Сказании...» он пугается, предполагая, что попал к скифам. Существенно смещены акценты и в эпизоде, рисующем принятие Антонием решения построить церковь Рождества Богородицы. В «Сказании...» Антоний принимает такое решение после

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. С. 126.

³¹⁷ Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римляине. Воспоминания, рассказы и поэма). Л., 1991. С.133.

того, как к нему чудом вернулись его драгоценности. В Житии это решение он принимает до того, как им была вновь «обретена» его бочка с драгоценной церковной утварью.

Но главным обретением для героя «Сказания...» Вс. Иванова, равно как и для его читателя, становится богатый духовный опыт, который обретает к концу своих странствований Антоний. Не сразу многие горизонты жизни открываются Антонию, и ему суждено пройти через отчаяние. «Антоний думал: столько страданий и испытаний выдержал он, и вот, через тысячу лет жесточайшего человеческого опыта, он увидел перед собой не утонченное человеческое общество, какое он оставил в Риме, а смятенных суетностью и метелью вина новых людей с чужим языком, диких, скифского вида, которые не знали ничего из того, что знал и так хорошо помнил он ... Наклонив голову, плакал Антоний, и слезы стекали по его свалывшейся бороде»³¹⁸. И только когда прошлое перестало ранить своей невозвратностью, когда среди бурлящего моря жизни наступило затишье, в душе, как среди знойной пустыни, возник цветущий оазис: «И от колокольного звона, покойно плывшего над лиловой по-вечернему рекой, стало Антонию так хорошо, словно весь мир предстал пред ним одним огромным домом, где царил сама справедливость и где жили большие и малые люди, всегда готовые дать то, что попросишь, простить, что согрешишь, и за руку вывести с неверного пути на истинную прямую дорогу ...»³¹⁹.

Потребовалось более полувека, чтобы «Сказание об Антонии Римлянине» Вс.Н. Иванова пришло, наконец, к читателю-соотечественнику, живущему в России, и продолжило заполнение огромной литературной и культурной ниши, которая вследствие идеологических причин имела в советский период тенденцию к увеличению своей зияющей пустоты.

Хорошо известная российской эмиграции писательница и литературный критик Наталия Резникова опубликовала в журнале «Рубеж» (Харбин, 1935, № 2) рецензию на «Повесть об Антонии Римлянине» Вс. Иванова. Данный факт свидетельствует о внимании и поддержке коллег-писателей, заброшенных на чужбину. За отсутствием в дальневосточном зарубежье самостоятельной литературной критики, как таковой,

³¹⁸ Там же. С. 142.

³¹⁹ Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римлянине. Воспоминания, рассказы и поэма). Л., 1991. С.145.

литературно-критические статьи и заметки писатели и поэты часто писали на произведения друг друга сами, не убавляя при этом требовательности к собратьям по перу.

В 20-е годы XX века, в период написания этого произведения, внутрироссийская литература ощущала все возрастающее давление внешних, политических факторов на литературный процесс, что вело к его искажению. Подобное произведение религиозно-нравственной тематики, обращенное к вечным проблемам добра и зла в человеческом мире и человеческой природе, не могло рассчитывать на публикацию в условиях диктата государственного атеизма. И только в зарубежье, где русская литература могла развиваться относительно свободно, это произведение могло увидеть свет и обрести своего благодарного читателя-соотечественника, а вместе с тем законно и полноправно войти в историю русской литературы XX века, насильственно разделенной в 1920-е годы на два потока.

Богатая издательская деятельность российских эмигрантов в русском зарубежье, и дальневосточном в частности, сделала физически возможным само явление воссоединения двух потоков русской литературы XX века. Историко-литературный процесс уходящего столетия только к концу века начал обретать полное в своей многомерности и многополярности содержание. Все больше произведений эмигрантской, «задержанной», самиздатовской литературы занимают свое, принадлежащее им место в этом сложном процессе, самим фактом своего существования усложняя и обогащая историко-литературный процесс и контекст творчества каждого из писателей XX века. Огромный личный вклад в это внес и продолжает вносить своим творческим наследием периода эмиграции и Вс.Н. Иванов.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КНИГА ВС. ИВАНОВА «РЕРИХ – ХУДОЖНИК-МЫСЛИТЕЛЬ» КАК ИТОГ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ И ПРЕДТЕЧА ПОСЛЕЭМИГРАНТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ И МЫСЛИТЕЛЯ

Заметным вкладом в историю отечественной литературы и культуры, не в полной мере еще оцененным современной наукой, стала книга Вс.Н. Иванова о своем гениальном современнике и соотечественнике, тоже эмигранте, Н.К. Рерихе: «Рерих – художник-мыслитель» (Рига, 1937). Этот

труд Вс.Н. Иванов заканчивал в последние годы своей жизни в Харбине, «в феврале и марте 1935 года, когда над Харбином, гудя, летели снежные и песчаные бури из неоглядной Гоби; ставни стучали в мое окно, но в комнате было тихо и спокойно:

Ах, как отрадно в тесной келье
Лампада смотрит на тебя ...
Опять в душе как бы веселье,
И в сердце, знающем себя ...»³²⁰

Такими строками из «Фауста» Гете передает Вс.Н. Иванов свое мироощущение в предисловии к первому изданию книги о Н.К. Рерихе, которое он напишет через два года после завершения основной работы над книгой, уже в Шанхае, 12 июня 1937 года.

Всемирно известный художник и мыслитель, стоящий на уровне требований своего времени и во многом опережающий его, – именно на эти две неразрывные грани таланта уникальной личности Н.К. Рериха обратил внимание писатель Вс. Иванов, всегда стремившийся в своей многогранной творческой деятельности сопрягать философскую мысль и художественное мастерство.

Родина и Красота – понятия, неразрывные в сознании Вс.Н. Иванова, определившие художественное кредо писателя, все творчество которого пронизано внутренней, духовной потребностью постичь тайну России. Эту особенность таланта писателя Иванова первым понял тонкий художник, Н.К. Рерих. Прочитав первые главы книги Вс. Иванова о себе, своем творчестве и России, Рерих писал ему в Харбин из монгольских степей в апреле 1935 года: «Уж больно глубоко и правильно чувствуете Вы Россию»³²¹. Русское искусство, как утверждает в работе о Рерихе Вс. Иванов, через музыку, живопись и литературу всегда самозабвенно служило постижению этой тайны. Н.К. Рерих – один из немногих, кому удалось близко подойти своим творчеством и всей своей общественно-культурной, философской деятельностью к разгадке тайны России. «Родина и Красота – вот о чем думалось тогда, в те бурные весенние ночи, – пишет в предисловии к книге Вс. Иванов. – И ведь всегда Родина наша, Россия, рождается в наших сознаниях в бурях и в Красоте. Бури – формы. Красота – содержание, без

³²⁰ Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римлянине. Воспоминания, рассказы и поэма). Л., 1991. С.7.

³²¹ Шевченко В.С. Верность России: К 100-летию со дня рождения Вс.Н. Иванова // Дальний Восток. Хабаровск. 1988. № 11. С. 112.

которого не понять целого, как не понять форм слюдяного древнего фонаря, если не вставить внутрь свечи <...> Поэты и писатели, музыканты, художники и святые светят ясным, незакатным светом за тысячелетнюю нашу историю. И среди немногих наших современников, которые любят и чувствуют этот ясный свет, несомый нашим всемирным народом, – далеко в Гималаях работает и творит великий художник и мыслитель Н.К. Рерих»³²². Свое предисловие автор заключает теплым посвящением человеку универсального таланта: «И пусть с приветом и поклоном будут посвящены ему эти строки, сиянию его искусства, теплоте его далеко прозревающей мудрости»³²³.

Масштабность творчества Н.К. Рериха потребовали от автора книги о нем поисков новых художественных путей в освещении темы необыкновенной сложности. В произведении о Н.К. Рерихе впервые раскрылась способность писателя к новому синтезу жанров и форм. Три направления творческой эволюции универсальной личности Вс. Иванова: наука, журналистика и художественное творчество – впервые слились воедино в книге синтетического жанра, научность и достоверность органично соединились с художественностью. При этом книга, как и все творчество Вс. Иванова 1920 – 1930-х годов, сохранила публицистичность. В ней голос писателя слился с голосом художника и видного общественного деятеля эпохи Н.К. Рериха в главном вопросе жизни – о необходимости борьбы за мир на планете и о путях и средствах достижения этого мира.

Работа о Рерихе стала свидетельством продолжения творческих поисков писателя в области жанра. Сложность задачи, которую решал здесь автор, обусловила и необычность жанра. Книга не уместится в границы одного, а соединяет в себе элементы многих жанров. Это повесть о жизни и творчестве Н.К. Рериха, но не только об этом рассказывается в ней. Творческая биография художника и мыслителя представлена в широком контексте всей русской культуры конца XIX – начала XX веков. Главным содержанием книги стали размышления Иванова о нравственных исканиях известного всему миру русского художника. Автор открыто, публицистично выражает свое преклонение перед мудростью искусства и культурно-созидательной деятельностью этого человека. Вместе с тем в

³²² Иванов Вс.Н. Из неопубликованного: Сборник (Рерих – художник-мыслитель. Сказание об Антонии Римлянине. Воспоминания, рассказы и поэма). Л., 1991. С.7.

³²³ Там же.

книге остро звучит главная тема всей эмигрантской литературы – ностальгической тоски по России русского скитальца. В послеэмигрантский период тема ностальгии трансформируется в творчестве Вс. Иванова в философски звучащую тему изгнанничества. Лирические рассуждения писателя о России, ее уникальном прошлом и настоящем в их взаимообусловленности соседствуют здесь с горячей публицистической обеспокоенностью автора будущим России и всего человечества. «И только один XIX век выбросил целый поток великих мировых литературных имен – от Пушкина, Гоголя до Достоевского, Островского, Толстого, Владимира Соловьева, Чехова, Андрея Белого, Ал. Блока, которые не только равняются, а превзошли по интуитивному размаху, по глубине своего творчества Запад. Дух пророчества – великий дар беспощадного созерцания действительности, дар понимания тайн бытия, дар великого изображения природы, изображения человека, дар анализа его души, острого и беспощадного, дар мистических прозрений в бездны совести, в ее полеты, прозрения и падения – вот что такое русская литература, свободнейшая из свободных.

Он здраво судит о земле,
В мистической купаясь мгле ... –
сказал про русский ум Вячеслав Иванов»³²⁴.

Непосредственному повествованию о Н.К. Рерихе в книге предшествуют две главы («Рерих и Россия» и «Россия и искусство»), в которых автор с величайшей любовью говорит о небывалом взлете русского искусства в XIX веке и о той великой миссии, которой оно служило. «Литература, музыка, живопись – вот та триада, которая Россию действительно познавала и давала знать другим ...»³²⁵. В этих главах Вс. Иванов выступает как искусствовед. Его глубокие знания теории и истории музыки, живописи стали залогом его успешной работы не только при написании этой книги, но и при создании крупных художественных и документально-художественных произведений на темы истории России, Китая, культуры этих стран.

Публицистичность органично дополняет авторскую манеру повествования, своеобразно раздвигая горизонты времени. В книге прямо и открыто выражается подвижническая позиция писателя по отношению к великому наследию, имя которого – русская культура. Нравственная

³²⁴ Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига, 1937. С.12.

³²⁵ Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига, 1937. С.12.

позиция писателя проявляется не только в анализе прошлого, но и в его таланте предвидеть будущее: «Еще много надо пройти человечеству по пути просвещения, чтобы избыть от этих страшных навыков – делать военные статьи своего бюджета крупнее статей по просвещению»³²⁶. Гуманистическая позиция передовых деятелей русской культуры 1930-х годов, Н.К. Рериха и Вс.Н. Иванова, осталась актуальной для человечества и XXI века.

Личность Н.К. Рериха оказала заметное влияние на творческую биографию писателя Иванова. Появление в его творчестве книги о Рерихе стало важным этапом на пути автора к постижению России. Русские художник и писатель, Рерих и Иванов были знакомы лично, встречались в Китае в 1930-е годы, когда Николай Константинович был со своей художественной экспедицией в этой стране. «Монография моя о Н.К. (Н.К. Рерихе – С. Я.), – обратит внимание Вс.Н. Иванов в одном из писем в издательство «Искусство» в 1958 году, – написана на основании личных встреч и бесед с Н.К., <...>, а также на основании материалов, которыми он помог мне. По мере написания, каждая глава книги этой пересылалась мною Н.К. сперва в Пекин, потом в Лагор (Индия), и таким образом книга моя точно отражает мысли самого великого нашего художника. Это текст, заверенный, принятый им»³²⁷. В те годы Вс. Иванов жил в Харбине, много времени работал над проблемами культурной связи и связи культур России и Азии. Результатом стала философско-публицистическая книга «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности», которая была издана в 1926 году в Харбине и нашла заинтересованные отклики не только в азиатской, но и в европейской печати. Основные положения книги были рассмотрены выше. Н.К. Рерих разделял многие идеи этой книги Вс. Иванова, за что и был подвергнут нападкам эмигрантских кругов Европы, в частности Парижа и персонально в лице А.М. Ремизова. Об этом Н.К. Рерих сообщил Иванову в одном из своих последних писем к нему уже из Америки. Именно процесс создания этой книги и ее публикация стали той основой, на которой возникло общение Рериха и Иванова.

Для Вс. Иванова Н.К. Рерих – это не только талантливейший художник, но и мыслитель, близкий по духу и взглядам на проблему России. В Рерихе писатель почувствовал родственную творческую душу.

³²⁶ Там же. С. 95.

³²⁷ Иванов Вс.Н. Письмо в издательство «Искусство» // ГАХК, ф. 1103: Иванов Вс.Н. – писатель (1888 – 1971), оп. 1, ед. хр. № 75, л. 25.

Художника, как и писателя, безудержно влекла история, образы которой пробуждали в душе Рериха особый мир и рождали творчество. «Он уходит из сегодняшнего дня, – пишет Вс. Иванов в главе «Первые образы», – творческая интуиция ведет его в прошлое, образы истории надвигаются на него точно так же, органически, реально»³²⁸. Писатель приводит выдержки из подробного, глубоко личного отчета-воспоминания Н.К. Рериха о произведенных раскопках в Новгородской губернии: «Щемяще-приятное чувство – вынуть из земли какую-нибудь древность; непосредственно первому сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины. Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти – бесконечная жизнь!»³²⁹. Даже фрагменты этого отчета раскрывают мироощущение Рериха-художника и Рериха-поэта.

Книга о Рерихе стала для писателя своеобразным изложением своей собственной эстетической программы, своих взглядов на проблемы искусства и художественного творчества. «Нельзя ведь исходить всех дорог прошлого – исплавать всех его рек, налюбоваться всеми идолами, исследовать все прошлое, – говорит автор книги не только о позиции Рериха в творчестве, но и о своем понимании проблемы. – И путь Рериха из прошлого, дальше, выше ...»³³⁰. И для Иванова история не была самоцелью, попыткой уйти от проблем настоящего. Напротив, взгляд на настоящее из далекого и недалекого прошлого призван был помочь как художнику, так и писателю увидеть глубинный потенциал и перспективы жизни и тем самым приоткрыть завесу над неведомым и притягательным будущим. Эстетическая позиция Вс.Н. Иванова наиболее полно раскроется в его художественном творчестве послеэмигрантского периода, обращенном в основном к истории. При всем этом главным содержанием и смыслом художественного творчества, считает Иванов, должна остаться красота. «Его (Рериха – С. Я.) путь прежде всего ведет к красоте, как к величайшему единственному обобщающему оправданию художественного произведения»³³¹. Эту красоту художник находит в жизни и через творчество показывает другим. «Искусство – есть сама жизнь, как таковая, – пишет Иванов, и Рерих, точно так же отдавшись искусству в его

³²⁸ Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига, 1937. С.19.

³²⁹ Там же. С. 20.

³³⁰ Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига, 1937. С. 27.

³³¹ Там же.

высочайшей форме, – отдался самой Жизни, слился с ней. Искусство не ослабляет жизнь, давая ее в повторениях, а наоборот – концентрирует ее»³³².

Размышляя о вечном, вневременном, книга о Рерихе, как произведение искусства, несет на себе печать своего времени, его проблем и тревог. Работа Вс. Иванова над этой книгой проходила в то время, когда к Рериху пришла мировая слава не только как к великому художнику, но и видному общественному деятелю по вопросам культуры, общечеловеческих ценностей. Главной заслугой Рериха на поприще общественно-культурной деятельности стало выдвижение им идеи о необходимости «охранять уже раз созданную, стало быть, явившуюся в мир красоту»³³³. Н.К. Рерих – человек с чрезвычайно широким историческим мышлением, неутомимый, призванный культурный водитель человечества – именно эту сторону духовного облика Рериха акцентировал Вс. Иванов в гениальном художнике, и сделал это с величайшей искренностью и убедительностью, как мог сделать только художник-мыслитель, разделяющий духовно-нравственную позицию Рериха. «Красота, стремление к красоте, вот что несомненно, что бесспорно. <...> И недаром пророчески сказано было Федором Михайловичем Достоевским: «Красота спасет мир».

Несите в мир красоту, - призывает Вс.Н. Иванов своих современников и последующие поколения людей, – показывайте ее во всех видах, воспитывайте в ней новые поколения, и многое, очень многое, исполнится. <...> И Рерих <...> своими трудами стремится к этому», – заключает автор книги³³⁴. Писатель открыто присоединяет свой голос в защиту мира и красоты, как основы и главного залога жизни, к голосам Достоевского и Рериха.

Идею о глобально-мессианской роли искусства Рерих обосновал в книге «Пути благословения», вышедшей в международном издательстве «Алатас» (Нью-Йорк – Париж – Рига – Харбин) в 1924 году. Материализована эта идея была в так называемом Пакте Н.К. Рериха, выдвинутом в 1931 году «Музеем Рериха» в Нью-Йорке и завершеном 15 апреля 1935 года подписанием его многими странами мира, в том числе США и СССР. В том же, в 1935 году, в Риге вышел сборник статей о Н.К.

³³² Там же. С. 49.

³³³ Там же. С. 95.

³³⁴ Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель. Рига, 1937. С. 94.

Рерихе «Рерих». Его авторы: Р.Я. Рудзитис («Музей Рериха»), Е.А. Москов («Служение человечеству»), В.А. Шибает («Пакт Рериха») – поддерживают позицию Рериха в том, что «заставить людей подумать и понять истинные ценности своего государства и также соседнее-национальных вкладов в сокровищницу Культуры, значит поднять мировоззрение на следующую ступень, то есть пробудить в людях желание самим создать лучшие культурные ценности и обратить их устремления к наивысшим идеалам»³³⁵

В работе о Рерихе берет начало одна из линий творчества Вс.Н. Иванова, историко-биографическая проза здесь впервые ясно и четко заявляет о себе. Писатель смотрит на художника как на гражданина, воплощающего в себе высокую меру ответственности за судьбы своей страны и человечества. Такая позиция, в высшей степени нравственная, была присуща самому автору книги, она с публицистической заостренностью проходит через все творчество Вс.Н. Иванова. Эта тема, как главная, получит свое дальнейшее развитие и углубление в историко-биографическом повествовании Вс.Н. Иванова «Александр Пушкин и его время» (Хабаровск, 1970), где Пушкин предстанет как великий государственный ум, как человек и гражданин, мыслящий исторически масштабно.

Книга Вс. Иванова «Рерих – художник-мыслитель», будучи изданной в 1937 году в Риге, являвшейся тогда зарубежьем для СССР, в лице ее автора явила всей российской эмиграции, и восточной, и западной ветви, крупного художника-мыслителя, гуманиста и патриота.

Художественное, научно-популярное, публицистическое, журналистское творчество Вс.Н. Иванова харбинского периода (1924 – 1936 гг.), глубинно связанное с главной темой его жизни, темой России, не позволяло ослабевать нерасторжимой связи писателя с Россией, которой он несказанно дорожил и которую берег, как самое святое.

Оккупация Японией в 1932 году северо-востока Китая, последовавшая затем политика новых властей на ужесточение контроля и диктата над деятельностью российской творческой интеллигенции сделали чрезвычайно сложным и проблематичным дальнейшее пребывание в Харбине многих русских эмигрантов. Не ужившись с властью японцев, Всеволод Никанорович после непродолжительной поездки в Тяньцзинь

³³⁵ Рерих: Сб. статей. Рига, 1935. С. 72.

переехал в 1936 году в Шанхай. На это же время пришлось разрыв его отношений со второй женой, Верой Анатольевной Ивашкевич. В Шанхае начался новый в некоторых отношениях период жизни и творчества писателя, мыслителя, журналиста, видного общественного деятеля.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ЖУРНАЛИСТСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В.С.Н. ИВАНОВА ШАНХАЙСКОГО ПЕРИОДА

Шанхай стал вторым по масштабу и времени образования центром русской эмиграции в Китае. Со времен еще до начала первой мировой войны в Шанхае проживала небольшая группа русских старожилов, переживая там грозные события войн и революций в России первых десятилетий XX века.

После отъезда из Владивостока в Гензан, ближайший корейский порт, в конце октября 1922 года более 30 кораблей с русскими беженцами, которые были там брошены российским адмиралом Старком буквально на произвол судьбы, только небольшая часть русских эмигрантов приехала в Шанхай. Эти беженцы и стали ядром новой русской колонии Шанхая, которая со временем, с притоком большой волны русских эмигрантов в конце 1920-х годов, преуспела, разбогатела и совершенно затмила небольшую группу русских старожилов Шанхая. Большинство же русских беженцев в начале 1920-х годов уезжала из Гензана главным образом в Маньчжурию, в блестящую тогда столицу расселения русских – Харбин.

Всеволод Иванов не сразу попал в Харбин. До конца 1922 года он жил в Корее, сначала в Гензане, потом в Мукдене. В конце 1922 года переехал в Японию, где прожил совсем недолго, успев, однако, издать свой поэтический сборник «Сонеты» (Токио, 1922). В 1923 году переехал в Шанхай, где плодотворно работал над книгой «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926). С 1924 года в жизни В.С.Н. Иванова наступил долгий харбинский период до непродолжительного отъезда в Тяньцзинь в 1933 году, а затем переезда в 1936 году в Шанхай. В 1929 году из-за советско-китайского конфликта в Маньчжурии произошел большой отток русских из Харбина в Шанхай.

В 1930-е годы Шанхай все более приобретал образ и статус международного города, в котором жизнь буквально кипела и бурлила. Такая обстановка в высшей степени благоприятствовала деятельности

журналистов из многих стран мира. Существенно пополнялся и штат русских журналистов из числа приехавших из Харбина. Русские эмигранты, несмотря на то, что многие из них не имели никакого гражданства и подданства, жили в Шанхае в условиях полной личной свободы. Один из известных в ту пору в Шанхае русских журналистов В. Петров через десятилетия так запечатлел атмосферу жизни Шанхая: «30-е годы в Шанхае были годами небывалого расцвета этого международного города, несмотря на то, что весь мир переживал необычайный экономический спад, вызванный страшной депрессией в Америке. И эти годы были годами расцвета и благополучия русской колонии Шанхая, которая к концу этой декады <...> увеличилась до 50 тысяч человек. <...> В этом грешном городе каким-то анахронизмом была русская эмигрантская колония, точно осколок русской патриархальной жизни. Греховная жизнь города мало коснулась этого пережитка дореволюционной России. По-прежнему, как и в старой России, шумно праздновалась масленица с ее пышными блинами и соответствующими закусками; веселым колокольным звоном церковью встречали русские шанхайцы на заутрене светлый праздник Рождества Христова. Студенческая молодежь бурно праздновала Татьянин день на традиционном Татьянинном балу и, конечно, встречали весело Новый год, с изрядным возлиянием «столового вина». Это был русский патриархальный уклад жизни, чудом сохранившейся в Зарубежье еще на десятки лет, после того, как он был уничтожен на Родине»³³⁶. Конечно, эти воспоминания полны ностальгической сладости: ведь в них нет и тени тех социальных проблем, с которыми сталкивались русские эмигранты и в Шанхае. Но истинное зерно, определявшее духовно-нравственный стержень русской эмиграции, влиявший на все другие аспекты жизни, подмечено верно. Атмосфера внутренней, духовной свободы, характеризовавшая жизнь русской эмиграции в Шанхае, была важным фактором дальнейшего развития и расцвета культуры и литературы русского зарубежья в этой части мира.

Одной из главных творческих лабораторий литературных сил русской колонии Шанхая была журналистика, которая в 1930-е годы переживала пору своего расцвета. Благодаря притоку известных журналистов из Харбина, заметно окрепли к 30-м годам самые крупные русские газеты Шанхая: «Шанхайская заря» и «Слово», – имевшие к тому

³³⁶ Петров В.П. Шанхай на Вампу: Очерки и рассказы. Вашингтон, 1985. С. 12.

же постоянный штат сотрудников. Редактором «Шанхайской зари» был Лев Валентинович Арнольд, талантливый, широко известный на востоке журналист. До 1925 года, времени переезда в Шанхай, он работал в харбинских газетах: «Русский голос», «Рупор», «Свет», «Заря». С 1933 года редакцией «Шанхайской зари» заведовал бывший харбинский журналист Александр Иванович Вейс. С 1930 по 1933 год в «Шанхайской заре» работал один из старейших журналистов, начавший свою журналистскую деятельность в 1913 году, Александр Алексеевич Бушуев. После 1933 года он стал сотрудником газеты «Слово». С осени 1930 года в «Шанхайской заре» сотрудничал Виктор Петров (1911 – 1988), уже тогда заявивший о себе и как писатель. Его перу принадлежат «вспоминательные» очерки и рассказы, собранные в книгу «Шанхай на Вампу» (Вашингтон, 1985). С 1929 года в газете «Шанхайская заря» сотрудничал поэт и журналист Михаил Цезаревич Спургот, до того работавший в Харбине в газетах «Речь» и «Вечерний телеграф», а также в журналах «Синий журнал», «Пилюля», «Вал», «Рубеж». В 1931 году из Харбина, где была коллегой Вс. Иванова по газете «Гун-Бао», приехала журналистка-фельетонистка Ю. Крузенштерн-Петерек и стала сотрудницей «Шанхайской зари». Ей принадлежат упоминаемые выше «Воспоминания» об эмигрантском периоде жизни. После второй мировой войны она уехала в Америку, где одно время была редактором газеты «Русская жизнь» в Сан-Франциско.

В «Шанхайской заре» в 1930-е годы работал бывалый, опытный журналист-фельетонист Николай Денисович Шилов, писавший под псевдонимом «Коля Шило». До этого он был фельетонистом в харбинской «Заре», где писал под другим псевдонимом – «герцог Лоренцо». В период с 1928 по 1931 год редактировал харбинский журнал «Рубеж».

Второй крупной газетой Шанхая было «Слово», где редакторствовал горный инженер Павел Иванович Зайцев. В газете «Слово» многие годы сотрудничал Николай Николаевич Языков, в конце тридцатых годов переселившийся в США, где стал постоянным сотрудником газеты «Новая заря» в Сан-Франциско.

Шанхай вообще был богат журналистами. Из молодых журналистов можно отметить харбинского поэта и журналиста Николая Федоровича Светлова, прибывшего в Шанхай в 1931 году. Он совмещал работу в «Шанхайской заре» и журнале «Прожектор». Многие из журналистов имели какую-то другую постоянную работу, поэтому писали изредка. Среди них: Николай Петрович Малиновский, который одно время издавал

в Шанхае республиканско-демократическую газету «Голос» и, кроме того, был в Шанхае председателем Трудовой крестьянской партии. Николай Николаевич Грозин короткое время издавал в Шанхае небольшие газеты: «Курьер» и «Новости дня». В 1930 году из Харбина приехал журналист, мастер фельетона, Алексей Владимирович Петров (Полишинель). В Шанхае вначале он был помощником редактора газеты «Вечернее время». Позже эта газета перешла в руки Лембича, который переименовал ее в «Вечернюю зарю», редактором которой и был назначен А.В. Петров. Многие журналисты, имея богатые возможности для выбора, частенько переходили из газеты в газету. Таким непоседой был Владимир Владимирович Дроздов. Работал он в «Шанхайской заре», «Слове», «Вечерней заре» и даже редактировал вместе с В.В. Клариним журнал национал-патриотов «Наш путь». До этого, в Харбине, он сотрудничал в газете «Рупор».

Были в Шанхае и другие газеты. Юмористическую газету «Копейка» редактировал бывший столичный журналист Чиликин, а газету «Время» недолго, правда, редактировал Борис Алексеевич Суворин, сын знаменитого А.С. Суворина. Завершая краткий обзор журнально-газетной жизни Шанхая, нельзя не отметить крупную фигуру в мире журналистики дальневосточного зарубежья – бывшего амурского журналиста Евгения Самойловича Кауфмана, который до революции сотрудничал в газетах многих городов Сибири и Дальнего Востока: Томска, Иркутска, Благовещенска и Зеи-Пристани. В Харбине Е.С. Кауфман владел крупной ежедневной газетой «Рупор». А с 1929 года стал директором-распорядителем журнала «Рубеж» и детского журнала «Ласточка». В работе «Ласточки» принимал участие и Вс.Н. Иванов. Позднее, по возвращении на Родину, детская тема займет свое место в творчестве писателя³³⁷. Вследствие неожиданной смерти М.С. Лембича в Шанхае в 1932 году газетное дело Е.С. Кауфмана расширилось. Банки, заведовавшие финансовыми операциями издательства «Заря», после смерти Лембича пригласили Кауфмана на пост директора-распорядителя издательства «Заря». Поэтому Кауфман стал самой крупной фигурой в среде русских газетных издателей в дальневосточном зарубежье.

Расцвет русской журналистики Шанхая в 1930-е годы явился отражением культурного подъема жизни города в целом, который, в свою

³³⁷ Иванов Вс.Н. Весенняя повесть о ящике на окне. Хабаровск, 1957; Иванов Вс.Н. Золотой бурундук: Фантастическая повесть. Хабаровск, 1963.

очередь, был обусловлен наступившим с началом 1930-х годов относительным материальным благополучием русской колонии Шанхая. «Русский Шанхай кипел, бурлил, жил полной жизнью, жил в полной свободе, без оков или ограничений», – вспоминал живший в то время в Шанхае русский писатель и журналист ³³⁸. Шанхайская «богема», как называли себя художники, литераторы, артисты и музыканты, создала широкую сеть кружков и обществ, в которых она могли проявить свои таланты и склонности, в кругу коллег по творчеству и соотечественников более остро ощутить общность своих корней.

Литературное содружество «Шанхайская Чураевка» было создано в августе 1933 года по типу харбинской несколькими членами одноименного харбинского кружка, переселившимися из Харбина в Шанхай. «На первом организационном собрании содружества, – вспоминал один из его участников, – присутствовало пять или шесть человек. Помнится, присутствовала поэтесса Ольга Скопиченко, поэт Николай Светлов, Сухатин и кто-то еще. Из писателей-журналистов я (В. Петров – С. Я.) был единственным» ³³⁹. «Шанхайская Чураевка» преуспевала. На ее еженедельные встречи стали приходить десятки, а позже и сотни людей. На собраниях содружества, происходивших регулярно по пятницам, выступали с чтением своих произведений и с докладами Ларисса Андерсен, Н.В. Петерец, В. Померанцев, Ольга Скопиченко и другие. Отдельные заседания и доклады на них были посвящены творчеству Андрея Белого, Ивана Бунина, С.Р. Минцлова, Б. Пастернака, И. Сельвинского, Саши Черного и других русских писателей, как советских, так и зарубежных. Осенью 1935 года «Шанхайская Чураевка» влилась в Литературно-художественное содружество «Восток» (1933 – 1936).

Чуть раньше «Шанхайской Чураевки», в октябре 1929 года, в Шанхае было создано Содружество русских работников искусства «Понедельник». Его инициаторами выступили писатель В.С. Валь (Присяжников), поэт Л.В. Гроссе, поэтесса О. Скопиченко, поэт М.Ц. Спургот. Первым председателем Содружества был художник Н.К. Соколовский. Затем Содружеством руководили писатели М.В. Щербаков, В.С. Валь, художник М.А. Кичигин.

«Понедельник», как первый творческий союз русских эмигрантов Шанхая, в 1930 году в журнале «Рубеж» (№ 45) поставил перед собой

³³⁸ Петров В.П. Шанхай на Вампу: Очерки и рассказы. Вашингтон, 1985. С. 39.

³³⁹ Там же. С. 35.

консолидирующую задачу: «Объединить русских работников искусства, создать ядро, вокруг которого могло бы выкристаллизоваться все живое и творящее, что занесено из России на Дальний Восток». Масштабность целей деятельности Содружества отражала многогранность художественного творчества соотечественников и духовно-нравственных запросов своего времени: развитие и укрепление русского искусства на Дальнем Востоке, изучение быта, искусства и культуры народов востока, создание русской художественной критики на дальневосточной окраине, изучение художественного творчества современной России. Ориентирование Содружества на изучение культуры, быта и реалий Востока, а также на изучение истории и современной России в связи с темой востока свидетельствовало об «азиатской» линии, проводимой содружеством. Данный факт вызывал в русской эмигрантской печати самые разные отклики: и восторженные отзывы, и критику за «пренебрежение к западу». Содружество и его главный печатный орган альманах «Понедельник» упрекали даже за «тяготение к Москве». Иная, чем на западе, направленность и в культурной жизни вообще, и в творчестве местных литераторов проявилась в главном издании содружества, в «толстом» литературно-художественном журнале «Понедельник», пять номеров которого вышли в период с 1930 по 1934 годы.

В сентябре 1930-го и в декабре 1931-го гг. содружество «Понедельник» на средства своих авторов выпустило два номера «толстого» журнала тиражом по 600 экземпляров. Последующие номера журнала создавались уже после распада содружества. Уход из «Понедельника» М.В. Щербакова и других известных журналистов и писателей (А. Несмелов, Вс. Иванов) привел к утрате прежде широкого диапазона содержания журнала «Понедельник». В 3-ем и 4-ом номерах освещалась местная шанхайская жизнь. Вскоре журнал прекратил свое существование. Однако это издание сыграло большую роль в культурной жизни дальневосточного зарубежья. Им были предприняты первые серьезные попытки в деле консолидации творческих сил эмиграции и установлении тесной связи со своим читателем. Даже непродолжительная деятельность журнала стала заметной вехой в жизни дальневосточной ветви русской литературной эмиграции начала 1930-х годов, равно как и всей истории русской литературы XX века. Рецензии на сборники и книги, отчеты о литературных конкурсах и художественных выставках,

некрологи, посвященные видным деятелем культуры русского зарубежья, помещенные в этом журнале, представляют собой большую фактическую основу для изучения отечественного историко-литературного процесса как единого целого.

В числе главных действующих лиц литературной секции Содружества и редакции журнала «Понедельник» были хорошо известные в дальневосточном зарубежье писатели и поэты: М.В. Щербаков, А.Д. Лаврентьев, К.В. Батулин, В.С. Валь (Присяжников). Проза в журнале была представлена В. Логиновым, Вс.Н. Ивановым, присылавшим свои произведения из Харбина, поэзия – А. Несмеловым, Л. Гроссе, Т. Андреевой, Н. Щеголевым, М. Спурготом, В. Янковской. Арсений Несмелов отправлял свою творческую корреспонденцию из Харбина, Виктория Янковская – из Кореи. В журнале впервые вышла поэма А. Несмелова «Через океан» (Шанхай, 1934), были напечатаны рассказы Вс.Н. Иванова из продолжавшейся с 1916 года серии «Любовь и служба Касьянова».

Большой и интересный материал представляли такие разделы журнала, как «Художественная хроника» и «Жизнь Содружества», которые отражали главные события культурной жизни россиян в Шанхае, Тяньцзине и Харбине. О творчестве русских художников читатель мог судить не только по отчетам о проходивших там выставках, но и репродукциям картин, представленных на специальных вкладках журнала. Репродукции работ М. Кичигина, В. Засыпкина, М. Лобанова, В. Подгурского можно было в те годы встретить не только на страницах «Понедельника», их часто печатали другие шанхайские журналы: «Современная женщина» и альманах «Врата». К сожалению, судьба подлинных полотен этих художников остается невыясненной. Фотографии работ художников, выполненных маслом, тушью, были большим достижением этих журналов на фоне скромных полиграфических возможностей русской прессы в Китае тех лет. Вклейки с репродукциями на плотной бумаге способствовали художественному восприятию интересных работ, представлявших восток сквозь призму европейской школы живописи.

В работе Содружества и одноименного журнала «Понедельник», кроме названных выше, принимали участие журналист Н. Иваницкий (барон фон-Грюневальдус), поэтесса И.Ф. Фрюаур, бывшая секретарем содружества, журналистка А.А. Иваницкая (Анна Дальняя), писатель-

драматург Павел Александрович фон-Ольбрих (Павел Северный), поэт и журналист Самсон Григорьевич Шахматов, создатель и редактор издававшегося в 1935 – 1936 гг. в Шанхае эмигрантского журнала с символическим названием «Феникс». В 1934 году И. Бунин установил прямую связь с шанхайским содружеством «Понедельник» и согласился быть его почетным председателем.

Творческая и возрастная неоднородность, а также проводимый содружеством «Понедельник», вернее, ее консервативной частью, курс нетерпимости к новым направлениям в искусстве, привели к расколу в рядах содружества. В результате группа в 12 человек, в основном молодых литераторов, 6-го ноября 1933 года вышла из содружества «Понедельник» и образовала в декабре 1933 года новое Литературно-художественное объединение «Восток». К нему в скором времени примкнули многие из иногородних членов-корреспондентов «Понедельника» во главе с Вс.Н. Ивановым и А. Несмеловым. Самим названием новое объединение еще больше актуализировало тему востока и поставило перед его членами задачу: не вступать в полемику, которую пытались поднять в местной прессе оставшиеся члены «Понедельника». Основной целью деятельности вошедших в «Восток» деятелей науки, культуры, литературы и журналистики стало объединение русских востоковедов, литераторов, художников, музыкантов и артистов, живущих на Дальнем Востоке, на платформе широкой терпимости к различным направлениям в искусстве, а также изучение быта, искусства и культуры народов востока. В правление объединения «Восток» вошли Д.А. Петрухин (председатель), Н.Н. Янковская (секретарь), писатели К.В. Батурин, М.В. Щербаков, художник В.А. Засыпкин. Объединение проводило литературные и научные собрания, на которых выступали с чтением своих произведений и докладов русские поэты, беллетристы и синологи.

Новое литературно-художественное объединение «Восток» сразу заявило о себе всерьез, предприняв издание своего печатного органа, альманаха «Врата». Во вступительной редакционной статье в первом номере журнала была изложена эстетическая программа объединения. Цели и задачи, выдвигаемые «Востоком», были обусловлены пониманием сложившейся историко-культурной ситуации и стремлением утвердить значимость и значительность культурного вклада в нее российской интеллигенции, заброшенной судьбою на восток. При этом подчеркивалась исключительность роли русской культурной и литературной эмиграции

Дальнего Востока в раскрытии культурно-художественных богатств этой малоизученной и малоизвестной части мира с целью приблизить восток своему соотечественнику. Перед творческой эмигрантской интеллигенцией России ставились две главные задачи. Во-первых, отразить, чем внутренне живут на Дальнем Востоке русские писатели и художники, занесенные сюда волною революции, и как претворяется в их творчестве этот своеобразный и самобытный мир. Во-вторых, показать русскому читателю хотя бы частицу культурно-художественных богатств востока, о которых все еще так мало сказано в русской литературе. Восток велик, ибо он дал миру все великие религии, отмечалось в редакционной статье. Само время выдвигало восток на авансцену мировой цивилизации, диктовало потребность и необходимость его изучения и познания в интересах прогресса всего человечества. «Живя в обстановке стран древних азиатских культур, – говорилось в редакционной статье, – мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины – связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией»³⁴⁰.

Используя старославянскую форму в названии журнала («Врата»), его создатели обозначили для себя приоритетной идею преемственности и неразрывной связи творческой деятельности с классическими традициями русского искусства: «Мы хотим продолжать в изгнании тот традиционный путь, который избрало русское искусство вообще, и литература в особенности, – поиски ответа на вечные вопросы человечества: как и для чего нам жить? Ибо если искусство не ищет и не дает ответа на эти вопросы, то для чего же тогда оно вообще существует?»³⁴¹. Эстетическая позиция создателей журнала «Врата» в условиях драматически развивавшегося в 1930-е годы историко-литературного процесса в самой России может быть охарактеризована как гражданская, в высшей степени нравственная и созидательная, ибо помогала сохранению для самой России ее будущего, создаваемых россиянами в изгнании нетленных ценностей искусства. Эта позиция, присущая в основном и в целом всей русской эмигрантской культуре и литературе, имеет большое научное значение, так как существенно расширяет методологическую базу для исследования

³⁴⁰ Врата: Литературно-художественный журнал // Шанхай. 1934. Книга 1. С. 2.

³⁴¹ Врата: Литературно-художественный журнал // Шанхай. 1934. Книга 1. С. 2.

процесса развития русской культуры, литературы и журналистики XX века как единого целого, соединившего в себе наследие метрополии и диаспоры.

Хотя ни в журнале «Понедельник», ни в журнале «Врата» не указывалась фамилия главного редактора, известно, что вдохновителем и организатором этих изданий был Михаил Васильевич Щербаков. Физик по образованию, военный летчик в первую мировую войну, он владел несколькими иностранными языками и проявил себя в эмиграции как активный деятель русской культуры, имевший незаурядные литературные способности. Будучи разносторонне одаренным человеком, М. Щербаков принимал участие во многих изданиях («Окно», «Багульник», «Китай» и др.) как поэт, прозаик, переводчик. Автор трех небольших книг: повести «Черная серия» (Шанхай, 1931), сборника рассказов «Корень жизни» (Шанхай, 1931) и поэтического сборника «Отгул» (Шанхай, 1944), он был хорошо знаком с уникальными национальными формами классической поэзии Китая, Японии. В первом номере журнала «Врата» было опубликовано небольшое стихотворение М. Щербакова, написанное им в Токио в излюбленной форме японской классической поэзии:

Танка ³⁴²

Белокрылая
Стайка бабочек дрожит
На сучках с утра.
Нет! – То слива расцвела
У притихшего пруда.

В этом журнале М. Щербаков выступил и как литературный критик с рецензией на вышедшую книгу очерков Всеволода Иванова «Огни в тумане: Думы о русском опыте» (Харбин, 1932). Рецензию отличает глубина и прозорливость в раскрытии своеобразия мировидения и мышления Иванова-публициста. У него (Вс.Н. Иванова – С. Я.), отмечает рецензент, «есть два неоченимых качества – это его редкая наблюдательность и его способность к широким и самостоятельным обобщениям, которые он делает по отношению ко всем отмечаемым явлениям» ³⁴³. Самостоятельность суждений, проистекающая из природного здравомыслия Иванова, свободного от всяческой

³⁴² Танка – излюбленная форма японской классической поэзии, состоящая из 31-го слога, расположение которых по строчкам обязательно должно быть в следующем порядке: 5-7-5 и затем 7-7.

³⁴³ Щербаков М. Вс. Иванов. «Огни в тумане: Думы о русском опыте». Харбин, 1932 // Врата. Шанхай. 1934. Книга 1. С. 199.

идеологизированности, отмечается как неотъемлемая черта творческой индивидуальности писателя Вс. Иванова. «И действительно, – пишет М. Щербаков, – в большинстве статей Вс. Иванов свободен и от «партийных», и от «традиционных» шор. Он ищет и часто находит свой собственный подход к самым разнообразным явлениям в истории прежней и в жизни современной России. Поэтому, с политической стороны, его мысли и точки зрения оказываются зачастую одинаково неприемлемыми для обоих лагерей, на которые раскололась сейчас Россия, – и для официально-коммунистической, и для традиционно-эмигрантской мысли»³⁴⁴. Наблюдения и обобщения Вс.Н. Иванова всегда свежи и остры, а заключения лаконичны и полемичны. Но при этом всегда сохраняется прочная связь с реальной действительностью. Вс.Н. Иванов – ученый и публицист, подчеркивает М. Щербаков, крепко и прочно опирающийся на реалии жизни. Знания не уводят его в заоблачную высь метафизики, а усиливают правду жизни. Характеризуя позицию Иванова, критик отмечает, что во всех очерках «красной нитью проходит глубокий, убежденный и над-партийный национализм автора, его уверенность в природном уме русского мужика, которому одинаково чужды как наносная культура прежнего, интеллигентного барина-западника, так и планетарные измышления современных властителей России. В этом Вс. Иванов видит залог надежды на конечное торжество народной русской стихии», – заключает М. Щербаков, абсолютно верно уловив основу понимания Ивановым природы русского характера³⁴⁵. Набиравшие силу евразийские позиции Вс.Н. Иванова были верно подмечены критиком.

Журнал «Врата» вышел только двумя номерами, которые являются в настоящее время библиографической редкостью, содержащей богатый материал как в художественном, научно-познавательном, так и в историко-литературном, культурном отношении. Произведения, включенные в эти сборники, предварительно заслушивались на собраниях объединения «Восток», где неизменно рождались творческие дискуссии. Эти «толстые» журналы, каждый объемом более двухсот страниц, включают в себя поэзию и прозу русских писателей и поэтов, в основном, дальневосточного зарубежья, а также рецензии на вышедшие, причем не только в Китае, книги русских авторов, хронику культурной и литературной жизни русской

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Щербаков М. Вс. Иванов. «Огни в тумане: Думы о русском опыте». Харбин, 1932 // Врата. Шанхай. 1934. Книга 1. С. 199.

эмиграции, обширные научные статьи о русской культуре, искусстве и литературе. Большое место, как в художественном, так и в научном творчестве авторов этих двух номеров занимала тема востока. Среди опубликованных – статьи следующих авторов: «Листы дневника» Н.К. Рериха, «Сокровища китайского искусства» Л.В. Арнольдова, «Учение Дао» Синолога, «Китайский иероглиф» Е.А. Федорова, «Бусидо» А.А. Цепушелова, «О творчестве И.А. Бунина» А.Д. Лаврентьева и др. Если в первом номере журнала были опубликованы стихотворения шести поэтов (К. Батулин, Б. Бета, Вс. Иванов, А. Несмелов, В. Обухов, М. Щербаков), то во втором – уже двенадцати (кроме названных выше – Т. Андреева, Т. Баженова, Л. Ещин, А. Казанский, В. Янковская, Б. Волков). Значительная часть поэтических произведений была посвящена теме востока. Это – стихотворения А. Несмелова «Хунхуз», М. Щербакова «Стихи императора», «Японский храмик», «Вишня», «Танка», Т. Андреевой «В храме Ми-син» и другие. Особенности культуры востока, духовная жизнь, быт и уклад жизни местного населения – в центре поэтического внимания большинства авторов этих сборников.

Японская тема, заявленная в названных выше стихотворениях М. Щербакова не только через содержание, но и через поэтическую форму японской классической поэзии, свое дальнейшее развитие нашла в традиционных «Японских стихах» Вс. Иванова, опубликованных во второй книге журнала «Врата» (Шанхай, 1935). Представленные эмигрантскому читателю пять японских стихотворений Вс. Иванова («Любовь», «Игрушка», «Ветер», «Носильщики», «Красота») впервые были опубликованы в 1921 году в Воскресном приложении к владивостокской газете «Русский край» (№ 137). Но в первой публикации было шесть стихотворений, и первым шло исключенное из второй публикации стихотворение «Слива». Основные стихии природной жизни, вечные ценности человеческой жизни и культуры – таковы темы японских стихов Вс. Иванова. Эти стихотворения не публиковались с тех далеких пор, и отечественному читателю они неизвестны. Мы приводим эти стихи как малоизвестный, но, безусловно, важный художественный и историко-культурный факт из многогранного творческого наследия Вс.Н. Иванова.

Японские стихи

Слива

Белые цветы, как бабочки на тонких ветках,
Ветки без листьев, их ветер не качает, а слегка трясет.

Фарфоровая Луна на зеленом небе.

Слива цветет.

Любовь

Серебряные нити дождя во тьме, на электрическом свете,

Вонзаются в кустики брызг, тоже блестящих.

Плоский зонтик, черная крыша, соединяет их обоих.

Стоят прижавшись.

Игрушка

Под зеленым светом газа в длинной лавке,

Среди зеркал и гребенок стоит игрушка:

Разодетый самурай под цветущей вишней

Чертит на дереве заветное имя.

Ветер

Теплый ветер веет, и на высоких шестах летают красные карпы,

Ныряют в воздухе, вьются и носятся.

Розовым цветом залиты пустынные вишни.

У домика раздвинуты рамы. Внутри прохладно.

Носильщики

Пусть бредут в грязи бедные носильщики, как ежи в соломенных
накидках.

Дождь звонко стучит в их широкие шляпы конусом.

В паланкине, за стеклами, прижавшись – молодая дама.

Над горами ветер носит облака и туманы.

Красота

Луна холодна на синем шелке неба, над черной зонтичной сосной;

Холодны цветы, изысканы изящные вырезы без запаха;

Всего холоднее белый снег на пурпуровых воротах храма.

Эти три холодные вещи весьма красивы.

Глубокое знание национальных традиций японской культуры, отражающих особенности миропонимания и уклада жизни японцев, уважение к духовной жизни другой нации, желание и стремление найти точки соприкосновения человеческих душ, которые бы не разделяли, а соединяли людей, независимо от их национальной принадлежности, – таковы идеалы художника и поэта Вс.Н. Иванова.

Будучи сторонником взглядов евразийцев в вопросе культурно-исторического развития России, Вс.Н. Иванов целенаправленно и глубоко изучал Китай, его историю и современность, культуру и литературу. Он вполне сознательно взял на себя миссию просветителя и пропагандиста истории и культуры древнего и мудрого востока во имя будущего процветания России и человечества в целом. Освоение культуры востока, и Китая в частности, происходило у Вс.Н. Иванова на уровне науки и художественного творчества, как прозаического, так и поэтического.

В журнале «Врата» за 1934 год увидели свет два стихотворения Вс.Н. Иванова, связанные с восточной тематикой и навеянные особенностями китайского уклада жизни, традиций этого народа. Эти стихи были написаны в Харбине в 1929 году. Одно из них, «Сумерки», представляет собой художественно-поэтическую зарисовку, близкую кисти художника. Талант Иванова-художника, тяготеющего к передаче мира своих внутренних ощущений через многообразие красок, тонов и оттенков, проявился в этом стихотворении ярко и выразительно:

Из голубого в палевый	Изогнутое дерево
Спустился цвет небес.	Прорисовала кисть.
Опаловый, эмалевый	Лазорево и хмелево
На нем горы отвес.	В полях дымки свились.

И близко над оврагами
Из глины битый дом
Уж светится бумагою
Заклеенным окном ³⁴⁷.

Стихотворение «Харчевка», с не очень поэтическим, на первый взгляд, заглавием, обращает читателя к совершенно другой, плотской стороне жизни китайцев, через прозаические детали быта воссоздавая своеобразие уклада жизни целого народа. Облекая в поэтическую форму

³⁴⁶ Иванов Вс. Японские стихи // Русский край. Владивосток. 1921. № 137. Приложение.

³⁴⁷ Иванов Вс. Сумерки: Стихи // Врата. Шанхай. 1934. № 1. С. 10 – 11.

бытовой эпизод из жизни китайцев, поэт Иванов утверждает значимость и ценность всех проявлений человеческой жизни, одновременно говоря, что нет непоэтических тем. За основу поэт берет не случайный эпизод из быта китайцев, а эпизод, всколыхнувший душу автора. Стихотворение обнажает скрываемую боль лирического героя, прошедшего через огонь и кровь гражданской войны. Осмысление факта разделки туши животного приобретает философское звучание через многозначность словосочетаний и оксюморонность соседствующих слов («стынет кровь», «рубиновое мясо», «рваное окно» и т. д.):

В фарфоровом тазу при входе стынет кровь;
Кругом лежит рубиновое мясо.
Впервые с дней войны в Китае слышу вновь
Знакомый сладкий и дурманный запах.
 Огонь под очагом танцует и гудит,
 Кот изгибается в меланхоличной лени,
 И томный китаез задумчиво вертит
 Над круглой кадкой круглые пельмени.

Два желтых мужика едят из чашек рис,
День – в рваное окно – победоносно светел,
А у дверей качает вверх и вниз
Бумажные цветы декабрьский, теплый ветер.

Харбин, 1929³⁴⁸

Два мироотношения соприкоснулись в одной точке жизни и обнажили два разных мироощущения. Напряженному, драматическому видению жизни лирического героя противоположно спокойное умиротворение китайцев, живущих обыденной, размеренной жизнью. Стихотворение словно приоткрывает дверь в новый, малознакомый мир жизни другого народа, не предлагая никаких оценок.

В обоих номерах альманаха «Врата» была представлена и проза Вс.Н. Иванова. В сборнике за 1934 год опубликован его рассказ «В тумане» из продолжавшейся серии «Любовь и служба Касьянова». В этом рассказе перед читателем разворачивается очередная любовная интрига Касьянова, давнего приятеля Вс. Иванова. Касьянов, движимый чувством мужской солидарности, пытаясь помочь своему влюбленному другу, «уступает» ему влюбленную в него девушку. Финал драматичен. Используя банальную

³⁴⁸ Иванов Вс. Харчевка: Стихи // Врата. Шанхай. 1935. № 2. С. 14.

ситуацию любовного треугольника, писатель поднимает серьезную нравственную проблему о праве одного человека распоряжаться чувствами другого, тем более, если это – женщина. Ложь и предательство – качества, не совместимые ни с дружбой, ни с любовью, утверждает своим рассказом Вс.Н. Иванов.

Во втором номере журнала «Врата» Вс.Н. Иванов следует в главном русле тематической направленности этого издания и объединения «Восток» и предлагает читателю две сказки на восточную тему. На традиционном месте эпиграфа к сказкам автор делает предваряющее замечание: «Темы двух нижеследующих сказок любезно сообщены проф. Я.Я. Брандттом, в Пекине. Вс. И.»³⁴⁹. Эти сказки («Экзамен на духа-покровителя города» и «Любовь к цветам») Вс. Иванов написал в Тяньцзине, где находился в тот короткий период жизни и откуда прислал в альманах. Главный герой сказки «Экзамен на духа-покровителя» назван именем духовного учителя всех китайцев – Дао. Вс. Иванов в основу произведения положил Учение Дао, откуда, явно с просветительской целью, цитирует целые отрывки:

Добро и зло в одном лишь не пребудут.

До двух нам надобно, по крайней мере, счесть.

Добро с намерением в добро считать не будут.

А зло случайное во зло вам не зачесть³⁵⁰.

Сказка «Любовь к цветам» знакомит читателя с появлением одного из духовно-нравственных обетов китайцев, обета любви. В городе Шан-ли, рассказывает Вс. Иванов, жил справедливый человек Чжан, который свято хранил обеты и не знал женской любви. Он ухаживал за цветами в саду, среди которых были белые и красные пеоны. И вот однажды красный пeon перевоплотился в изумительно прекрасный женский образ. Это была Чжи-Э, которую Чжан отвоевал в прежней жизни и любил. И в тот же миг он почувствовал, что женскими образами «исходил аромат сада и через тысячи переселений шла великая любовь, ароматная, как цветы»³⁵¹. И тогда Чжан написал новую настенную табличку: – Любовь к цветам. Новая табличка стала символом трепетного, верного отношения к любви.

³⁴⁹ Иванов Вс. Экзамен на духа-покровителя города. Любовь к цветам: Две сказки // Врата. 1935. № 2. С. 110.

³⁵⁰ Там же. С. 112.

³⁵¹ Иванов Вс. Экзамен на духа-покровителя города. Любовь к цветам: Две сказки // Врата. 1935. № 2. С. 116.

В отделах рецензий и отзывов двух альманахов «Врата» представлены заметки и статьи о новых книгах русских авторов: писателей, поэтов, журналистов, ученых. Среди анализируемых книг – 2-я и 4-я книги стихов Марианны Колосовой, «Посмертные стихи Н. Гумилева», «Беседы о русской литературе» В. Перемилковского, «Звезды Маньчжурии» А. Хейдока, «Лола» В. Петрова, «Китай, как он есть» Л. Арнольдова, а также упомянутые выше «Огни в тумане» Вс. Иванова.

Один из активных членов литературно-художественного объединения «Восток», Самсон Григорьевич Шахматов, опубликовавший в вышедших номерах альманаха «Врата» рассказы «Трое» и «Буран», в 1935 году выступил инициатором создания постоянного журнала, доступного для начинающих литераторов. Для его организации была создана комиссия, в которую вошли С. Шахматов, художник В. Засыпкин, капитан дальнего плавания А. Качимов, архитектор Томашевский и издатель газеты «Слово» И. Алтадуков. Журнал было решено назвать «Феникс». Своими литературными материалами журнал согласились поддержать блестящий эмигрантский писатель, беллетрист Михаил Осоргин, живший в Париже, а также жившие в Калифорнии русские писатели Борис Волков и Петр Балакшин, с которым вел переписку М. Щербаков. «В сентябре 1935 года, – читаем мы в одном из современных исследований, – вышел первый номер «Феникса». В нем: стихи А. Несмелова, рассказ П. Балакшина «Человек с заячьей губой» и другие материалы»³⁵². Редактором журнала стал С. Шахматов. «Феникс» выходил в течение 7 месяцев, после чего в марте 1936 года из-за отсутствия финансов прекратил свое существование. В том же году распалось и Литературно-художественное объединение «Восток». В журнале «Феникс» увидели свет произведения таких писателей и поэтов, как М. Щербаков, М. Осоргин, Б. Волков, Т. Баженова, К. Батулин, Н. Светлов, Н. Щеголев, Л. Хаиндрова и ряд других. М.П. Григорьев из Японии присылал специально для «Феникса» переводы произведений японских писателей. Тема востока оставалась важной и одной из главных в этом журнале. Мы располагаем косвенными данными о существовании этого журнала, поэтому не можем ответить на вопрос, публиковал ли в этом журнале свои произведения Вс.Н. Иванов. Но он наверняка не мог не знать о нем, так как, активно участвуя в работе альманаха «Врата»,

³⁵² Чернолуцкая Е.Н. «Феникс» восстает из забвения // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 201. С. 270.

поддерживал отношения с коллегами по журналу, которые были создателями «Феникса».

В середине 1930-х годов русская колония Шанхая переживала пик активности литературной и культурной жизни. Здесь работало много литературно-художественных кружков и объединений, выходили такие журналы и альманахи, как «Понедельник», «Врата», «Феникс», «Парус», «Лик Востока». Именно эта творческая атмосфера жизни русских в Шанхае и стала одной из главных предпосылок переезда сюда Вс.Н. Иванова в конце 1936 года. Число кружков, занимавшихся проблемами литературного творчества, продолжало расти. В ноябре 1933 года при Еврейском клубе Шанхая был создан русскоязычный Литературно-художественный кружок «Четверг».

Содружество ХЛАМ начало свое существование осенью 1933 года и объединило в своей организации Художников, Литераторов, Артистов и Музыкантов. Основали его видные и активные представители шанхайской «богема»: журналист А.В. Петров (Полишинель), поэт М.Ц. Спургот, редактор «Шанхайской зари» Л.В. Арнольдов, балетмейстер Э.И. Элиров, писатель В.С. Валь, музыкант А.Г. Бершадский, артистки З.А. Прибыткова и В.В. Панова-Рихтер. «Среды» ХЛАМа скоро стали самыми популярными вечерами русской колонии Шанхае, потому что в них принимали участие лучшие культурные и литературные силы русского Шанхая: писатели, поэты, музыканты, артисты драмы, оперетты, балета. На «Среды» ХЛАМа публику привлекала непринужденность обстановки, особая, богемная атмосфера, веселье. Успеху вечеров в немалой степени способствовало то обстоятельство, что их вел постоянный конференсье, остроумный Эдуард Элиров. Обычно вечера ХЛАМа проходили под одним из девизов: «Веселые эстрадники», «Улыбка Терпсихоры», «Поэзо-вечер», «Шестая держава» и другие. Многие вечера были посвящены творчеству его отдельных членов. Постоянным лейтмотивом творческих встреч ХЛАМа была борьба со скукой, никаких сверхвысоких, культурных притязаний у этого содружества не было. Подтверждением тому может стать текст одной из шуточных деклараций содружества:

Ударим опять по струнам,
Утрем носы перунам,
Расщекочем в боевом порядке,
Все животы и все пятки!
Сшибем кастетом скуку,

Пожмем вдохновенно руку...

Без потуг,

Без натуг,

Создадим веселый круг!

Вот вам ясно и прямо

Декларация ХЛАМа!

Больше соли!

Соли до боли!

Больше живой воды!

Богема:

– В ряды !!!³⁵³

В 1936 году специальным гостем ХЛАМа стал приехавший из Парижа на гастроли Александр Вертинский, которому «так понравился Шанхай, вернее, русский колорит Шанхая, что он решил там обосноваться» (309-36). «Первым рыцарем Шанхайской богемы» прозвали Вертинского русские эмигранты. В том же, 1936-м году, на гастроли в Шанхай приезжал из Европы Федор Иванович Шаляпин.

Культурному расцвету Шанхая в 30-е годы во многом способствовало увеличение числа издательств, активно пополнявших литературный запас эмиграции произведениями различных жанров как русской классики, так и современных эмигрантских писателей и поэтов. Издавалась необходимая учебная литература, научно-познавательная, знакомившая с историей и культурой страны, принявшей русскую эмиграцию.

Литераторы русской колонии Шанхая, желая преодолеть оторванность от России и читателя-соотечественника, разобщенность с другими центрами русской эмиграции, стремились к широкому общению со своими соотечественниками во всем мире. В этом направлении русские эмигранты Шанхая проявили инициативу, предложив парижским литераторам совместное издание общественно-политического и литературного журнала «Русские записки». Эта инициатива была нацелена на внимание к литературе Дальнего Востока и освещение проблем дальневосточного зарубежья. В канун второй мировой войны вышло два тома общего (Париж-Шанхай) журнала «Русские записки». В первом из них в статье «От редакции» была изложена единая платформа деятельности

³⁵³ Петров В.П. Шанхай на Вампу: Очерки и рассказы. Вашингтон, 1985. С. 36.

русской литературной эмиграции независимо от того, в какой части света она находилась. Эта общность предопределила последующее воссоединение этих потоков русской литературы за рубежом с внутрироссийской литературой. Надежда на воссоединение жила подспудно, она определяла смысл и цель творчества русской литературной эмиграции. «Менее всего мы хотели бы замкнуться в среде и интересах эмиграции. Наши взоры направлены на мир – и Россию. России мы хотим отдать все наши силы и всю нашу верность. Ее хотим оградить и защитить от всех внешних враждебных ей сил, и прежде всего работать для познания России – живой, непрерывно меняющейся, ускользающей от сторонних глаз – под густым покровом официальной лжи, ее скрывающей. <...> Необычайно сложна русская жизнь; противоположны силы, действующие в ней и творящие ее будущее. Мы приветствуем все положительное, доброе, творческое, что доходит до нас из России. Но мы непримиримы к насилию и лжи, по-прежнему, на двадцатый год революции, пронизывающим всю русскую жизнь. Мы с русским народом, страдающим под гнетом аракчеевского коммунизма, мы с русской интеллигенцией – старой и новой, которая мужественно работает над строительством русской культуры. Но палачи России найдут в нас самых решительных врагов»³⁵⁴. Такой, в высшей степени подвижнический, характер проводимой культурной работы утверждался редакцией «Русских записок» в их декларации от 1 июня 1937 года.

Журнал «Русские записки», как младший собрат журнала «Современные записки», в решении главной творческой задачи – служить России во имя ее процветания – взял ориентир на связь Парижа с другими центрами российской эмиграции. «Русские записки» заняли толерантную позицию свободного приятия старых и новых течений в поэзии и прозе. Чуждая всякого направленства, редакция журнала в оценке предлагаемых к публикации материалов руководствовалась не требованиями старого или нового стиля, а «исключительно художественными достоинствами». Из художественных произведений дальневосточных авторов в первом номере за 1937 год были опубликованы «Песни об Уленспигеле» Арсения Несмелова. Во втором номере увидел свет рассказ Б. Волкова «Степной ворон» из его книги «Царства Золотых Будд», в то время готовящейся к печати.

³⁵⁴ От редакции// Русские записки. Париж – Шанхай. 1937. № 1. С. 1.

Эти два номера журнала «Русские записки» стали серьезной попыткой «прорубить окно» в мир западной российской эмиграции, разорвать кольцо изоляции, в котором оказалась дальневосточная эмиграция, в том числе по причине чрезвычайной географической оторванности и недостаточно развитой системы связи.

Раздел журнала «Русские записки» под названием «Дальневосточное обозрение» знакомил читателя с историко-культурной, политической ситуацией в Китае и условиями жизни и творчества российской эмиграции в этой части света. О политических событиях в Китае рассказывала статья «События в Северном Китае» Н.П. Меди. Автор другой статьи, «Русская эмиграция на Дальнем Востоке», Н. Лидин знакомил западного читателя с краткой историей возникновения дальневосточной ветви русской эмиграции, особенностями положения российских эмигрантов в Китае. Более подробно характеризовалась ситуация оттока из Харбина русских эмигрантов после начавшейся в 1931 году японской оккупации северо-востока Китая: «Край, совсем еще в недавние времена напоминавший свое родное, русское, становится подлинной чужбиной. <...> Лучшее в прошлом, будущее – темно и безрадостно»³⁵⁵. При этом автор сделал акцент на том, что многолетнее пребывание в Китае высокоинтеллектуальной интеллигенции из числа русских оставило большой след в сфере нематериальных ценностей этой страны.

Автор статьи «Эмигрантские писатели на Д. В.», подписавшийся лишь инициалами «И. Ф.», отметил, что за последний год на Дальнем Востоке было издано почти два десятка книг местных авторов. «Такое количество книг, – продолжает И.Ф., – появившихся в течение одного года в эмигрантских условиях и вдали от культурных центров, – явление, мимо которого нельзя пройти»³⁵⁶. Далее читателю предлагались краткие рецензии на вышедшие в Шанхае в 1936 – 1937 гг. произведения прозы и поэзии русских авторов, живших на Дальнем Востоке в условиях эмиграции. Рецензируя книги М. Визи («Стихотворения II»), А. Несмелова («Рассказы о войне»), В. Валя («Дорога к счастью»), П. Северного («Женщина у Полярных Звезд» и «Тургеневская сказка»), Б. Уварова («В дебрях Монголии»), Б.Я. Ильвова («Ураган», «Смерч»), Лейт. Льдовского

³⁵⁵ Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. Париж – Шанхай. 1937. № 1. С. 321.

³⁵⁶ И. Ф. Русские писатели на Д.В. // Русские записки. Париж – Шанхай. 1937. № 1. С. 324.

(П.Ф. Ляпидовский, «Скиф»), Е. Соломбина («Таинственное в обычном»), критик проявляет некоторую предвзятость, явно завышая планку требовательности, демонстрируя свой чрезмерный критицизм. Амбициозность западной критики по отношению к произведениям, созданным на востоке и претендующим на свое место в истории отечественной литературы XX века, воспринималась в тех обстоятельствах как некая данность.

Попытка, предпринятая журналом «Русские записки» в деле установления культурных и литературных связей между центрами российской эмиграции в 1937 году, не была первой, равно как и не осталась единственной или последней. Совместный выпуск «Русских записок», продолжавшийся совсем не долго, имел свои перспективные как для дальневосточной эмиграции, так и для всего отечественного историко-литературного процесса XX века последствия. Журналы, как и другие периодические издания и издательства западной российской эмиграции вынуждены были потесниться на информационном и литературно-журналистском пространстве и принять факт существования дальневосточной литературной ветви эмиграции. Писатели, поэты и журналисты, жившие в Китае, стали чаще своими произведениями появляться на страницах западных изданий. Этот же журнал, уже после прекращения совместной работы в организационном плане, в 1939 году опубликовал подборку стихотворений Алексея Ачаира «Стихи одного дня»³⁵⁷. В эту подборку вошли разные по тематике и тональности стихотворения дальневосточного поэта-эмигранта, которые свидетельствовали о богатстве содержания и мастерстве формы. Ностальгические мотивы, своеобразно переплетаясь со свобододобивыми, (стихотворения): «Птичка», «Черный лебедь»), соседствовали с утверждением поэзии как труда в высшей степени бессеребрянического («Золотая прядь»), с изображением полноты и богатства духовного и душевного мира русского эмигранта, сохранившего в себе память сердца («Стихи без слов»).

О внутреннем стремлении к творческому сотрудничеству и взаимодействию двух ветвей российской эмиграции свидетельствует факт выхода в Шанхае в 1937 году сборника «Парижские дни в Шанхае». К сожалению, сборник остается недоступным, но сам факт его существования отмечен одним из крупных собирателей, хранителей и

³⁵⁷ Ачаир А. Стихи одного дня // Русские записки. Париж. 1939. № 18. С. 85.

исследователей русской зарубежной литературы Э. Штейном в его книге «Поэзия русского рассеяния (1920 – 1977)» (М., 1978).

А несколькими годами раньше, в конце 1935 года, в Париже вышла первая антология русской зарубежной поэзии «Якорь». Ее составителями стали Г. Адамович (1894 – 1972) и М. Кантор (1884 – 1970). Название этой антологии «Якорь» Г. Адамович позаимствовал из стихотворения Е. Боратынского «Пироскаф», которое было создано автором на пути из Марселя в Неаполь. В этом стихотворении есть строки о марсельских матросах, руки которых поднимают «якорь – надежды символ». Г. Адамович в одном из писем периода составления антологии так обосновывал предлагаемое им название: «Надежды символ: вот лучшее и самое глубокое определение книги. Кстати, – отмечал он, – и Боратынскому надежда явилась вдалеке от Родины»³⁵⁸. В «Якоре» были представлены произведения 77 российских поэтов-эмигрантов, 49 из которых жили во Франции, остальные, в основном, – в странах Западной Европы. И только четыре поэта представляли дальневосточное зарубежье. Это Валерий Перелешин, Арсений Несмелов, Алексей Ачаир и Николай Щеголев. Невероятная диспропорциональность представительства позволяет говорить о неполноте этой антологии, составители которой не имели, вероятно, возможности в полном объеме ознакомиться с картиной жизни русской эмигрантской поэзии дальневосточного зарубежья. Кроме названных в этой антологии четырех поэтов дальневосточной эмиграции, заметное влияние на культурную и литературную жизнь русской колонии Китая оказывали, без сомнения, такие поэты, как В. Март, М. Колосова, Вс. Иванов, Н. Резникова, М. Визи, Л. Ещин, И. Лесная, Е. Недельская, Л. Гроссе, О. Скопиченко, Н. Светлов, М. Щербаков и другие. Их поэтическое творчество лишь в малой части известно современному историку литературы, а еще меньше – широкому читателю, в то время как в нем осталась запечатленной в художественных образах существенная часть жизни, культурной истории страны. О значении и ценности этого малоизученного пласта русской литературы XX века прозорливо сказал один из рецензентов «Якоря», видный исследователь русской зарубежной литературы В. Вейдле. Он писал в парижских «Последних новостях»: «Они (эмигрантские поэты – С. Я.) заполняют тот перерыв, который иначе образовался бы в русской литературе, они сохраняют то, что иначе было бы

³⁵⁸ Струве Г. К истории русской зарубежной литературы // Новый журнал. Нью-Йорк. 1972. № 107. С. 226.

потеряно. Об этом вспомнит Россия когда-нибудь, когда ей опять будут нужны стихи, а не версифицированное строительство, а если и не вспомнит, то все же воспользуется тем, что было и чего без эмигрантских поэтов не могло быть... Их подвиг – иначе об этом не скажешь – и глубоко личный, и в то же время общий»³⁵⁹. Этот тихий, трудный и большой подвиг когда-нибудь будет оценен в полной мере, без купюр и изъятий.

По пути этого незаметного подвига шла в годы Великой Отечественной войны литературная эмиграция дальневосточного зарубежья. Литераторы Шанхая, из них – часть бывших «чураевцев», Н. Петерек, Л. Андерсен, Ю.В. Крузенштерн-Петерек, Н. Щеголев, В. Перелешин, Л. Хаиндрова, В. Иевлева, М. Коростовец, В. Померанцев основали новую студию поэтов под названием «Остров». Студийцы собирались на свои литературные «Пятницы» в помещении перестроенного гаража Олега Лундстрема, известного в советское время джазиста, жившего тогда в Шанхае. В 1946 году издательство шанхайской студии поэтов «Остров» издало сборник стихотворений участников студии под таким же названием. Сборник получился объемным, в 252 страницы, имел тираж 1500 экземпляров. Э. Штейн, американец, подвижник и собиратель материалов о русской дальневосточной эмиграции, в 1985 году гостил у одной из участниц поэтической студии «Остров» Лариссы Андерсен, которая жила во французской глубинке, в маленьком городке Иссанжо, что в департаменте Верхняя Луара. Тогда вместе они составили антологию поэзии дальневосточников «Остров Лариссы», в которую вошли стихи 18-ти эмигрантских поэтов, посвященные их Музе, их Сольвейг – Лариссе Андерсен³⁶⁰.

С началом Великой Отечественной войны патриотическое движение в среде российских эмигрантов стало расти, вовлекая в свою орбиту все большее число соотечественников, еще вчера находившихся в оппозиции к Советской власти.

Вс.Н. Иванов, живший в те годы в Шанхае, стал одним из активных участников патриотического движения в среде русских эмигрантов в поддержку СССР в войне, навязанной ей фашистской Германией. Свои патриотические позиции Вс.Н. Иванов отстаивал в литературной и общественно-культурной деятельности. В 1941 году патриотически

³⁵⁹ Струве Г. К истории русской зарубежной литературы // Новый журнал. Нью-Йорк. 1972. № 107. С. 230.

³⁶⁰ Остров Лариссы: Сб. стихотворений. США: Антиквариат, 1988.

настроенные поэты русской колонии Шанхая издали сборник «Стихи о Родине». Известный американский ученый-историк, собиратель, хранитель и исследователь русской зарубежной литературы в одной из своих статей называет участников этого сборника, делая достоянием исследователей уникальные факты. Он пишет: «Этот сборник, куда вошли угарно-патриотические стихи Льва Гроссе, Вс.Н. Иванова, Норы Крук, Валерия Одинцова, Вальдемара Перли, Николая Петереца, Николая Светлова, Левана Хаиндрава, Николая Щеголева, – сейчас исключительная библиографическая редкость»³⁶¹.

Э. Штейн приводит строки из патриотического стихотворения Л. Гроссе «Советский пилот», характеризуя творчество этого поэта как нечто среднее между соцреализмом и фантастикой:

Гордись, Пролетарий,
Пари над вселенной,
По солнечной воле –
Она, ведь, твоя –
Твой Серп золоченный,
Твой Молот священный
Взывают к последним боям бытия!³⁶²

В эти же годы в Шанхае выходил просоветский журнал «Эпоха», в котором сотрудничали патриотически настроенные эмигранты. В нем печатала свои стихи одна из самых молодых из дальневосточной когорты поэтов, бывшая советской подданной, Нора Крук, «ушедшая» после войны в английскую литературу.

В годы Великой Отечественной войны Вс.Н. Иванов работал в Шанхае на радиостанции «Голос Родины» со дня ее основания, 30 августа 1941 года, по 3-е февраля 1945 года, день своего отъезда в СССР. Выступая перед радиослушателями, как диктор, он читал вещи, выходящие из-под его собственного пера, а именно, острые политические фельетоны, проводил циклы бесед по истории общественного движения, читал доклады из серии «Наша страна». Он провел большой цикл уникальных литературных передач в виде монтажа («Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Тарас Бульба», «Тихий Дон», «Накануне» и др.), в форме докладов об отдельных писателях и поэтах России (М. Горький, Л.Н. Толстой, М. Шолохов, М.Ю. Лермонтов. А.С. Пушкин и др.). Им была

³⁶¹ Штейн Э. Поэты русского Китая // Новый журнал. Нью-Йорк. 1997. № 206. С. 147.

³⁶² Там же.

создана серия передач «Славянское Единение», в которых Вс. Иванов проявил глубокие знания культурного развития славянских народов, славянской литературы и истории. Работа на радио выявила необыкновенно широкую эрудицию, высокий интеллект Вс.Н. Иванова, дала прекрасную возможность реализовать его творческой индивидуальности и универсализма знаний, еще сильнее ощутить свою внутреннюю, глубинную духовную связь с Россией и своим народом. Эта работа способствовала осуществлению заветной мечты о возвращении писателя на Родину. Эта деятельность показала высочайшую требовательность к себе и ответственность писателя за свое слово. В справке, выданной Вс.Н. Иванову директором радиостанции «Голос Родины» от 3 февраля 1945 года, отмечалась «большая работоспособность Вс.Н. Иванова, живой, острый язык, хороший голос и выразительное чтение»³⁶³.

Общественно-политическая обстановка в Китае и Шанхае, в частности, в связи с началом второй мировой войны и последующим нападением Германии на СССР заметно осложнилась: и здесь тоже столкнулись интересы враждебных мировых сил. Патриотическое движение в среде российских эмигрантов в поддержку СССР в ее освободительной войне против фашистской Германии испытывало сильное давление и сопротивление со стороны милитаристских кругов Японии, а также эмигрантов, объединившихся в Российский фашистский союз (РФС). При этом важно отметить, что русский фашизм имел шаткие позиции на мировой арене, так как опирался на мистически-религиозную основу, учитывающую особую русскую ментальность, религиозность русского человека. В то время как приверженцы Муссолини и Гитлера зарекомендовали себя как ярые безбожники.

После нападения Германии на СССР в руководстве РФС произошел раскол, часть фашистов во главе с К. Родзаевским приветствовала Гитлера, заявив, что РФС рассматривает эту войну не как войну с русским народом, а как войну за уничтожение коммунизма. Другие руководители организации (Н.Н. Петлин, Ф.С. Сиваченков), резко осудив нападение фашистской Германии, вышли из состава Верховного совета и рядов РФС. В связи с первыми поражениями фашистов в России и получением

³⁶³ Справка директора радиостанции ТАСС «Голос Родины» в Шанхае о работе Вс.Н. Иванова // ГАХК, ф. 1103: Иванов Вс.Н. – писатель (1888 – 1971), оп. 1, ед. хр. № 194, л.2.

известий о том, что там ведется война на уничтожение русского народа, среди российских эмигрантов в Китае стали усиливаться антифашистские настроения. Члены фашистской организации пожелали отмежеваться от германского фашизма, требуя от своего руководства отказаться от слова «фашизм» и от знака «свастика» с предложением заменить его знаком василька, как символа русских полей.

Японская военная администрация, не желая иметь самостоятельные русские организации, в августе 1943 года объявила о закрытии в Маньчжурии РФС. К концу войны милитаристские круги Японии взяли под свое полное руководство деятельность всех русских фашистских организаций в Китае. Таким образом расширился водораздел между патриотическим движением в среде российских эмигрантов в поддержку СССР и ее противниками, вставшими на путь борьбы с СССР в одном ряду с мировым фашизмом.

Чувство Родины, никогда не покидавшее Вс.Н. Иванова, помогло ему стать сначала в ряды патриотов России за рубежом, а затем вернуться на Родину. Много позднее, уже живя в Хабаровске, в одной из бесед с членом редколлегии журнала «Дальний Восток» В.С. Шевченко Вс.Н. Иванов признался: «Я всегда чувствовал себя частичкой народа. Народ остался в России, а где очутился я? И с кем? На военном параде в Хабаровске осенью 1945 года я пережил самое сильное потрясение в моей жизни. Мимо трибуны, под гром полковых оркестров, четко держа равнение, проходила победоносная армия. Эту армию, разгромившую гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию, создал русский народ. Без меня и мне подобных! Что сделал я для своего народа, я, пришедший к нему с повинной?»³⁶⁴.

В феврале 1945 года Вс.Н. Иванов вернулся на Родину и поселился в Хабаровске, где жил и плодотворно трудился на писательском поприще до своего последнего дня.

Творчество Вс.Н. Иванова периода эмиграции представляет собой феноменальную страницу из драматической истории русской литературы и журналистики 20-30-х годов XX столетия. В нем нашли отражение все узловые моменты развития русской литературы как единого, целостного процесса, искусственно разделенного на два потока, литературу эмиграции и внутрироссийскую. Вс.Н. Иванов одним из первых обозначил проблему драматично складывавшихся отношений между литературой метрополии и

³⁶⁴ Шевченко В.С. Возвращение к народу и к себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 7. С. 7.

диаспоры. Его справедливые претензии быть услышанным и прочитанным своими соотечественниками отразили духовный настрой большей части творческой российской эмиграции, проживавшей как на западе, так и на востоке. Пронизанное болевыми точками своего времени творчество Вс.Н. Иванова периода эмиграции во многом предвосхитило начавшийся в конце XX века процесс воссоединения двух потоков русской литературы. Вобрав в себя многие из главных тенденций единого отечественного историко-литературного процесса, творчество Вс.Н. Иванова эмигрантского периода оказало и продолжает оказывать воздействие на ход развития литературы и журналистики России второй половины XX и начала XXI веков.

Долгим, мучительно трудным было возвращение писателя к России, к своему народу. Длительная разлука с Родиной потребовала от него огромных усилий и времени для вхождения в общественно-культурную и литературную жизнь страны. А времени на остановку не было – жизнь продолжалась, грандиозные творческие замыслы требовали реализации. Являясь самобытной творческой личностью, владея богатым писательским и жизненным опытом, Вс.Н. Иванов поразил своих современников необычайным духовным подъемом, высочайшей активностью исторического мышления, неуклонностью своего последовательного интереса к истории и судьбе России, которые имели большие творческие результаты. Главными темами масштабной исторической прозы Вс.Н. Иванова послеэмигрантского периода стали тема России, ее государственного становления и тема Китая, где писатель, более 20 лет проведя в эмиграции, много работал над изучением культуры и истории страны, принявшей российскую эмиграцию на востоке.

Произведения Вс.Н. Иванова послеэмигрантского периода в основном укладываются в рамки исторической прозы, за исключением нескольких рассказов о современниках, людях труда, и рассказов для детей. После возвращения на Родину писателем был создан цикл повестей о Китае первой половины XX века, о борьбе китайского народа за освобождение, куда вошли повести «Тайфун над Янцзы» (1952), «Путь к Алмазной горе» (1956), «Дочь маршала» (1969). О событиях революции 1905 года в родной Костроме он рассказал в историко-революционном произведении, романе-хронике «На Нижней Дебре» (1958). Сам писатель книги о революции в Китае и России ценил не высоко, считая их данью партийной власти, попытками войти в советскую литературу. Но их объективный анализ свидетельствует о серьезном вкладе писателя в разработку темы Китая и

востока в русской литературе XX века. Историческое повествование Вс.Н. Иванова «Черные люди» (1963) является одним из вершинных его произведений. В нем воссоздаются художественно достоверно и полно драматические страницы русской истории допетровской эпохи. Его цикл исторических повестей «Императрица Фике» («Иван III», «Ночь царя Петра», «Императрица Фике», 1968) знакомит с художественной картиной трех узловых периодов отечественной истории, имевших принципиальные последствия для будущего России. Последним из опубликованных при жизни писателя стало историко-биографическое повествование «Александр Пушкин и его время» (1970), в котором автор поднимает философскую проблему роли творческой личности в художественном осмыслении исторического процесса. В последние годы своей жизни писатель работал над воспоминаниями «Повествование о времени и о себе», которые считал «культурно-патриотическим вкладом одного из современников» в историю и культуру своего Отечества.

В 1957 году писатель был принят в члены Союза советских писателей (членский билет № 209). Рекомендации Вс.Н. Иванову при вступлении в ССП дали писатели-дальневосточники Юлия Шестакова и Рустам Агишев. Юлия Шестакова в своей рекомендации написала об Иванове «как человеке, бесспорно, талантливым и преданном интересам нашей Родины»³⁶⁵. Вступлению Вс.Н. Иванова в ССП предшествовала большая работа, а также преодоление незримого, но сильного сопротивления со стороны части руководства ССП, которое исходило из идеологических соображений, а не творческих, видя в Иванове бывшего белоэмигранта. Вс.Н. Иванову приходилось каждодневно заботиться о хлебе насущном, выполняя самые разные поручения, в том числе занимаясь переводами, работая над киносценариями. И только после выхода из печати его романа-хроники «На Нижней Дебре» он получил некоторые материальные условия для занятий писательским трудом. Он предпринял много поездок по стране, собирая материалы к своим будущим крупным историческим произведениям.

В последние годы своей жизни Вс.Н. Иванов поддерживал тесные творческие и дружеские отношения с такими писателями и литературоведами, как Н. Задорнов, К. Симонов, Ст. Злобин, С.М. Петров, П.А. Николаев.

³⁶⁵ Шестакова Ю. Рекомендация Вс.Н. Иванову при вступлении в члены ССП // ГАХК, ф. 1103: Иванов Вс.Н. – писатель (1888 – 1971), оп. 1, ед. хр. № 195, л. 1.

Незадолго до смерти Всеволод Никанорович выглядел скорее не больным, а утомленным жизнью. Один из его современников, навестив писателя незадолго до его смерти, оставил воспоминания об этом: «... серо-голубые глаза в припухлых веках слезились, и сидел он в кресле на надувном детском спасательном круге, о котором сказал, усмехнувшись: «Плыву теперь уж в края неведомые». Посеребрилась жесткая щетина усов, почти выбелились крепкие волосы, зачесанные назад, и все грузноватое тело его как бы освободилось от лишнего веса <...> Внешне и внутренне этот могучий человек «соборовался», приготовил себя в «края неведомые», то есть божеские для него, верующего»³⁶⁶.

В этой, одной из его последних бесед ярко выразилась сила натуры, природной сути Вс.Н. Иванова, отразившаяся в концепциях всех его главных книг. Это его неизменная приверженность практике жизни, ее природным законам, а не идеологическим доктринам. «Он (Вс.Н. Иванов – С. Я.) помолчал, что-то обдумывая, и заговорил медленно, прерывая слова частой одышливостью: «В чем беда наших правителей? Они маленькие люди. Да, маленькие по уму, способностям. Недоразвитые. Прибитые идеологией. И оттого слышать ничего разумного не хотят: это их оскорбляет»³⁶⁷.

Как человек и писатель, сформировавшийся в социально-культурной атмосфере Серебряного века, в условиях отсутствия идеологического диктата, Вс.Н. Иванов запечатлел в своем богатом наследии тип свободной творческой личности гражданина, мыслящего масштабно, всегда соотносясь при этом с ценностями вечными, несиюминутными.

С годами все очевиднее становилась последовательная приверженность Вс.Н. Иванова главной теме, теме России. Ее постижение происходило у Вс.Н. Иванова на двух неразрывных уровнях, на уровне науки и художественного творчества. Художническая позиция писателя, обретшего Родину после десятилетий разлуки, была близка позиции другого русского писателя-историка, А.Н. Толстого, который, вернувшись из эмиграции, писал, что наступило «время... – художнику стать историком и мыслителем»³⁶⁸.

³⁶⁶ Ткаченко А. Слово о Вс.Н. Иванове // Московский вестник. 1990. № 6. С. 279.

³⁶⁷ Ткаченко А. Слово о Вс.Н. Иванове // Московский вестник. 1990. № 6. С. 279.

³⁶⁸ Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10-ти тт. М., 1961. Т. 10. С. 87-88.

Именно в такое время довелось жить и работать Вс.Н. Иванову. Высокий интеллект и художественный талант, надежно сопряженные в этом человеке со стремлением к масштабности и полноте на пути к постижению исторической и художественной истины, поставили его вровень со своим веком и делают творчество Вс.Н. Иванова эстетически ценным и значимым в историко-литературном и культурном процессе XX – XXI веков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Доэмигрантский период жизни и творчества Вс.Н. Иванова как время становления личности и мировоззренческих поисков	9
Раздел первый. Истоки мировоззренческих и творческих исканий Вс. Н. Иванова	10
Раздел второй. Годы революций и гражданской войны: Самоопределение и первые творческие поиски Вс.Н. Иванова в литературе и журналистике	30
Раздел третий. Владивостокский период как время творческого собирания сил и предтеча эмиграции	67
ГЛАВА ВТОРАЯ. Эмиграция в жизни и творчестве Вс. Н. Иванова как время продолжающихся идейных и творческих поисков писателя и мыслителя.....	88
Раздел первый. Харбинский период: Становление философских и эстетических принципов творчества Вс.Н. Иванова	89
Раздел второй. Историко-литературный контекст в развитии проблематики и жанрового богатства универсального творчества Вс. Н. Иванова	111
Раздел третий. «Сказание об Антонии Римлянине» как духовно- эстетический этап художественной биографии писателя	166
Раздел четвертый. Книга Вс. Н. Иванова «Рерих – художник- мыслитель» как итог философско-эстетических исканий и предтеча послеэмигрантского творчества писателя и мыслителя	177
Раздел пятый. Журналистское и художественное творчество Вс. Н. Иванова Шанхайского периода	185

Научное издание
Якимова Светлана Ивановна

**Всеволод Никанорович Иванов:
писатель, мыслитель, журналист**

Отпечатано с авторского оригинала
Дизайнер обложки *Л.В Задвернюк*

Подписано в печать 07.05.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,8. Тираж 300 экз. Заказ 241.

Издательство Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
Отдел оперативной полиграфии издательства Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.